

ШТОРМ

серия "Эшес и Эмберс" книга 1

Кериен Коул

Затишье перед бурей... Я жила в тихом безмолвии, ощущая шелест ветра, который предупреждал меня, просил уйти с его пути. Но я не стала. У меня не было никаких шансов. Череда погодных и дорожных происшествий загнала меня в ловушку посреди метели с совершенно незнакомым человеком. На заднем сидении пикапа. На очень странные сорок восемь часов. У него были длинные волосы, татуировки и неплохой рельеф мышц. Незнакомец с безумно сексуальным голосом и порочной улыбкой, которая превратила мои внутренности в желе. Незнакомец, который держал меня в своих объятиях, успокаивал меня и разжег во мне огонь, который я не в силах потушить. Шторм живет в соответствии со своим именем. Красиво. Опасно. Привлекательно. Шумно. Грязно. Он смесь страсти и спокойствия. Он привык получать то, чего хочет. А теперь он хочет меня. Некоторые преследуют шторм ради потрясающих острых ощущений. Но что может случиться, если шторм станет преследовать вас, а не вы его?

Кериен Коул

Шторм

Посвящается

Моей маме, которая учила меня следовать за своими мечтами, слушать своё сердце и верить в свои силы. Я скучаю по тебе каждый день.

Моему мужу, Эдди, который безоговорочно меня любит со дня нашей первой встречи и который поддерживает все мои сумасшедшие задумки, слушает мой нескончаемый бред и служит моей музой. Я люблю тебя всем своим сердцем, навсегда...

Глава 1

Иногда, когда я еду за рулем в одиночестве, на меня накатывает, как я её называю, «дорожная кома»: я вдруг остро осознаю, что не могу вспомнить о прошлом, скажем, о последних двадцати или тридцати милях дороги. Не могу вспомнить хоть какую-то чертову мелочь. Ни дороги, ни остановок перед знаком «стоп», ни того, что играло по радио. Абсолютная пустота. Меня может накрыть резкой вспышкой страха, и я буду думать, *а что, если бы я кого-то сбила, и даже не знала об этом?* Конечно, если бы такое произошло, я бы почувствовала быстрый удар и стук, а потом избавилась бы от него.

Правда, же?

Я моргнула и сильнее сжала руль, когда поняла, что еду по извилистой, узкой горной дороге, которую замело снегом. Когда я выехала из дома час назад, снег едва шел. Я посмотрела на GPS, который уже довольно долго ничего не говорил. Маленькая голубая стрелка указывала на то, чего здесь никак не было, потому что я не вижу ничего, кроме деревьев. И снега. Много снега. Тяжело сглотнув, задумалась: а вдруг GPS говорил со мной пока я была в дорожной коме и прослушала. Майкл обещал, что если я выеду из дома пораньше, то никак не заблужусь с этим крошечным цифровым устройством, но сейчас у меня были серьезные сомнения на этот счет.

Я хватаюсь за телефон, чтобы позвонить ему и сказать, что я, не смотря на его обещания, *совершенно* потерялась, но телефон находится в режиме SOS. Сделав вдох, кидаю его на пассажирское сидение, а он подпрыгивает и падает на пол. Я тянусь вниз, чтобы достать его, и случайно поворачиваю руль, машину начинает заносить. Так как я ужасный паникер, я резко поворачиваю руль назад и жму по тормозам, в результате чего машина начинает кружиться. Снегопад все усиливается, падая с неба сильными зигзагами, а я вижу только кружащееся белое очертание, пытаюсь взять машину под контроль. Теперь я даже не уверена, с какой я стороны дороги ехала и в какую сторону мне надо. Мы с машиной, как перышко на ветру, который мягко дует туда и сюда, а мы вертимся в этом порыве, пока, в конце концов, не останавливаемся в кювете, а моя голова слегка ударяется об руль машины. Я заставляю себя открыть глаза и осмотреться вокруг. Нет, это не была авария. Ну, не совсем. Скорее непредвиденная остановка после длительного кружения. Машина просто остановилась — «носом» на дорогу. Пока я благодарилась, что машина не разбилась вместе с моей головой, которая почти что уткнулась в лобовое стекло, я только больше застряла, прокручивая колеса.

Я потянулась к своему телефону (снова), мысленно молясь, чтобы появился сигнал, но ничего не произошло. Сигнала нет. Я постаралась вспомнить, проезжала ли мимо домов или заправок, пребывая в своем неконтролируемом водительском ступоре, но так и не смогла припомнить ни одного признака цивилизации, что только усиливает тот факт, что я далеко от шикарного отеля, в котором должна пройти моя бизнес-встреча на этих входных. Я потерялась и застряла. Сердце начало ускоренно биться. Потерялась и застряла. Просто невообразимо.

Ладно, Эвелин, сохраняй спокойствие. Глубокий вдох.

— Эй, ты в порядке?

Стук ладони по моему окну напугал меня до чертиков. Я подпрыгнула и закричала. Снежный человек в черной ковбойской шляпе и длинном черном пальто, глаза скрывали

темные солнцезащитные очки, а во рту была сигарета. И сейчас он пытался проникнуть в мою машину.

О, Боже! Психопат похититель-убийца посреди метели.

— Привет? — снова сказал он.

Он открыл дверь, и снег повалил в машину и мне на колени. Я отпрянула от него, перебираясь через центральную консоль автомобиля на другое сидение. Я украдкой взглянула на него и увидела пирсинг в брови.

Почему людям нравится украшать свое лицо странными металлическими предметами?

— Не прикасайся ко мне! — Закричала я. Вот бы у меня был пистолет. Или нож. Но все, что у меня было — это коробочка оранжевого Тик-Така и, хотя как-то раз один из них застрял у меня в горле, я сомневалась, что смогу использовать их в качестве самообороны.

— Хорошо, леди, успокойтесь. Вы ударились головой?

Леди? Кого это он назвал леди?

— Нет, я не ударилась головой. — *Или ударилась?*

Я подняла руку и коснулась головы. Почувствовала боль на небольшом участке. И он был влажным. Я посмотрела на руку. Кровь!

— О, Боже. Думаю, я вскрыла себе череп!

— Нет, это просто небольшая шишка.

— Но идет кровь!

Я стала рыться в кошельке, достала оттуда смятый кусочек ткани и приложила к голове. Пусть крови и немного, но все же. Снежный человек смотрел на меня с веселой ухмылкой, а потом протянул руку и убрал волосы с моего лба.

— С тобой все хорошо, — сказал он. — Просто крошечная ранка.

Я отпрянула и свернула губу, словно бешеная собака.

— Не прикасайтесь ко мне. Пожалуйста, вытащите свою голову из моей машины.

Смеясь, он присел возле машины и положил руки на внутреннюю сторону дверцы, будто мы тут тусовались и болтали, а не сидели на обочине дороги, посреди метели в кювете. Я просто уверена, что он ненормальный.

— Итак... что ты здесь делаешь? — небрежно спросил он.

— У меня машина застряла! Эй! — что за идиот?

— Ага, я это вижу. Я имел в виду, куда ты ехала до того, как застрять в кювете?

— В гостиницу Фолс.

— В гостиницу Фолс? — переспросил он и выпустил еще один смешок. — Крошка, ты довольно-таки далеко от гребаной гостиницы Фолс. Миль пятьдесят отсюда. Думаю, если бы твоя машина могла проехать еще миль пятьдесят через лес, ты выехала бы прямо к ней. Ты это и пыталась сделать?

Чертов GPS! Не нужно было доверять этой бесполезной штуковине. С каждой минутой мое положение только ухудшалось. Ну, и где я сейчас, черт возьми, нахожусь и как мне попасть на встречу? Или домой, как вариант. Я даже не могу позвонить боссу и сказать ему, что я задерживаюсь или Майклу, чтобы приехал за мной.

— и еще несколько миль вверх по дороге.

Ой, Снежный человек говорил мне что-то, пока я погружилась в собственные мысли.

— Извините, что Вы сказали? — спросила я его.

Снег продолжал падать на его шляпу. Уже где-то миллиметров шесть напало. Это не

хорошо.

— Я сказал, что у меня хижина в нескольких милях вверх по дороге. Мы можем пойти туда и переждать бурю. Мой грузовик тут, на дороге. Я остановился, когда увидел, как твоя машина закружилась и случилась авария. Ты почти врезалась в меня, знаешь ли.

Вот черт! Это одна из тех историй про «старый домик в лесу». Интересно, сколько психопатов использовали эту фразу. Кажется, именно с нее начинаются многие фильмы ужасов или жуткие романы.

Я покачала головой.

— Не стоит, но спасибо за предложение.

Да, будь вежливой и, возможно, он уйдет и не станет убивать тебя, оставив после себя окровавленное и избитое тело в снегу, на другой стороне горы.

— Ну, я, блин, не могу оставить тебя здесь. Метель будет идти все выходные. Ожидается, что выпадет до шестидесяти сантиметров снега, а то и больше. Ты можешь умереть от холода или голода, если останешься здесь. Я не причиню тебе вреда.

— Ах, так теперь все убийцы-психопаты прямо предупреждают о своих намерениях жертв?

Я понизила свой голос, чтобы спародировать психопата:

— Извините, мисс, но сейчас я Вас убью. Пожалуйста, оставайтесь в машине, пока я не доберусь до выбранной для убийства местности.

Он громко рассмеялся, а затем глубоко вздохнул.

— А ты милая. Но я не психопат. Я тот дебил, который ехал за твоей машиной, когда ты потеряла над ней контроль. И, стоит добавить, ты должна быть благодарна, что я здесь. По этой дороге немногие ездят.

Потрясающе! Дорога в лесной глуши, которую никто не использует! Лучшую сцену убийства и представить сложно.

Но я стояла на своем:

— Я никуда с Вами не поеду, поэтому можете уже отойти от моей машины.

Он закурил сигарету и сделал несколько длинных затяжек прежде, чем ответить мне.

— Слушай, я не оставлю тебя здесь. Не знаю, может, это из-за того, что ты ударила голову или просто психичка, или еще что. Но я уверен, мать его, что не оставлю тебя посреди метели, и насрать мне, насколько ты раздражающая особа. Поэтому, прекрати быть такой безрассудной. У моего друга своя автомастерская в городе. Я позвоню ему, когда мы приедем в хижину, и попрошу отбуксировать твою машину отсюда, когда закончится буря.

Я понимала, что Снежный человек прав. Я не могу оставаться в машине и просто ждать, когда кто-то меня найдет. Или надеяться, что у моего телефона появится сигнал. Я могу либо остаться здесь и, скорее всего, умереть или пойти с ним и надеяться, что он не опасный убийца на свободе.

— Ладно, — пробормотала я, признавая свое поражение.

Он поднялся на ноги и начал смахивать с себя снег, покачал головой, отчего снег разлетелся во все стороны. Потом он снял свои очки, чтобы вытереть их от снега.

— Пошли.

Я искоса посмотрела на него, думая, что у меня галлюцинации. Его изумрудно-зеленые глаза снизу были подведены черным карандашом. Seriously, карандаш для глаз?

— Извините, Вы красите глаза карандашом?

Он закатил глаза и пожал плечами.

— Не обращай внимания. Давай уже выдвигаться, — он надел очки обратно.

Я не могла просто так это проигнорировать:

— Вы, случайно, не трансвестит или еще кто?

— Вот уже, блядь, нет.

— Тогда зачем вам подводить глаза?

И очень аккуратно, стоит заметить. Я никогда не могла сделать себе smoky eyes, чтобы получилось идеально растушевать, как у него.

— Это часть моего имиджа. Может, поговорим об этом дерьме позже? Мы же посреди гребаной метели. Не совсем подходящее время для разговоров о макияже.

Думаю, это часть его странного образа гота, которых я видела только в клипах по телевизору и еще в киношках про вампиров. А вдруг, он фанат Сумерек? Господи, надеюсь, что нет.

Он протянул руку, чтобы помочь мне выбраться из машины, вполне вежливый жест, который никак не соответствовал всему остальному.

— Я не могу идти по снегу, — робко призналась я.

— Да? Почему нет?

— Потому что я на каблуках.

— На каблуках? Кто, черт возьми, носит обувь на каблуках в такую погоду? — Он возвел руки вверх в порыве отчаяния. — Гребаная моя жизнь! — закричал он в снежное небо.

— Когда я выехала, так сильно не мело, ясно? Мдаа. Что ты вообще знаешь о моде? — кивнула я в сторону его сочетания из полинявших порванных джинсов и ботинок, которые, на самом деле, намного лучше моего костюма для бизнес-поездки и высоких шпилек.

— Тогда мне придется поднять тебя, чтобы отнести к моему грузовику.

— Отнести меня? Ни за что. Не прикасайся ко мне, — скрестила я руки. Знаю, я выглядела как недовольный ребенок, но меня это не волновало.

Он вздохнул, повернулся к моей машине и прежде, чем я успела запротестовать, легко взял меня на руки.

— Хватит уже этой ерунды. Разговор окончен, — отрезал он, пинком закрыл дверь машины и пошел вверх по заснеженному склону. У меня не осталось выбора, поэтому я обняла его руками за шею. Даже через пальто я могла почувствовать мускулистые плечи и руки. Он был большим парнем, думаю, ростом где-то сто восемьдесят восемь сантиметров, а может и выше.

— Пожалуйста, только не урони меня, — сказала я, прижимаясь к нему и в то же время, стараясь не слишком прикасаться.

— Шутишь что ли? Ты же почти ничего не вешишь. Ты хоть что-нибудь ешь?

— Да, ем. По ощущениям, ты очень большой. — Мне захотелось взять свои слова назад, как только поняла, что именно вышло из моего рта. — Я имела в виду, я чувствую твои мышцы на плечах и спине.

Теперь у меня горели щеки. Я умоляла вселенную, чтобы она проглотила меня.

Он засмеялся надо мной:

— Черт, продолжишь такое говорить, и я тебя уроню.

— В данный момент меня это мало заботит. Я только хочу, чтобы этот кошмар закончился.

Наконец-то мы добрались до дороги, и он зашагал к своему большому, черному пикапу,

который теперь покрывало несколько сантиметров снега. Меня реально встревожила скорость, с которой шел снегопад. Я потянулась и открыла дверь с пассажирской стороны, когда мы подошли достаточно близко.

— О, Боже мой! — закричала я. — В твой грузовик влез волк!

Я отвернула голову от гигантского животного и спрятала лицо у него на шее.

— Черт возьми, успокойся! Это только моя собака. Ты всегда такая ненормальная?

— Она огромная! — кричала я, не глядя на гигантское пушистое существо, которое тяжело дышало в нашу сторону.

Снежный человек с подведенными глазами пытался впихнуть меня в свой грузовик, а я продолжала кричать, отбиваясь ногами.

— Я не буду сидеть рядом с этим существом!

Парень со мной на руках закатил глаза и заскрежетал зубами, а потом проорал:

— Нико! Вали назад. — Собака заскулила. — Назад, быстро!

Похожая на волка, собака поникла и перепрыгнула на заднее сидение машины. Тогда Снежный человек опустил меня на пассажирское сидение.

— Не бойся его. Он тебя не укусит.

Я провела руками по своим длинным волосам, которые были мокрыми от снега.

— Вы с собакой оба довольно пугающие. Без обид.

— Без проблем. А теперь давай выбираться отсюда.

Он начал закрывать дверь, но я выставила руку, чтобы остановить его.

— Подожди! Мой кошелек и дорожная сумка остались в машине.

— И?

— Они мне нужны. Там все мои вещи.

— Серьезно? Таблетки тоже там?

Таблетки? О чем это он? А?

— Ты же принимаешь какие-то таблетки от своего психического расстройства. Хочешь, чтобы я пошел обратно к долбаному кювету только для того, чтобы забрать сумку, набитую твоими шмотками и идиотскими туфлями?

Вот же нервный парень!

— Извини, но там мой лептоп, а в нем вся сделанная мной работа, которая нужна для встречи.

— Ты ни за что на свете, блядь, не сможешь добраться на эту встречу в выходные. Это так, к слову.

Он закурил сигарету и несколько раз глубоко затянулся, глядя в лес. Я буквально видела, как он обдумывает решение.

— Ладно! — наконец-то зарычал он. — Сиди здесь и постарайся не устроить еще одну аварию, хорошо? И ничего не трогай.

Я скорчила ему рожицу за спиной, наблюдая, как он тащится вниз по холму к моей машине и вдруг остро осознала, что гигантская собака дышит мне в шею с заднего сидения. Я не хочу сидеть в грузовике наедине с этим животным или его хозяином, или с ними двоими. У меня не укладывалось в голове, как этот день мог так быстро пойти под откос! Сейчас я должна быть в шикарном отеле, отмокать в горячей ванной и заказывать еду в номер. А не застрять посреди метели с этим психом и его невероятно огромной псиной. Я опустила солнцезащитный козырек, и через опущенное зеркало могла следить за собакой позади. Я видела, что он тоже смотрел на меня в зеркало с высунутым языком. Казалось, он

ухмылялся мне так же, как его хозяин.

Спустя целую вечность, я увидела, как Снежный человек идет обратно к грузовику, пока снег кружил вокруг него. Он открыл дверь, забросил мои сумки внутрь и сел за руль.

— Спасибо, — сказала я.

— Уверена, что не хочешь выпить латте? Я мог бы для тебя сгонять в Старбакс пока идет метель и принести кофе?

Вообще-то, я бы сейчас с удовольствием согласилась на вкусный горячий мокко с белым шоколадом, взбитыми сливками и шоколадной стружкой сверху, которую они добавляют на праздниках.

— Мне жаль, ладно? — сказала я ему. — Давай, просто поедем.

Я хотела убраться подальше от этого саркастичного мудака и попытаться отыскать путь к отелю или вернуться домой, как можно скорее. А теперь мне еще хотелось мокко с белым шоколадом, которое я пила вчера.

Он завел грузовик, и послышался рев двигателя.

— Моя хижина в двух милях вверх по дороге.

Он сильнее включил обогрев.

— Как только мы туда доберемся, сможем вызвать эвакуатор для твоей машины, если телефоны работают.

— А что, если они не работают?

— Тогда, я думаю, тебе придется переждать, пока они не *заработают*, или пока дороги не расчистят настолько, чтобы я мог отвезти тебя в город.

Я протяжно выдохнула от переполнявшего меня раздражения:

— Что за отстойный день сегодня.

Он кивнул в знак согласия:

— Отвратительный — не то слово.

Снег падал так сильно и так быстро, что мы едва могли разглядеть что-то в ветровое стекло. Даже не припомню, когда в последний раз видела такую ужасную метель. В каком-то смысле, я даже радовалась, что моя машина застряла, иначе страшно представить, как бы я вела ее в такой снегопад.

Мы медленно ехали в полной тишине, когда неожиданно из-за деревьев выскочил олень к обочине дороги, прямо перед грузовиком. Я закричала, чтобы Снежный человек повернул руль, и грузовик начал скользить и кружиться, набирая скорость. Он вытянул одну руку перед моей грудью, чтобы удержать меня на месте, пытаясь вернуть контроль над грузовиком, но не получалось. Я снова закричала, когда грузовик слетел с дороги в лес, вниз по склону, задевая маленькие деревья, пока, наконец, не остановился, наполовину зажатый между большими деревьями на склоне холма.

— Блядь! — он стукнул руками по рулю. — Поверить, блядь, не могу в это дерьмо! — он повернулся ко мне. — И какого хрена ты не пристегнула ремень безопасности?

Я отодвинулась от него, буквально слившись с дверью:

— Извини.

Мой голос прозвучал тихо и слабо. А сердце так сильно забилося в груди, что я почувствовала, что сейчас потеряю сознание.

Он положил голову на руль и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

— Прощу прощение, что накричал на тебя, — сказал он, наконец. У него был ровный и спокойный голос, но я видела эту борьбу в нем. — Ты в порядке?

Он смотрел на меня через свои солнцезащитные очки, и я смогла увидеть в них свое отражение.

Я кивнула, боясь заговорить. Терпеть не могу слышать страх в собственном голосе. Он дотянулся до заднего сидения и погладил собаку.

— А ты в норме, Нико? — Собака заскулила и облизала его руку. — Он в порядке, — сказал он, глядя собаку по голове.

Он попытался завести машину, но она не подала никаких признаков жизни. Поверить в это не могу, вот, правда, просто не могу.

— Что... что будем теперь делать? — спросила я его.

— Ну, если ты не хочешь пройтись или проехаться на моей собаке до хижины, мы застрянем здесь.

Страх поднимался во мне огромной волной.

— Что? Что ты хочешь сказать? Нужно выбираться отсюда. Мы можем замерзнуть или проголодаться, ты сам так говорил, и...

— Тсс! — зашипел он на меня, отчего я подпрыгнула. — Просто, блядь, успокойся, ладно? Очевидно, что обе наши машины накрылись. Мы все еще где-то в миле от моего дома, а может и больше. Слишком далеко, чтобы идти пешком в такую бурю, особенно, когда на тебе эти «трахни меня» шпильки.

— Ты можешь уже отстать от моих туфель, пожалуйста?

— Пофиг. Буря, скорее всего, закончится ночью или уже завтра, поэтому нам придется просто остаться здесь, пока тут не проедет снегоочиститель, тогда нас подвезут. А пока, нам повезло, что я заехал в продуктовый магазин по дороге к хижине, и у нас достаточно еды и напитков, чтобы переждать.

Чтобы переждать? Что, черт возьми, он имеет в виду?

— ... у меня на заднем сидении есть большое одеяло, поэтому мы сможем оставаться в тепле. Оно достаточно плотное и толстое.

Меня начало трясти. Не знаю, от холода это или от страха, а может от всего сразу. Я хочу выйти из грузовика и убраться подальше от этого парня и его собаки, *сейчас же*. Я умоляла себя не паниковать, хотя и знаю, что это неизбежно. С самого детства я страдала от атак паники, которые могло вызвать что угодно. Без сомнений то, что я застряла в этом грузовике, посреди леса — лучший вариант для одной из них.

Он потянулся через сидение и коснулся моей ноги:

— Эй, с нами все будет хорошо. Не волнуйся.

Я отпрянула от его прикосновения и скрестила руки, обнимая себя.

Я кивнула, но не стала отвечать. И он продолжил говорить:

— Ладно, думаю, нам обоим лучше перебраться на заднее сидение, здесь достаточно места, и мы сможем накинуть на себя одеяло. Я считаю, что это поможет нам оставаться в тепле.

— А что насчет собаки?

Ни за что на свете я не сяду близко к этой твари. Вот бы мой кот был здесь, со мной. Хейло теплый и мягкий, он может сидеть у меня на коленях и мурлыкать, убаюкивая меня.

— ... будет сидеть смирно. На нем тонна меха и он создан для такого холода, поэтому с ним все будет хорошо.

Последнее, чего бы мне хотелось, это сидеть на заднем сидении под одеялом с этим длинноволосым с подведенными глазами фриком в ковбойской шляпе. В какую

разновидность ада я попала?

— Хорошо, перелезай назад, тогда я позову Нико сюда, а потом перелезу назад, к тебе. Договорились? Я знаю, что он пугает тебя, но он тебя не тронет.

Я выругалась себе под нос и привстала, чтобы перебраться на заднее сидение. Я успокаивала себя, забившись в самый угол, пока он подзывал собаку перелезть вперед, а затем сам перебирался назад. У него в руках было огромное, толстое одеяло из флиса, он взмахнул им, чтобы расправить, и положим нам на колени.

— На нем немного собачьей шерсти, но, по крайней мере, оно теплое и чистое.

Я послала ему слабую улыбку:

— Должно сработать.

Заднее сидение расширенной кабины пикапа было довольно большим, к счастью. Я уже несколько лет не сидела в пикапе и не помнила, чтобы у них были такие огромные задние сидения. Наверное, это более новая модель.

— Никогда не сидела на заднем сидении пикапа, здесь неплохо. И просторно, — сказала я, потому что не знала, что еще сказать.

Он улыбнулся своей кривой улыбкой и засмеялся:

— Хм, спасибо?

— Я просто пытаюсь завязать разговор. Это очень неловко.

— Да уж, блядь, плохо дело. Но, похоже, мы застряли здесь на какое-то время, так что придется стать друзьями на несколько дней. Может, начнем с имен... Как тебя зовут?

— Эвелин. А тебя?

— Шторм.

— Шторм? — повторила я. — Ты прикалываешься?

— Да... Когда мама показала отцу фото УЗИ, он сказал, что картинка напоминала ему скопление темных грозových туч, поэтому они назвали меня Шторм.

— Отстойно, когда приходится объяснять каждому встречному значение своего имени.

— Нет. Вовсе нет. Мне нравится мое имя. По крайней мере, оно не такое скучное, как гребанное Джо или Майкл.

Я вспомнила о Майкле и задумалась, чем он сейчас занимается. Если я не позвоню ему, он начнет переживать обо мне. Может, он поедет меня искать и спасет от этого морозного ада.

Шторм наклонился и начал снимать свое пальто.

— Он довольно-таки намокло. Думаю, лучше снять, чтобы не сидеть как губка, да?

Он сложил его и положил на переднее сидение, затем снял шляпу и поднял очки на голову.

Шторм загипнотизировал мои глаза, они предали меня, пока я старалась отодвинуться от него настолько, насколько это было возможно. У него были темно-каштановые длинные волосы, на несколько сантиметров ниже плеч. Справа две пряди были окрашены в фиолетовый и белый цвета. На нем был черный вязаный свитер с косами, и с закатанными рукавами. Так, что я смогла разглядеть татуировки, которые покрывали его руки, от запястий до плеч. Я видела, что их рисунок выглядывал из-под края его свитера, и тянулся к шее. Никогда раньше не встречала парня, который выглядел бы так, как он. Я смотрела на него, как на экзотическое животное в зоопарке, словно зачарованная. Он встретился со мной глазами, и я быстро отвела взгляд.

— Что? — спросил он.

— Ничего.

— Ты рассматривала меня. Хочешь что-то сказать?

— Нет... И я не собиралась тебя рассматривать. Я просто никогда раньше не видела кого-то похожего на тебя так близко.

Он поднял брови и ухмыльнулся:

— Похожего на меня? Это оскорбление или комплимент?

Я покачала головой и немного смутилась:

— Определенно не оскорбление, — *нельзя оскорблять психопатов.*

— Дай-ка я угадаю! Ты привыкла к спортсменам, с короткими волосами, в долбаных выглаженных брюках и лоферах?

Я кивнула.

— Да, думаю, что так и есть. Мне не часто доводилось пересекаться с мужчинами с подведёнными глазами и цветными прядями в волосах.

Он откинул голову на спинку сидения и прикрыл глаза:

— Мне нравится отличаться. Я не нуждаюсь в этом гребаном подборе.

Не стану признавать этого вслух, но я тоже. Вот у Майкла синдром «модника». Я открыто могу сказать, что они с друзьями одеваются в одинаковую одежду, отдельно, конечно же, водят одинаковые машины, у них короткостриженные волосы, с небольшой торчащей во все стороны челкой. Я считала себя такой же, одевалась как другие женщины в офисе, но, когда я дома или наедине с собой, я не могу дождаться, чтобы влезть в свои штаны для йоги, старенькую футболку и обувь розовые конверсы.

— Что ж, Эвелин... на какую встречу ты ехала?

— По работе.

— Это я понял. Чем ты занимаешься?

— Я маркетолог в небольшой рекламной фирме. Мне нужно было быть на семинаре по прямой почтовой рассылке [один из методов маркетинга — прим. пер.] и стратегиям онлайн-маркетинга.

— Интересно звучит.

— Ну, как ты сказал, очевидно, я ее пропущу. Босс жутко разозлится. Пришлось потратить немало денег на регистрацию и оплату номера и все остальное.

— Какого хрена, Эв? Ты застряла в кювете в самом эпицентре снежной бури. Я думаю, он поймет.

Я покачала головой. Я уже буквально слышала, как Джим кричит о потраченных средствах и моей безответственности. Его волнуют только деньги и прибыль.

— Моего босса сложно назвать понимающим человеком.

— Ну и насрать на него, в таком случае. Тебе не нужно это дерьмо.

— Нет, но мне нужна работа. И ты всегда так говоришь?

— Если он переложит на тебя эту хрень, скажи мне, и я покрою все расходы, которые он понесет из-за твоего кювет-погружения. И да, я, блядь, только так и разговариваю.

— Что? Ты с ума сошел? Ты не можешь одалживать мне деньги.

— Ага, немного сумасшедший. Но для меня это не такое уж большое гребаное дело. Я не хочу, чтобы кто-то срывался на тебе из-за бабла. Жизнь для этого слишком коротка.

Я на миг уставилась на него, понимая, что он очень серьезен.

— Почему тебя это волнует?

Он беспечно пожал плечами:

— Не знаю. А почему нет? Я не жадный.

— Будем надеяться, до такого не дойдет. Но спасибо.

Он зевнул:

— Да без проблем.

— А ты работаешь? — спросила я его, пытаюсь продолжить разговор. Мне не хотелось сидеть в этом грузовике в полной тишине. Это было бы очень неловко.

— Да, даже у людей, которые выглядят как я, есть работа, — сказал он с сарказмом.

Ауч.

— Я не это имела в виду. То есть, чем ты занимаешься на работе? — мне действительно нужно следить за словами. Иногда из моего рта вылетает абсолютная бессмыслица.

— Я собираю мотоциклы на заказ.

Вау. Никогда не сидела на мотоцикле, да и боюсь их до смерти, но звучит, как довольно интересная работа — самому собирать мотоциклы.

— Звучит довольно круто. Никогда на них не ездила.

Он уставился на меня так, как будто у меня было десять голов.

— Что? Ты серьезно?

Я кивнула:

— Они меня всегда пугали.

Он улыбнулся, и улыбка преобразила его лицо.

— Вот, что я тебе скажу, Эви. Придет весна, и я возьму тебя с собой покататься по этой самой дороге, на которой мы попали в аварию. В это время года здесь потрясающе. Немного выше есть классный маленький водопад. Он очень красивый и так чертовски успокаивает. Тебе понравится.

— Не знаю, что насчет...

— Доверься мне, я буду ехать медленно и посажу тебя на свой любимый байк. Даю слово, тебе точно понравится.

Он смотрел на меня с такой надеждой, что я не могла не согласиться. И называл меня Эви. Никто не назвал меня так с тех пор, как я была маленькой.

— Наверное, я подумаю об этом. Если обещаешь ехать очень-очень медленно.

— Договорились.

Интересно, а что, если наша маленькая поездка действительно когда-то произойдет? А что, если буря только усилится, и мы застрянем тут на несколько дней? Что будет, если никто нас так и не найдет, и мы умрем с голоду или из-за холода? Станет ли тогда страховая компания платить компенсацию за мою машину? Не забудет ли Майкл кормить Хейло?

Я начала дрожать и тяжело дышать, а мои руки инстинктивно схватились за дверную ручку. Я сильно зажмурила глаза, пытаюсь остановить порыв страха. «*Пожалуйста, прекрати*» — просила я себя. Не здесь, не сейчас, не рядом с ним. Но было слишком поздно. Дрожь уже началась.

— Эй, ты в порядке, Эвелин? — его сарказм сменился беспокойством.

Я кивнула, не в силах совладать с голосом. Я еще крепче сжала руки вокруг ручки двери, борясь с желанием открыть ее и убежать. Мне нужно выбраться из этого грузовика. Убраться отсюда и остановить нахлынувший страх.

Он положил свою руку мне на плечо:

— Что не так? Тебе плохо? Ты побледнела. Говори со мной.

Меня накрыло волной головокружения, начало подташнивать и появилась отдышка.

— Паническая атака... у меня такое с самого детства. — Мое сердце билось так сильно, что я чувствовала его в ушах, и мне стало жарко, будто сижу в духовке, но продолжаю дрожать. Я в беде.

— Вот, блядь. — Он развернулся ко мне боком, так, что сейчас его спина упиралась в другую дверь. — Иди сюда.

Он положил руки мне на плечи и потянул к себе, спиной к его груди. Он накрыл нас одеялом и обнял меня в медвежьих объятиях.

— Просто обопрись на меня, — сказал он тихо. — Закрой глаза и слушай мой голос.

Я положила свои руки поверх его. У меня тряслось все тело, а мозг работал со скоростью тысяча миль в минуту: сотни страхов и плохих мыслей мчались сквозь меня. Как я ненавидела это чувство. Мне хотелось остановить его.

Шторм заговорил мягким и спокойным голосом, почти шепотом:

— Когда я был маленький, каждые выходные я проводил в доме моих бабушки и дедушки. У них была своя земля в двести акров, на которой они жили, практически на горе. Раньше там была ферма и старый сарай, и еще несколько зданий, которые до сих пор находятся в распоряжении моего деда, он использует их как склад. У них красивый дом полностью из кирпича, с множеством окон. Довольно большой, в нем четыре спальни, огромная столовая, но нереально уютная. Моя бабуля любит украшения. Она из тех людей, которые каждый сезон украшают дом и на каждые праздники. Вроде тех маленьких живых статуй на Рождество и прочий бред. В гостиной огромный камин, я любил спать напротив него, у окна. Когда вся ребятня собиралась вместе, некоторые из нас спали на полу в гостиной.

Он говорил и нежно поглаживал мою руку и пальцы на ней. Звук его голоса и нежные прикосновения убаюкивали меня. Я закрыла глаза и позволила телу расслабиться в его руках.

— Бабушка любила печь и готовила нам это вкуснечко печенье «Ленивец*», с реально горячим шоколадом, из настоящего шоколада и теплого молока, с домашними взбитыми сливками. Это было чертовски вкусно. Мой брат, сестра и я бродили по их владениям и видели оленей и лисиц. А если шел снег, дед выходил на улицу и лепил вместе с нами огромного снежного человека. В какой-то год он построил нам иглу.** Потом всем нам пришлось возвращаться в дом на половину замороженным, и бабуля кормила нас домашним супом или тушёным мясом, которое приготовила. Это были отличные условия для взросления. Я всегда там чувствовал себя счастливым и в безопасности. Даже сейчас, когда у меня отстойные времена, я приезжаю в их дом на несколько дней, а бабуля относится ко мне так, будто мне все еще десять, и знаешь что? Меня это даже, блядь, не волнует, потому что иногда всем нам необходимо, чтобы о нас позаботился кто-то. Согласна?

Я кивнула:

— Спасибо тебе, Шторм, — прошептала я.

Моя паническая атака прошла. Даже не знаю, откуда он узнал, что это сработает, но сработало. Мне не нужно было принимать успокоительные или бежать домой, чтобы спрятаться, или несколько часов сидеть, как пропущенное через мясорубку месиво, как я обычно поступаю при такой атаке. Все, что мне было нужно, это объятия этого мужчины и звук его голоса, который делился своими сладкими воспоминаниями. Я попыталась сесть обратно на свою сторону, но он мягко меня удерживал на месте:

— Оставайся так, я буду согревать тебя.

Так и есть, мне было намного теплее, свернувшись в его объятиях. Мой мозг пытался

принять, что вполне нормально обниматься с кем-то в сложившихся обстоятельствах, пусть он и странный, и пугающий, и подводит глаза как какой-то чудак.

Мы немного посидели в тишине, единственным источником шума в грузовике было спокойное дыхание спящей собаки. Нико, кажется, было все равно на наше испытание, он довольствовался тем, что Шторм был рядом с ним.

— Нико выглядит так умиротворенно. А у меня есть кот, — вырвалось у меня.

Шторм слегка засмеялся, будто я его развлекала.

— Правда? Ладно. Расскажи мне о своем коте.

Несколько прядей волос Шторма лежали на моем плече, смешиваясь с моими собственными. Так странно видеть, как мужские длинные волосы переплетаются с моими. Его темные, практически черные, с моими цвета вишни. Думаю, это даже немного эротично. Я сразу же выбросила эту мысль из головы.

— Его зовут Хейло. Он чисто-белый и родился глухим. Моя мама подарила его мне на восьмой день рождения. Сейчас ему уже восемнадцать.

— Восемнадцать? Ты что, шутишь? — спросил он, явно в шоке.

Я кивнула и улыбнулась, хотя он и не видел моего лица:

— Ага. Он потрясающий. Хотя он ничего не слышит, но очень милый. Он следует за мной по всему дому и спит со мной каждую ночь. И у него красивые синие глаза. Настолько синие, что в них можно утонуть.

— Не думаю, что когда-то встречал глухих котов или собак, раз уж об этом заговорили. Я люблю животных. Нико здесь мой лучший друг. Ему восемь.

— Хейло живет со мной так долго, что я не могу уже представить жизнь без него. Тяжело думать о том, что он так стар. Я все время волнуюсь, что с ним что-то случится. Вот и сейчас, надеюсь, он в порядке. И надеюсь, Майкл его покормит и даст свежей воды.

— Майкл?

— Мой парень. Мы встречаемся еще со старшей школы.

— Не женаты?

— Все об этом спрашивают, и да, меня это беспокоит. Двенадцать лет вместе, а предложения так и не было. — Я тяжело выдохнула.

— Нет, пока не было, — продолжила я. — Он хочет добиться более устойчивого финансового положения прежде, чем жениться и заводить семью.

— Я больше не завожу отношений. Не могу беспокоиться обо всем этом дерьме.

— Так ты все время одинок? Звучит довольно уныло.

— Холостяк — возможно, но не одинок. У меня целая толпа подруг, с которыми я сплю и хожу на тусовки. Ну, знаешь, друзья с привилегиями. Мы тусуемся, развлекаемся, иногда трахаемся, а потом они едут домой.

Я резко отодвинулась от него, возвращаясь на свое место, и уставилась на него.

— Ты не думаешь, что это немного грубо, Шторм? Просто так спать с толпой девушек?

В ответ он пожал плечами:

— Нет, совсем нет. Они знают, на что соглашаются. Я не ввожу их в заблуждение, и не даю основания думать, что из этого выйдет что-то большее. Мы просто получаем удовольствие без всей этой фигни. Я много путешествую. Когда приезжаю в город, то звоню им. Мы развлекаемся и это все. Я занимаюсь только безопасным сексом, так что в этом такого?

— Мне это кажется таким противным: просто заниматься сексом без любви и

обязательств.

Я даже представить себе не могла жизнь, где нет ничего, кроме толпы девушек на одну ночь.

Он закатил глаза.

— Эвелин, секс без любви существует. Они не всегда идут вместе, знаешь ли.

Я хмуро на него посмотрела и потянула на себя одеяло:

— Ну, они должны идти вместе. Мне кажется, что просто трахаться, как кучка животных, без чувств, слишком грязно.

Он закурил сигарету и смотрел на меня в течение нескольких минут. Похоже, я его немного оскорбила, но мне наплевать. Он просто свинья.

— Эвелин, любовь — это нечто неуловимое. Не все люди, которые говорят или утверждают, что любят, чувствуют это на самом деле. Я думаю, многие повязли в других чувствах, например, они чувствуют возбуждение, хотят отношений, переполнены страстью и другим дерьмом. Они просто навешивают на эти чувства ярлык «любовь». Но настоящая ли это любовь? Та любовь, когда готов умереть за другого человека? Сделала бы ты что угодно, чтобы быть рядом с тем человеком? Не думаю, что у многих людей есть это. Знаю, что у родителей было. Знаю, что так было у бабули с дедом. Но я это еще не нашел. Так что, да, я просто трахаю цыпочек, присутствие которых могу выдержать несколько часов.

Он приоткрыл дверь грузовика, совсем немного, чтобы сбросить пепел.

— Позволь спросить тебя кое-что, Эви. Ты на самом деле любишь Майкла? Или у вас ребята, одни из тех отношений по привычке? Вы вместе так чертовски долго, что ты даже не знаешь, что уже чувствуешь, потому что он фактически стал как один из старых предметов мебели, которые у тебя были всегда. Ты боишься попробовать что-то новое, потому что с ним чувствуешь себя в безопасности. Чувствовать безопасность — не значит любить.

Бум!

Может в чем-то он и прав, но я не собираюсь признаваться ему в этом. Искорка исчезла из наших с Майклом отношений довольно давно, но в длительных отношениях это нормальное явление, правда? Нам все еще весело вместе. Мы занимаемся сексом. Да, он бывает и занят, и часто растерян, но я знаю, что он любит меня, а я люблю его.

Шторм ухмыльнулся мне:

— Ты думаешь о том, что я сказал, ... размышляешь, а вдруг это правда. Настоящая ли это любовь или просто комфортная привычка?

— Ты просто мудака. Я люблю Майкла, он любит меня. Мы вместе уже двенадцать лет. Только потому, что ты неспособен любить и заботиться о ком-то, не значит, что другие не могут. Мне тебя жаль. Ты проведешь всю жизнь в одиночестве и, скорее всего, подхватишь венерическое заболевание ко всему прочему.

— Так что он делает, чтобы продемонстрировать свою любовь к тебе? Мне просто любопытно, как вы, люди, живете по ту сторону?

Он снова приоткрыл дверь, впуская в грузовик порыв воздуха во второй раз, бросил окурок и повернулся ко мне, весь во внимании.

Итак, никакой лжи, мой мозг совершенно пуст. Я копалась в воспоминаниях, как одержимая.

— Он купил мне GPS для поездки, чтобы я не потерялась.

Шторм буквально упал со смеху. Прямо у меня перед глазами он согнулся пополам от смеха. Я смотрела на него испепеляющим взглядом, пока он не успокоился.

— Правда, что ли? Он купил тебе маленький сорокадолларовый GPS-навигатор который, очевидно, не работает, так как ты охренишь как потерялась. Но ты считаешь, что покупка электронного устройства для кого-то означает любовь?

— Это означает заботу, идиот. Он купил его потому, что заботится обо мне. Он знает, что я боюсь потеряться.

— Святое дерьмо, извини. Я не хотел смеяться над тобой, но это нереально весело. Если он так заботится, почему же сам не отвез тебя?

Ладно. Я так и сделала, попросила Майкла отвезти меня в отель, а в воскресенье забрать обратно. У него не было никаких планов, кроме просмотра телевизора и валяния дурака дома. Он сказал, что не хочет и побежал в ближайший магазин, а вернулся с этим идиотским GPS-навигатором. А я ненавижу водить и боюсь заблудиться, и того, что в машине у меня может случиться паническая атака. Но он просто отмахнулся от меня, сказал, что я веду себя незрело.

Я почувствовала, что проиграла:

— Он сказал, что не хочет ехать, — призналась я. — Он хотел посмотреть телевизор и поваляться на диване.

— Может, я и мудака, но кое-что знаю. Если бы я кого-то любил, я бы вез ее в машине гребаный час или около того, на встречу, если бы она меня попросила. Если бы я не любил или не так уж она мне и нравилась? Тогда, нет, я бы повел себя как Майкл, развалился на заднице перед теликом и забыл обо всем остальном.

— Он устает. Он много работает. В этом нет ничего такого. — Даже я слышала оборонительный тон в своем голосе.

Шторм медленно кивнул:

— Ладно, я понял. В этом есть смысл.

Этот парень просто идиот. У него нет никакого права судить мои отношения. Люди не остаются вместе на долбанных двенадцать лет, если ничего не чувствуют друг к другу. Ему просто этого не понять, потому что сам такого не испытывал. Мне его жаль. Самые долгие отношения у него были с этой чертовой псиной.

— Может, нам попытаться немного поспать?

Мне очень даже понравилось его предложение. Сон подразумевал полное отсутствие его тупых замечаний и суждений.

— Хорошая мысль, — согласилась я, прислоняясь головой к окну и глядя на быстропадающий снег. Так мне не придется видеть как он сидит и смотрит на меня. Мы укрылись концами одеяла и игнорировали друг друга. Холод «кусался», но одеяло было плотное и тяжелое обволакивало наши тела теплом. Надеюсь, я не замерзну во сне до смерти.

Snickerdoodle* — американское печенье с корицей домашнего приготовления

Иглу** — куполообразное жилище канадских эскимосов, сложенное из снежных блоков

Когда я проснулась, первые несколько секунд не могла понять, где нахожусь, пока воспоминания вчерашнего дня не начали заполнять мой мозг. Я медленно подняла голову, шея ужасно затекла от того, что я спала, прислонившись головой к холодному окну. Потерла шею и взглянула на Шторма, который растянулся рядом со мной, его ноги были у меня на коленях. Какого черта?

Я столкнула его ноги, и он проснулся.

— Убери от меня свои чертовы ноги.

Я сразу поняла, что он не «жаворонок». Он медленно открыл глаза и осмотрелся вокруг, в полусонном состоянии.

— А? Что происходит? — он выпрямился и уставился на меня. — Что ты делаешь?

— Твои ноги были на мне.

— И что, блядь?

— Я тебе не подставка для ног!

— Иисусе, Эвелин. Мы застряли в маленьком пространстве, а у меня рост сто восемьдесят восемь. Уж извини, что немного растянулся.

— Ну, не делай так больше.

Я покрутила шеей, пытаюсь избавиться от боли.

— Ужасно. Моя шея убивает меня.

— Моя тоже. А еще хуже, когда тебя будит какая-то стерва, — он вытянул руки, чтобы размять их, и практически достал до моего лица. — Все тело болит.

Нико тоже проснулся и теперь смотрел на нас. Он начал скулить и крутиться на сидении, потом замер и посмотрел на Шторма в ожидании.

— Его нужно покормить и выгулять. Я выведу его. У меня лопата в багажнике. Нужно почистить грузовик от снега. Мы не можем сидеть с тридцатью сантиметрами снега над головой.

Я кивнула ему в ответ, и поняла, что мне тоже нужно в туалет. Вот это совсем нехорошо. Вокруг машины больше, чем тридцать сантиметров снега. А я до сих пор в этих ужасных туфлях.

— Эм, Шторм? Мне тоже нужно в уборную.

Как же это неловко. Я готова провалиться на месте.

— Вот, черт. Это проблема. — Он пробежался рукой по волосам и пожевал губу. — Ладно, я все сделаю. Я выведу Нико и возьму лопату. Потом убереу снег, чтобы получилась тропинка с небольшим пространством, чтобы ты могла стоять. Придется тебя нести. Снова.

— Я просто не могу в это поверить.

— Это все, что мы можем сделать. У нас довольно ограниченный выбор. У меня есть открытая упаковка салфеток.

Уверена, мое лицо окрасилось миллионом оттенков красного.

— Ладно... спасибо. Будь осторожен, хорошо?

Мне еще не хватало, чтобы он сейчас упал и поранился.

Он надел пальто в нашем ограниченном пространстве и кивнул мне.

— Я вернусь за тобой через несколько минут.

Пока Шторм и Нико были снаружи, я попыталась мысленно собрать все, что со мной

происходило. Я никогда не была в лагере. И я точно никогда не думала, что мне придется писать на улице в метель. Моя подруга Эми будет смеяться до усрачки, когда я ей об этом расскажу. Через очищенное окно я увидела, как Шторм собрал немного снега и бросил снежок Нико, а тот побежал за ним, взял в зубы и принес обратно Шторму. Я не смогла удержаться от улыбки. Я видела, как они любят друг друга. Шторм рассмеялся и потрепал пса по голове, а пес завил хвостом в волнении и ожидании, чтобы бежать за следующим снежком.

После того, как он очистил весь грузовик и сделал небольшую тропинку, то открыл дверь грузовика.

— Ладно, сладкая, сделаем это.

— Шторм, это очень унижительно. Я не хочу, чтобы меня относили на улицу, чтобы пописать.

— Хорошо, я тебя понял, правда. Давай просто покончим с этим. Снегопад снова усилился и тропинку, которую я сделал, скоро заметет. Я только отнесу тебя туда, поставлю на землю, а затем вернусь за тобой, договорились? Ничего такого.

Давайте я скажу прямо, когда парень относит тебя на руках, а потом ты стоишь в снегу и морозишь задницу, пытаясь пописать — это самое унижительное, что только может случиться.

Когда мы вернулись к грузовику, Шторм начал рыться в багажнике, где у него лежал один из тех больших металлических ящиков с инструментами, вот только, я думаю, вместо инструментов она была заполнена продуктами. Когда он вернулся в машину, в руках у него чего только не было. Все это он бросил на сидение между нами: бутылки с водой, чипсы, батончики-мюсли, печенье, крекеры и сыр. Мы по очереди кормили Нико большими галетами для собак, и я с благоговением смотрела, как Шторм взял одну из бутылок с водой и осторожно засунул в рот Нико, и пес действительно пил из нее.

— Ого. Вот это реально круто. Как ты его этому научил?

Шторм вовсе улыбался возле своей крутой собаки.

— Мы часто путешествуем, и я иногда забываю взять его миску. Приходится импровизировать.

Я съела три батончика-мюсли и выпила немного воды. Мне было страшно есть больше, потому что я могла снова захотеть писать посреди чертового снега, а то и чего хуже. Я содрогнулась от одной мысли об этом.

— У меня еще есть апельсиновый сок. Хочешь один?

Я покачала головой:

— Оставим завтра на завтрак. У тебя, случайно, нет кофе?

Он усмехнулся и положил печенье в рот.

— Вот видишь? Так и знал, что ты одна из тех кофеманов! Нужно было связать тебя с самого начала.

— Ладно, это моя единственная зависимость. Я обожаю мокко с белым шоколадом. Пью его каждый божий день и определенно готова за него умереть.

— Я не смог посадить себя на кофе. Пью только сок или воду.

— Занимаешься спортом?

Он приподнял брови и посмотрел на меня с озорной ухмылкой:

— Ты меня разглядывала?

Я закатила глаза:

— Мечтай. Я почувствовала твои мышцы через пальто и сейчас вижу, насколько у тебя большие руки и плечи.

— Да, я качаюсь, когда есть время. Много времени работаю руками и поднимаю до хрена тяжестей.

— А сколько у тебя татуировок?

И снова я заработала сексуальную, самодовольную улыбку.

— Ты *разглядывала* меня. — Он сделал глоток воды. — Это ничего, крошка. Я знаю, что неотразим.

— Да ладно? Ты всегда так зациклен на себе? Поверь мне, я не одна из тех цыпочек, которые готовы запрыгнуть в твою постель ради одной горячей бессонной ночи.

— Знаю. Поэтому ты мне и нравишься. Отвечу на твой вопрос, у меня до хрена тату. Хочешь увидеть?

— Не... — прежде, чем я успела договорить, он снял свитер, и да, он был весь в татуировках. Его руки полностью были покрыты татуировками, так называемыми «рукавами», а еще грудь, бока и спина были разукрашены, как произведение искусства. Я попыталась собрать все воедино: кресты, замки, надписи, лица. Я разглядела даже Нико. А подо всем этим были мускулы, обтянутые смуглой кожей. То есть, большие, рельефные руки, широкая, мускулистая грудь и шесть кубиков пресса. Этот парень лишал дара речи. Мне пришлось отвернуться.

— Ладно, Шторм, одевайся. Я увидела все твои тату, и они прекрасны.

— А ты видела мои мышцы?

Я смотрела, как он натягивает обратно свитер, и не смогла удержаться от смеха. Он такой странный.

— Да, я видела твои мышцы. Счастлив?

— Да. Я много работал, чтобы так выглядеть. Немного поощрения не будет лишним.

— Шторм, я не хочу восхищаться твоим телом. Мы можем поговорить о чем-то более нормальном, пожалуйста? Например, как ты считаешь, когда мы, наконец, выберемся отсюда?

— Будем надеяться, что скоро. Я захватил тебе кое-что. — Он бросил мне черную толстовку. — Я подумал, что в ней будет теплее и удобнее, чем в твоей блузке.

— Ох. Ну, спасибо.

Он прав. От блузки, которая была на мне, не было никакого толка. А в хорошей, большой, уютной толстовке будет намного удобнее.

— Отвернись, чтобы я могла переодеться.

— Эй, ты же только что видела меня без одежды.

Ему повезло, что за такой короткий промежуток времени мы смогли узнать друг друга. Я уже знала, что он довольно безобидный. Но, очевидно, использует пошлый, саркастичный флирт, чтобы привлечь внимание. Если бы со мной так говорил кто-то другой, я бы уже врезала тому по яйцам. Моего настойчивого взгляда было достаточно, чтобы заставить его отвернуться, пока я переодеваюсь. Толстовка просто огромная, размера на три больше, но очень мягкая. Спереди по всей ширине была эмблема в виде закруженных Э и Э.

— Что это за логотип?

— Это рок-группа «Эшес и Эмберс»

— Никогда о них не слышала. Это одна из тех групп, которые только кричат и ни черта не разобрать, что поют? Ненавижу такое дерьмо.

Звук его смеха заполнил грузовик.

— Да, думаю, они из тех, кто только кричит. Но, по крайней мере, толстовка удобная, правда?

— Да, очень удобная. И теплая. Спасибо.

Я собрала все обертки от съеденной еды и положила их в полиэтиленовый пакет, в котором он все это принес, а пакет поставила на пол. Я уже по-настоящему волновалась, сколько мы еще просидим здесь? Само собой, мне было спокойнее от того, что у нас есть еда, но, если серьезно, сколько мы еще сможем так продержаться? Майкл, наверное, места себе не находит от переживаний. Уверена, он уже звонил в гостиницу и понял, что я там так и не появилась, поэтому бросился на мои поиски. Но, по словам Шторма, я была далеко от гостиницы, так откуда ему знать, где нужно искать?

— Эви, я вижу как работает твой маленький мозг. Остановись.

— Я волнуюсь. Никто не знает, где я.

— С тобой все в порядке. Думаю, снег перестанет идти ночью и тогда завтра в какой-то момент рядом проедет снегоочиститель, и я вытащу нас отсюда, ладно? Просто доверься мне.

Он достал свой телефон и, нажав на несколько кнопок, заиграла музыка.

— Хотя телефон и не ловит связь, но может проигрывать музыку, которую я на нем сохранил. Пока батарея не сдохнет, по крайней мере.

Мягкий звук акустической гитары заполнил грузовик, и я начала успокаиваться. Снаружи шел снег, но уже медленно, будто в замедленной съемке. Окно с пассажирской стороны снег еще не успел залепить, а значит, шел под углом из-за ветра. Все стволы и ветки деревьев были белыми и создавалось впечатление, будто все сделано из хрусталя. Мне всегда нравилось, как выглядят деревья утром после снегопада, как в зимней сказке. Еще я любила тишину, которая наступала после метели, словно весь мир погрузился в шепот.

— О чем ты думаешь?

— У меня такое чувство, будто мы внутри снежного шара. В детстве мама подарила мне такой. Он мне очень нравился и весь год стоял у кровати. Я люблю наблюдать за снегопадом. Снег умиротворяет, согласен?

— Да. Вот почему я ехал сюда, чтобы несколько дней провести в своей хижине. Хотел поесть овощи и посмотреть фильмы, пока шел снег. Просто наслаждаться чертовым спокойным временем с Нико, который лежал бы на моих гребаных ногах.

— Прости, что испортила твои планы, Шторм.

— Ты не испортила. Во всяком случае, ты, по крайней мере, заставляешь меня смеяться, чего я не делал долгое время. Ты вся такая смелая и вспыльчивая, но в то же время милая и невинная. Интересное сочетание. Не такая, как большинство цыпочек, которых я знаю.

— Спасибо. Невинная? — Я улыбнулась ему и поерзала на сидении. У меня затекли ноги. Даже не представляю, насколько ему, должно быть, неудобно с такими длинными ногами.

— Болят ноги, Эви?

— Да. Будто что-то постоянно колит.

Он жестом поманил меня к себе:

— Иди сюда.

— О чем ты? — я сузила глаза с подозрением.

— Ложись мне на грудь, как вчера, тогда мы оба сможем вытянуть ноги. Больше ты, чем

я, потому что ты, как долбаный карлик. Но, может быть, мы сможем удобно полежать хоть несколько минут.

Ох, нет. Нет. Нет. Нет. Я не могу полностью прижаться к нему на заднем сидении машины. Особенно после того, как видела его без рубашки. Я не уверена, что это, но есть в нем какой-то необычный, плотский магнетизм. Я чувствую, как он отскакивает от него, словно маленькие шарики для пинг-понга.

Он начал ворчать из-за того, что я колебалась:

— Эвелин, ну же. Тебе нечего опасаться. Я не покалечу тебя. Просто думаю, что нам нужно устроиться поудобнее.

Я знала, что позже пожалею об этом, но переместилась на сидении. Одну ногу он согнул вверх, опираясь ею на спинку сидения, так что я прислонилась к его груди, между его ног, и вытянула свои ноги по всей длине сидения. Вторую ногу он вытянул на полу, вдоль заднего сидения.

— Лучше? — спросил он, весьма довольный собой.

— Полагаю, что да, — поддразнила я. — По крайней мере, у меня в ногах снова циркулирует кровь.

Я накрыла нас одеялом.

Еще какое-то время мы слушали музыку на его телефоне. Снег полностью залепил ветровое и боковые окна, из-за чего внутреннее пространство грузовика погрузилось в странный тусклый свет. И я старалась думать о нем, как об уютном, а не пугающем.

— Шторм... Откуда ты вчера узнал, что нужно делать? Когда у меня началась паническая атака.

Он вздохнул и от движения его груди мое тело приподнялось.

— У моей младшей сестры были действительно ужасные ночные кошмары. Мои родители так делали, чтобы успокоить ее и заставить мозг сфокусироваться на реальности. С ней это срабатывало, поэтому я подумал, что с тобой будет так же.

Хмм. Когда я была моложе, несколько лет проходила курс терапии, но о таком решении никогда не слышала. Вместо этого мне приходилось сидеть и рассказывать разным психиатрам о своих чувствах, пока они пытались выяснить, через какое жестокое обращение я прошла, раз оно спровоцировало приступы панической атаки. О, а еще я перепробовала все существующие в продаже таблетки от тревоги. От которых я только набирала вес, или они вызвали полное мысленное оцепенение. Или все сразу. Вот уже нет, спасибо.

— А сколько сейчас твоей сестре?

— Эм... ей девятнадцать.

— А тебе сколько?

— Мы играем в двадцать вопросов?

— Да! Мне скучно. Просто смирись.

— А ты как думаешь, сколько мне?

Я стукнула его рукой, которая лежала на его животе.

— Нельзя отвечать вопросом на вопрос! Дождись своей очереди.

Он схватил мою руку и удерживал теперь в своей.

— Мне тридцать. А теперь, сколько тебе?

— Двадцать шесть.

Он присвистнул.

— Так ты начала встречаться со своим парнем в четырнадцать?

— Ага.

— Это реальный крышеснос.

— А вот и нет. Это называется обязательство.

Его рука была большой и теплой. Я медленно переплела свои пальцы с его, и тепло его руки передавалось мне. Он не стал вырываться, а начал не спеша поглаживать большим пальцем мои. Я почувствовала покалывание и, наверное, то, что мы держались за руки, было неправильно, но меня это не волновало. Тепло его руки ощущалось слишком хорошо, чтобы отпустить ее.

— Он — единственный парень, с которым ты когда-либо была?

Что? Он действительно только что меня об этом спросил?

— Это очень грубый вопрос, Шторм.

— Почему? Он не грубый. Мне просто любопытно.

— Это слишком личное.

— Я принимаю все вышесказанное, как ответ «да», ты трахалась только с ним.

— И что, Шторм? Я не шлюха. Не хочу спать со всеми мужиками подряд. И никогда не хотела.

— Я это знаю. Но разве тебе никогда не было интересно, как бы это было с другим мужчиной?

— Член — это член. Я не нуждаюсь в разнообразии. Меня это не интересует.

— Разнообразие — это хорошо, я только это пытаюсь сказать.

— Может для тебя, Шторм, но меня все и так устраивает.

— Если ты так говоришь...

— Я не просто говорю так, я знаю.

— Тебе не нужно отстаивать свою позицию, я тебя не осуждаю, правда.

Он немного подвинулся, в результате чего, его голова оказалась напротив моей. Находиться так близко к нему было странно и волнующе одновременно. Часть меня хотела отодвинуться от него настолько, насколько это возможно, но, по-видимому, большая часть меня хотела оставаться в том положении, в котором я сейчас была: окутанная его теплом, ощущая это странное покалывание во всем теле. Это чувство стало моим долгожданным отвлечением от страха, который незаметно подкрадывался ко мне. Я начала медленно гладить его пальцы своими, вверх и вниз, мои маленькие пальчики двигались между его большими, а затем, так же не спеша, по тыльной стороне его руки.

Он наклонил ко мне свое лицо, его рот был напротив моего уха:

— Никто и никогда так не прикасался к моей руке.

Его голос был таким мягким и хриплым, едва слышным шепотом. Я замерла, не двигалась, не дышала. Вот черт. Что я делаю?

— Не останавливайся. Пожалуйста, — его хватка на моей руке немного усилилась, не желая, чтобы я отстранялась, о чем я собственно и подумывала. Наши руки начали танцевать в молчаливых ласках, наши пальцы переплетались, медленно путешествуя вверх и вниз, по длине каждой из них. Честно говоря, я никогда в жизни не испытывала ничего настолько чувственного.

Я не смогла бы остановиться даже, если бы захотела.

Он слегка пододвинул свою ногу, и мое тело переместилось вместе с его. Вот тогда-то я и почувствовала, как его член давит на мою задницу. Из меня вырвался крошечный вздох, и я на миг застыла, но он мягко прижался ко мне, его голова все еще была возле моей, а его

дыхание щекотало мне ухо. По сравнению со мной, он был огромным и сильным, и я не могла удержаться и немного выгнулась назад, и потерлась об него. Слабый эротический стон сорвался с губ огромного, накаченного незнакомца позади меня, разжигая во мне что-то, о чем я даже не подозревала. Он медленно провел левой рукой по моему телу, остановившись на бедре, осторожно притягивая меня к себе, при этом продолжая об меня тереться. Я не стану лгать. Даже через джинсы он чувствовался невероятно. Я закрыла глаза и откинулась еще больше назад, моя голова лежала на его правом плече, а часть его лица до сих пор была в моих волосах. Наши правые руки все еще были переплетены вместе. Он не спеша провел нашими руками между моих ног, мягко потер мою киску через тонкую ткань моих брюк. *Пресвятое дерьмо.* Волна тысячей крошечных молний пронеслась через мое тело.

Он медленно убрал свою руку от моей.

— Прикоснись к себе, — прошептал он мне на ухо, положив свою правую руку мне на бедро, и медленно потянул меня назад, к своему члену, чтобы соприкоснуться с его едва уловимыми толчками. Я так завелась, что почувствовала жар и легкое головокружение. Расстегнула свои брюки, потянула молнию и опустила руку в трусики. Я начала тереть свой клитор медленными кругами, выгибая к нему спину и придавливая его член к своей заднице. У меня помутился разум, когда мы терлись друг об друга, а мой палец погрузился во влажные складки моих половых губ. Я чувствовала его губы на своем ухе, которые прикоснулись ко мне в поцелуе. Его дыхание становилось все более неровным. Я никогда не прикасалась к себе у кого-то на глазах, но понимание того, что он смотрит, только больше заводило меня, а не заставляло почувствовать унижение.

— Сделай это для меня...

Его слова перебросили меня через край, и через несколько секунд мое тело задрожало от испытываемого оргазма. Свободной рукой я обхватила его ногу, выгибая спину назад и желая сильнее ощутить его. Он положил свою руку обратно, поверх моей, и пока обе наши руки были на моем влажном бугорке, он начал сильнее тереться об меня, а его член был зажат между моих ягодиц. Я начала медленно двигаться вверх и вниз по его телу, ощущая его длину. Наконец-то, он задрожал подо мной, его руки крепче схватили меня, а его горячее и тяжелое дыхание щекотало мое ухо.

Мы сидели в тишине и в темноте, задыхаясь друг напротив друга. Я понятия не имела, какого черта только что произошло. Чувствовала, как медленно выхожу из транса. Я попыталась сесть, но он притянул меня обратно к себе, его руки были поперек моей груди.

— Нет, — его голос по-прежнему был хриплым. Чертовски сексуально. — Не двигайся пока.

Как только я вышла из ступора после полученного оргазма, мне стало невероятно стыдно. Как я могла такое сделать? Все произошло так быстро. Дерьмо. Я только что терлась задницей о член случайного незнакомца. Мне нужно было скорее выбраться из этого грузовика и убраться подальше от этого парня, пока он окончательно меня не погубил. Я никогда не прикасалась к другому мужчине. Всегда был только Майкл. Я почувствовала приступ тошноты в животе. Сбросила с себя его руки и села, как можно дальше отодвигаясь от него, будто он — осьминог, пылающий в огне. Я перелезла через сидение и застегнула брюки, не глядя на него.

— Ну, это был один из способов, чтобы воздержаться тебя от сарказма и болтовни. — Сказал он наконец-то.

— Ты мудака.

— О, это моя девочка. Я знал, что ты вернешься.

— Это не смешно, Шторм. Я только что изменила своему парню.

— Я бы не назвал это изменой. Совсем.

Я посмотрела на него так, будто он с ума сошел.

— Что? Ты ненормальный? Конечно, это измена.

— Я не трогал твои сиськи и киску. Мы даже, блядь, не целовались.

— Ох, так только эти части тела связаны с изменой? А что насчет духовной измены?

— Духовной измены? — повторил он. — Ладно... Я даже не думал о тебе, когда мы делали это. Я мечтал о пицце.

— О пицце? — с раздражением повторила я.

— Эй, я пытаюсь заставить тебя почувствовать себя лучше. Если ты думала о трахе со мной, когда мы этим занимались, а я думал о пицце, то это не измена. Для измены нужны двое. Видишь? Проблема решена. Никакой измены не было.

— Мы не будем больше об этом говорить, Шторм. Просто оставь меня одну, пожалуйста.

Он достал свои сигареты. Спереди на его джинсах было большое мокрое пятно, на которое я старалась не смотреть.

— Мы застряли здесь, как в коробке два на два метра, Эви. Я более чем уверен, что не смогу оставить тебя в одиночестве, детка. Но я пойду выгулять собаку, покурить и немного размяться. Еще захвачу нам немного еды.

Как только он вышел, я почувствовала облегчение. Его присутствие настолько всепоглощающее. Будто он проникает в мой разум и под кожу. У меня от него спина покрывается мурашками, и, в то же время, он восхищает меня. Это похоже на крушение пассажирского поезда, от которого хочется сбежать подальше, но, также, остаться и смотреть, прочувствовать. И это нервирует.

Я никогда не боялась тишины и не чувствовала себя неловко, сидя в молчании. Я никогда не была одной из тех, кому нужно без умолку болтать просто, чтобы заполнить мёртвый воздух. Мне неплохо и в компании самой себя. И сейчас было так тихо, как в грузовике, так и снаружи. Не было слышно буквально ни единого звука. Ни проезжающих мимо машин, ни пролетающих над головой самолетов, ни телефонных звонков, ни щебета птиц в лесу. Я на минутку закрыла глаза и слушала ничто. Иногда, вот, как сейчас, я могла контролировать свою панику, отводить ее от себя и превращать ее не в страх, а в чувство очарования. Насыщенная тишина может ввести меня в оцепенение и пробудить внутреннее напряжение, но, в то же время, тишина ощущается, как нечто прекрасное и умиротворяющее. Как часто человеку удается пережить опыт абсолютной тишины?

Нико свернулся калачиком на переднем сидении, погрузившись в глубокий собачий сон. За то недолгое время, что мы сидели в нашей ловушке, я успела к нему привыкнуть. Он очень красивый пес, шерсть серая с бежевым и с белой маской вокруг глаз. Я не собачий эксперт, но, думаю, что он породы хаски или маламут, или что-то типа того.

Мой взгляд блуждал по его хозяину. Снежный человек тоже спал, скрестив руки на груди. Одеяло было развернуто и накрывало нас обоих. И хотя он практически два метра ростом, я все еще чувствовала тепло его тела. Его темные волосы упали на лоб, прикрывая один глаз. Я боролась с желанием потянуться через весь грузовик и осторожно убрать их с его лица, почувствовав между пальцами их шелковистость. Грех, какие у него красивые и блестящие волосы. Какая несправедливость, что они мужские! Интересно, каким кондиционером он пользуется? Наверное, чем-то вроде горячего масла, которое пахнет кокосом.

Он открыл один глаз и посмотрел прямо на меня:

— На что смотришь?

— Откуда ты знаешь, что я на тебя смотрела?

Как же неловко, когда смотришь себе на спящего человека и тебя на этом поддавливают.

— Я почувствовал.

— Если хочешь знать, я смотрела на твои волосы.

Он ровно сел и захрустел шеей, поворачивая ее в стороны.

— Мои волосы? Ты, пиздец, какая странная. Знаешь это?

— Заткнись. Я думала, какими они выглядят мягкими и блестящими. Может, это парик? — Ха, разве не смешно?

— Парик? Я не согласен. — Он сделал глоток воды из своей бутылки и снова посмотрел на меня. — Когда запустишь в них пальцы, выкрикивая мое имя, поймешь, что они настоящие, детка.

— Чувак, этого никогда не произойдет. Не надейся.

Терпеть не могу сталкиваться в жизни с такими высокомерными людьми. Неужели он и правда думает, что все женщины так очарованы им, что станут бросаться на него при первой возможности?

— Хочешь поспорить?

— Нет, не хочу я спорить. Ты больной и чокнутый, и совершенно самовлюбленный тип.

— Ну, кто-то же должен им быть.

В ответ я закатила глаза.

— Что? Ты не считаешь меня привлекательным?

— Нет, совсем нет, Шторм.

— Нико меня любит. — Нико повернул ухо в нашем направлении, как только услышал свое имя, но голову поднимать не стал.

— Да, уверена, что любит потому, что ты его кормишь.

Кажется, Шторма обеспокоило это заявление:

— А ты думаешь, твой кот любит тебя, Эвелин?

— Знаю, что любит. Он спит со мной каждую ночь и кругом ходит за мной следом и трется об мои ноги.

Шторм похлопал Нико по голове, и пес резво завилял своим большим пушистым хвостом.

— Я знаю, что он любит меня. Он мой лучший друг. Я спас ему жизнь.

— Правда?

Он кивнул, продолжая поглаживать уши Нико.

— Расскажешь?

Я готова сейчас слушать любую историю. Время в грузовике шло очень медленно, а я уже начинала сходить с ума без телевизора и интернета. Я бы столько статусов успела сменить в Фейсбуке за время нашего заключения здесь, и каждый бы заработал по девяти лайков.

— Я расскажу, только если ты во время рассказа будешь держать меня за руку.

— Что? Я не согласна.

Крепко взяв меня за руку, он умолял своими сексуальными зелеными глазами, чтобы я согласилась.

— Давай же. Мне нравятся эти ощущения. Я буду хорошо себя вести. Обещаю.

Пусть он и надоедливый засранец, но довольно милый, поэтому я улыбнулась ему за проделанные усилия.

— А такое возможно? Ты сможешь себя так вести?

Он мне подмигнул.

— Думаю, это мы скоро узнаем.

Я вздохнула:

— Ладно. Но только потому, что мне скучно, и я хочу услышать, как ты спас жизнь Нико.

— Однажды я расскажу нашим детям, как спас тебе жизнь, после того, как ты попала в аварию, съехав с дороги, потому что не слушала указания GPS-навигатора.

— Я так не думаю. К тому же, GPS-навигатор совершенно бесполезен. Он отправил меня в неправильном направлении. А теперь рассказывай, как ты спас собаку.

— Хорошо. Несколько лет назад я все время ездил мимо того гаража. Это было извечное место собрания наркоманов, заваленное старыми машинами и прочим дерьмом. И в один такой день я заметил, что кто-то оставил этого щенка привязанным снаружи. И я подумал, что он довольно симпатичный, ну, весь такой пушистый и с огромными лапами.

Я медленно гладила его руку и выводила пальцем маленькие круги на его ладони, пока он говорил.

— И вот, прошло несколько недель, и, конечно, щенок рос и становился все больше и

выше. Еще через несколько недель, наверно, это была середина лета, потому что пекло, как в аду, этот бедный щенок был по-прежнему привязан к забору у здания, где не было тенька. Я не увидел ни миски с водой, ни еды. Поэтому я остановил машину и пошел проверить, как он. Он был так рад, что кто-то его погладил. В стороне стояла старая миска от еды, но пустая. У него не было игрушек или косточек, вообще ничего. Уже было поздно, поэтому парня, который арендовал это помещение, не было на месте, и я съездил в зоомагазин и купил малышу несколько новых мисок, игрушек и несколько косточек. Я вернулся и дал ему воды, в итоге он выпил долбаных три бутылки и вылакал две миски с едой. Я паршиво себя чувствовал, оставляя его там. Знаешь, то плохое предчувствие?

Не останавливая свой рассказ, он развернул упаковку жвачек, используя одну руку. Я видела, как он был расстроен, говоря об этом. И нежно сжала его руку.

Он закинул жвачку себе в рот и предложил другую мне.

— Нет, спасибо, — сказала я, желая услышать продолжение истории.

— Короче говоря, мне нужно было уехать на несколько дней из города, после того, как я отдал щенку все, что купил. И меня не было тут где-то месяца три. Честно говоря, я вроде как забыл про него. Но вернувшись, мне нужно было проехать через ту часть города, и я снова увидел его. Эви, это было ужасно. Я действительно думаю, что он ел в последний раз, когда я его кормил. Он совсем исхудал, только кожа да кости, даже подняться не мог из-за слабости. Я видел все его маленькие ребра, запавшую морду и туловище, будто он питался собственной кровью. Я вышел из машины и бросился к нему, и первой моей мыслью было, что он умер. Он лежал там, в грязи, в окружении мух. Но, когда я встал на колени возле него, он слегка пошевелил своим маленьким хвостом. Думаю, он меня помнил.

Мне на глаза навернулись слезы от мысли о таком жестоком обращении с безобидным щенком.

— Боже мой, Шторм, что произошло?

На миг он задержал на мне взгляд, и одинокая слеза скатилась по его щеке. От этого мое сердце сжалось.

— Из небольшого здания вышел старик и начал кричать на меня, чтобы я убирался с его собственности. Тогда я встал на ноги, прямо перед его лицом и закричал в ответ: «Какого хрена ты сделал со щенком? Он здесь сдохнет!», а он мне: «Следи лучше за собой, гребаный панк, и вали с моей территории». Хрена с два я бы его там оставил. Так что, я вытащил из кармана пачку налички и бросил в этого отморозка, и сказал: «Я только что купил эту собаку и забираю его отсюда. И если я, блядь, снова увижу здесь тебя или другую собаку, я, блядь, убью тебя на хрен». И этот долбоёб поднял бабло и убежал. Я взял в охапку щенка и повез в одну из тех ветеринарных клиник. Ему пришлось пробыть там целый месяц прежде, чем я, наконец, забрал его домой. У него было обезвоживание и он изголодался практически до смерти, у него было две ушные инфекции, черви — так их, блядь, называют. Я навещал его каждый день, с тех пор мы вместе.

Нико поднял взгляд, будто понимал, о чем тот говорил.

— Да, приятель? — обратился к нему Шторм. И, клянусь, Нико посмотрел на него с улыбкой.

— Ух... Шторм, это удивительная история. Ты действительно спас ему жизнь.

— Сейчас он избалованный парень, каким и должен быть.

— Он очень красивый и ему повезло встретить тебя, правда. Думаю после всего этого ты не такой уж и плохой.

— У меня хорошие манеры.

Улыбка этого мужчины могла бы растопить ледник. Черт. Я отпустила его руку и разорвала зрительный контакт.

— Можешь бросить мне крекеры? Я проголодалась.

Порывшись в пакете, он вытащил упаковку крекеров и открыл для меня.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он.

— Делаю что?

— Отводишь взгляд, когда я смотрю на тебя.

Ах. Он не может просто оставить меня в покое?

Я проглотила полный рот крекеров.

— Не знаю. Я это делаю не осознано.

— Ты боишься меня?

— Нет... Больше нет. Когда мы впервые встретились, я подумала, что ты довольно страшный, но сейчас, когда я немного тебя узнала, совсем нет.

Он рассмеялся.

— Ты очень испугалась, когда я постучал по твоему окну. Буквально на полметра подпрыгнула.

— Ха-ха. — Я бросила в него крекер. — Я не думала, что там был кто-то еще.

— Ты боишься, что я увижу тебя? Если позволишь мне посмотреть на тебя?

— М? Что ты имеешь в виду? *Что* ты видишь, когда смотришь на меня?

Итак, да, это один из тех случаев, когда ты просишь кого-то сказать тебе что-то, и хотя ты очень-очень хочешь узнать ответ, боишься его услышать. Потому что он может оказаться скверным. А может и довольно хорошим. Но, как правило, ответ будет плохим.

Он смотрел на меня, наклонив на бок голову, а его волосы упали ему на лицо.

— Я вижу красивую, милую женщину, которая живет в страхе.

— В страхе? Какого черта, Шторм? В страхе от чего?

— Эй, остынь. Я думаю, ты боишься сблизиться, позволить себе чувствовать. Думаю, ты прячешься среди того, с чем тебе комфортно. Как с Майклом.

— Ты издеваешься? Думаешь, ты все обо мне знаешь, проведя со мной полтора дня на заднем сидении грузовика?

Я повысила голос. Слишком для такого маленького пространства, в котором мы сидели. Но кто он такой, черт возьми? Он не знает меня Совершенно.

— И я не *прячусь* за Майклом, тупица. — «Прячусь»? Что это вообще значит? — А что *ты*, черт возьми, скрываешь, Шторм? Подкрашиваешь глаза проклятым карандашом?

Он медленно кивнул в ответ.

— Туше, — сказал он.

Некоторое время мы сидели в тишине, и мне стало неприятно за то, что я накричала на него и высмеяла его подведенные глаза. Я часто так поступаю в гневе. Накидываюсь на людей и заставляю их почувствовать себя плохо. После этого чувствую себя ужасно. Как правило.

— Шторм, прости, что накричала на тебя.

— Все нормально. Эви, здесь только ты и я. Ты можешь позволить себе немного впустить пар.

— Честно говоря, Шторм, я не привыкла говорить о своих чувствах. Мы с Майклом вообще-то не делаем этого. Я не думаю, что он *видит* меня так, как ты описал. Но мне

кажется многие люди, на самом деле, совершенно не видят друг друга. Мы видим только то, что хотим, и показываем только то, что хотим показать. Это жизнь.

— Ты права. И я такой же. Обычно я не привязываюсь к людям, но у нас здесь необычный случай, знаешь ли? Привычные правила и прочее дерьмо не срабатывают. И я не пытаюсь сделать так, чтобы ты почувствовала себя неудобно.

— Я знаю...

Он снова взял мою руку в свою. Я почувствовала, что каким-то образом, держаться за руку стало нашей изюминкой. Насколько это странно?

— Эви, то, что случилось ранее... с нами... я должен сказать тебе, что это было невероятно. Это было так чертовски чувственно и реально, и настолько интимно, понимаешь? Фроттажный* секс. Это просто вау.

Я не сомневаюсь, что покраснела сейчас, как рак. Я не ожидала, что он поднимет эту тему когда-либо. И сама хотела спрятать воспоминания об этом, как можно дальше в голове.

— Шторм, нет. Это была измена. Разве ты не понял? Я не вытворяю подобное и мне тошно из-за того, что произошло.

У него было такое выражение, будто я его ударила.

— Тошно? Из-за того, что я сделал, тебе тошно?

— Нет, из-за того, что сделала я.

— Потому, что ты позволила себе что-то почувствовать, и растворилась в этом?

— Да! Это неправильно, Шторм. Это измена. Это отвратительно.

— В этом нет ничего отвратительного, Эви. Мы оба что-то почувствовали и позволили этому случиться. И это было дольно глубокое чувство. Ты ведь тоже это почувствовала?

Я много чего чувствовала, не считая толчков его большого члена о меня. Я помнила, как только от касаний наших рук все мое тело дрожало и покалывало. Я помнила ощущение, словно мое сердце остановилось, когда его губы коснулись моего уха. Я чувствовала себя другим человеком, тем, кого я никогда не знала; когда он сказал мне прикоснуться к себе, я это сделала. И мне это понравилось.

Очень понравилось.

— Шторм, я чувствовала... что-то, но это только потому, что мне было страшно...и я никогда раньше не была так близко с другим мужчиной. Я знаю, что ты много чего делаешь в своей сексуальной жизни, но я — нет, и не хочу. И я не хочу об этом говорить, хорошо?

Он усмехнулся и кивнул.

— Хорошо. Круто.

Мой мозг немного «отмотал» наш разговор. Он назвал меня милой. Красивой и милой женщиной. Меня всю жизнь называли милой. Я бы хотела, чтобы меня хоть раз назвали сексуальной. Или великолепной. У меня рост сто шестьдесят сантиметров, длинные вишнево-каштановые волосы, большие голубые глаза, я не толстая, но и не слишком худая. Бьюсь об заклад, он встречается с высокими блондинками модельной внешности и с большой силиконовой грудью. Он никогда не позвонил бы «милой» девушке.

— О чем ты сейчас думаешь?

— С каким типом девушек ты обычно встречаешься? Или трахаешься? Пофиг как ты это называешь в своем маленьком мирке.

— Хм... Не знаю, есть ли у меня свой тип. Думаю, в основном высокие, сексуальные, с большими сиськами.

— Я так и знала.

Снег должен был остановиться ночью или завтра. Я уже не могу дожидаться, когда выберусь отсюда, приму приятный горячий душ, посплю в удобной теплой кровати, съем немного настоящей еды и увижу Майкла и Хейло. Шторм считает, что снегоочиститель будет проезжать тут завтра и планирует бежать за ним, когда услышит. Я немного переживаю из-за этого. Что, если снегоочиститель не приедет? По словам Шторма, не многие ездят этой дорогой. Водитель снегоочистителя может решить отложить очистку этой дороги на день-два.

— Шторм? Тебя кто-то ищет?

Он отбросил волосы с лица и посмотрел на меня.

— Зачем кому-то меня искать?

— Потому что ты пропал? Очевидно же.

— Я не пропал, Эви. Я прячусь.

Я повернулась к нему лицом:

— Прячешься? Что ты имеешь ввиду?

— Я тебе говорил. Я ехал в хижину, чтобы сбежать от всех. Все в курсе, что не нужно меня сейчас беспокоить. Они знают, что я не стану отвечать на звонки. Поэтому никто не знает, что я застрял посреди снегопада.

— Что? Ты серьезно? Мы можем здесь умереть, Шторм. Что, если машина не приедет убирать снег?

Я расплакалась до того, как успела себя остановить. Он подсел ко мне и обнял, положил руку мне на голову, перемещая на свое плечо, чтобы успокоить.

— Ш-ш... все будет хорошо, я обещаю. Ты просто устала и немножко начинаешь сходить с ума. Я обещаю, что вытащу нас отсюда. Не плачь.

Он повернул меня к себе лицом и вытер слезы большими пальцами рук. Вот черт, у него такие зеленые глаза, как у кота.

— Эвелин, я знаю, что это тяжело, но нам нужно держать наше дерьмо под контролем, ладно? Я вытащу нас отсюда. Просто доверься мне.

Я кивнула, загипнотизированная его глазами. Я едва слышала его голос.

— У тебя удивительные глаза.

Он рассмеялся и протянул мне платок.

— Ну, спасибо. Ты в порядке? Не собираешься затопить меня, к чертям, а?

Я немного высморкалась и промокнула глаза.

— Извини. Я просто хочу домой.

— Скоро мы отправим тебя домой. Уверен, твоя семья и Майкл скучают по тебе. И твой кот.

Я сморгнула слезы и покачала головой.

— У меня нет семьи, Шторм. Только Майкл и Хейло.

— Все хорошо, детка. Я понял.

Он обнял меня, и я снова положила голову ему на плечо. Слушая ритм его сердцебиения, я быстро уснула.

Фроттеризм* — трение половых органов (через одежду) о части тела другого человека, вплоть до имитации полового акта через одежду, нередко до оргазма.

Я иду по снегу. Вокруг все такое яркое, что почти ослепляет. Вверху на тропе я вижу, как Нико прыгает по снегу. Время от времени он останавливается, поворачивается ко мне, подбегает обратно, чтобы облизать мою руку, и снова бежит впереди. Снежинки мягко падают на землю. Я поднимаю лицо вверх и открываю рот, чтобы языком поймать хотя бы несколько. Неожиданно, красный кардинал (прим. пер. — птица) пролетает у меня над головой и садится на ветку дерева, всего в нескольких сантиметрах от меня. Он великолепен, такой алый на фоне белого снега. Пока я люблюсь им, прилетает другой красный кардинал и садится рядом с тем. Красивая маленькая парочка, такие яркие и живые.

— Эвелин... проснись. — Кто-то меня тряс. Я медленно открыла глаза. Я лежала рядом со Штормом, все на том же заднем сидении грузовика.

— Мне снились красные кардиналы на снегу. И Нико был там, — сонно сказала я.

— Правда? Железный человек там тоже был?

Я села и нахмурилась на него:

— Очень смешно.

— Ладно, слушай. Я выйду, чтобы почистить грузовик и сделать небольшую тропу, чтобы ты смогла пописать, потом мы позавтракаем и будем прислушиваться к снегоочистителю.

— А снег больше не идет?

— Думаю, нет. Когда я выходил вчера вечером, он практически прекратился.

— Спасибо, Боже! Я просто хочу свалить отсюда.

— Мы оба, детка.

Пока Шторм снаружи чистил грузовик в тысячный раз, я собирала обертки от вчерашней еды и сложила их в полиэтиленовый пакет, который мы теперь использовали для мусора. У меня такая привычка — все сразу выбрасывать. Меня парализует от жуков. Даже дома, после ужина мне срочно нужно все помыть. Майкла это очень бесит, он вроде как неряха.

Ух. Я так сильно хочу домой. Интересно, что скажет босс за то, что я пропустила встречу. Будем надеяться он проявит небольшое сострадание, раз я застряла в кювете со Снежным человеком на все выходные, питаюсь мюслими и чипсами. Надеюсь, он не рассчитывает, что я сразу же явлюсь к нему в офис. Думаю, стоит провести день или два дома, чтобы нормально отоспаться. Хоть бы это время можно было взять за счет больничного или по личным причинам.

Не могу дождаться, когда позвоню Эми и расскажу ей об этом приключении. Она захочет услышать все слово в слово, и я знаю, что она будет надо мной смеяться, потому что со мной всегда происходит что-то странное, и она думает, что это весело.

Открылась дверь, и показался Шторм, с широкой улыбкой на лице.

— Снег наконец-то остановился. Спасибо, блядь! Теперь нужно внимательно слушать, хорошо? Поэтому убавь громкость своей болталки.

— Прости, что? Моей болталки? И какого черта это должно значить?

Он сделал жест большим и указательным пальцами, как открывают рот птицы.

— Вот, ты делаешь так же.

— Пошел ты, Шторм.

Он опустил руку вниз.

— Эвелин, я шучу. Мне нравится твоя болтовня. Это мило.

Опять это «мило». Так и хочется ударить его в лицо своей *нет-снегу* туфлей.

Мы ждали. Окна грузовика были полностью очищены, и мы могли следить за тем, что происходило снаружи. Конечно, мы видели только снег и деревья, но как приятно, когда можно наблюдать за миром снаружи. Интересно, моя машина полностью похоронена под снегом, а если так, сможет ли она снова ездить? Кажется, сейчас самое время обсудить с Майклом покупку новой машины для меня. В последний раз он отбросил эту идею, но я думаю, теперь у меня неплохие шансы.

— Как думаешь, моя машина будет снова работать?

— Не уверен. Мне придется отбуксировать ее и отправить в мастерскую в город. Это место принадлежит моему приятелю. Он хорошо о ней позаботится и честно скажет, насколько все плохо.

— Ну, я хочу себе новую машину, поэтому я подумала, может быть сейчас, когда она похоронена в снегу, я могла бы убедить Майкла купить мне другую.

— Ты снова болтаешь. Зачем тебе вообще нужно разрешение на покупку машины? Я думал, что ты взрослая и работаешь.

— Я не болтаю. И да, у меня *есть* работа. Но Майкл принимает все финансовые вопросы.

— Ты решила постебаться? Вы не женаты. Делай, что тебе, блядь, хочется.

— Когда люди живут вместе, так не делают, Шторм. Пары всем делятся и принимают решение вместе.

— Ты только что сказала, что решение принимает Майкл. Для меня это не очень похоже на «вместе». Больше смахивает на то, что тебе нужно его разрешение. И ты снова болтаешь.

Я скрестила на груди руки и надулась. Черт бы его побрал! Он прав. Почему я должна спрашивать у Майкла разрешение, чтобы купить новую машину?

Мы еще немного подождали, и я задремала, пока Шторм не разбудил меня.

— Думаю, я слышал машину.

— Думаешь?

— Я пройду к дороге. Оставлю Нико здесь с тобой.

— Что? Зачем? — я выпрямилась на сидении, полностью проснувшись. — Почему ты оставляешь его здесь со мной?

— Не хочу, чтобы ты оставалась одна. Я могу уйти на какое-то время. Хочу, чтобы он сидел рядом с тобой и грел тебя.

Я покачала головой. Я больше не была против собаки, но я не хотела оставаться здесь.

— Шторм, что если с тобой что-то случится?

— Я буду в порядке. Мне нужно пойти туда и высматривать снегоочиститель. Не волнуйся, ладно?

Он наклонился ко мне и взъерошил волосы.

— Я скоро вернусь, и мы выберемся отсюда. Позови Нико, чтобы он пересел назад, когда я уйду, хорошо? Пообещай мне.

Я нервно кивнула. Я не хотела, чтобы он уходил.

— Обещаю.

И на этом он ушел.

Я смотрела, как он шел по белому снегу, вверх по холму, пока больше не могла его видеть. Я пялилась в пространство, где он исчез несколько мгновений назад, а потом обернулась к собаке, которая сидела спереди.

— Нико... иди сюда, — я погладила место рядом с собой. Пушистый монстр с минуту смотрел на меня, будто он был не уверен, а стоит ли.

— Иди же, — сказала я более счастливым голосом, и это сработало. Он завилял хвостом и прыгнул на заднее сидение, прижался ко мне. Размером это животное было просто необъятное. Наверное, он весил больше сорока пяти килограммов. Я осторожно погладила его по голове, и он лег мне на ноги. Мысль о том, что кто-то жестоко обращался с этой красивой собакой и заморил голодом практически до смерти вызывала у меня отвращение.

Не представляю, сколько сейчас времени или сколько уже нет Шторма, но казалось, что вечность. Из-за того, что у тебя нет часов или какого-нибудь способа узнать время, чувствуешь беспокойство. Этот опыт отлично показал мне, насколько я зависима от технологий.

Неожиданно Нико поднял голову и стал шевелить ушами во всех направлениях, как маленькими антеннами. Вдалеке я увидела, что Шторм шел к грузовику. У меня ускорило сердцебиение. *Пожалуйста, пусть снегоочиститель будет здесь!* Его ботинки и джинсы были по колено в снегу. У бедного парня, наверно, совсем замерзли конечности.

Когда он открыл дверь, на его лице сияла огромная улыбка:

— Вот видишь. Я говорил тебе, что вытащу нас отсюда.

— Снегоочиститель здесь? — я была так взволнована, что подпрыгивала на сидении.

— Черт возьми, да. И за рулем мой приятель Джон. Он отвезет нас к моей хижине и очистит дорогу.

— Слава Богу!

— План таков, я понесу твою задницу к машине...

— Нет! Мне надоело, что со мной носятся!

— Эвелин, даже не начинай или я оставлю твою задницу здесь. Я замерз и хочу попасть домой. Поэтому заткнись на хрен, никакой болтовни, никаких пререканий. Ясно?

— Как скажешь. Ладно. Пошли уже. И ты противный.

— Хорошо. И нам придется оставить свое барахло здесь. Я не могу нести тебя и все это дерьмо, и черта с два я стану делать второй заход. Я едва чувствую свои ноги. Джон потом вернется и заберет наши вещи, чтобы привезти нам.

— Хорошо.

Я знала, что не было смысла спорить. Сейчас имело значение только то, что мы выберемся отсюда.

Шторму пришлось нести меня на спине, вверх по дороге из-за глубокого снега и уклона холма. Я была не слишком рада, что повисла на его спине как коала, но он угрожал бросить меня в сугроб, если я не заткнусь. В очередной раз я была потрясена силой этого мужчины и тем, как он нес меня на спине, через сугробы и вверх по холму. Я более чем уверена, что Майкл не смог бы нести меня под таким уклоном.

Когда мы дошли до грузовика, Шторм осторожно опустил меня на ноги и потоптался на месте, чтобы избавиться от снега на ногах и ботинках. У него были абсолютно промокшие до колен джинсы, и я боялась, что он может заболеть. Мы все втиснулись в кабину на переднее сидение снегоочистителя, но сейчас меня это не волновало, я могла думать только

о том, что я на один шаг ближе к дому. Джон, водитель машины, довольно приятный парень, он сказал, что нам повезло, что мы остались живы. Кажется, они со Штормом хорошо знают друг друга.

— Так я отвожу вас обоих в хижину Шторма или мне подбросить вас к тому маленькому отелю в городе? — спросил Джон.

Хм. О таком варианте я даже не думала. Я почувствовала, как Шторм прикоснулся к моей руке, которая лежала на сидении между нами.

— Я думал, что ты могла бы остаться у меня на сегодняшнюю ночь. Если телефон не работает, я уверен, что Джон сможет позвонить Майклу за тебя, когда вернется домой. Раз он живет в пределах цивилизации, то скажет Майклу, что с тобой все хорошо. Завтра мы сможем отбуксировать твою машину в город и о ней позаботятся. Если ты поедешь в отель, даже не известно, есть ли у них свободные комнаты. Это маленький семейный отель, а не сеть гостиниц.

Он пытается сказать, что хочет, чтобы я осталась с ним? Я понимаю этот намек и не знаю, что делать. Насчет гостиницы он прав — там может не быть свободных комнат. И тогда я снова влипну. Но оставаться в его доме? Не уверена, что это хорошая идея. После того, что случилось в грузовике, я сомневаюсь, что нам стоит оставаться наедине. Он проигнорировал мой взгляд и продолжал говорить.

— Я приготовлю нам ужин, ты сможешь принять горячий душ, и у меня для тебя есть отличная комната. К завтрашнему дню дороги уже лучше расчистят. Я отвезу тебя в город, и ты сможешь позвонить Майклу, и он приедет за тобой.

— Эм, а как мы доберемся до города? Обе наши машины застряли.

На его лице промелькнула улыбка.

— У меня другой грузовик у дома. Он в гараже.

— Да, у Шторма много машин, — вставил Джон, и я заметила, что Шторм послал ему неодобрительный взгляд.

Я глубоко вздохнула:

— Хорошо, я останусь у тебя. Спасибо.

Когда Шторм сказал, что у него в лесу хижина, я представляла себе маленький домик, в котором отдыхают охотники на выходных. Я не ожидала увидеть современный сруб с окнами от пола до потолка, окном в крыше и красивой угловой пристройкой-гаражом на три машины в окружении сосен. Я смотрела на все это и удивлялась, как парень, который выглядит как Шторм, может позволить себе такое шикарное место. Наверно, это домик его родителей. После того, как Джон очистил для нас дорогу, а затем лопатой путь к дому, чтобы мы могли войти внутрь, он запрыгнул обратно за руль.

— Я поеду за вашими вещами, а потом привезу. Дайте мне где-то полчаса.

Я кивнула ему.

— Спасибо вам. Я очень ценю вашу помощь.

— Без проблем. Мы со Штормом давно знакомы.

Я подумала, что если Шторм будет вести себя странно, когда мы войдем в дом, то когда Джон привезет мои вещи, я вполне смогу попросить его отвезти меня в город, а там как-нибудь договориться с отелем.

Шторм собрался помочь мне вылезти из машины, а я стукнула его по рукам.

— Я могу войти в дом сама, Шторм. Джон проделал отличную работу лопатой.

Меня все время носили на руках, и я, черт возьми, не хотела, чтобы он вносил меня в свой дом.

— Хорошо, но если ты упадешь на задницу, я буду смеяться.

Да пофиг.

Очевидно, Нико узнал свой дом, потому что побежал к входной двери впереди нас и сел, в нетерпении поднимая и опуская передние лапы, ожидая, когда Шторм откроет дверь.

— Ему тут нравится, — сказал мне Шторм. — Мы часто здесь зависаем, когда скрываемся ото всех.

Я не уверена, от кого Шторм желает скрыться, но он уже упоминал об этом достаточно раз, чтобы побудить мой интерес и узнать.

Шторм открыл дверь, и мы вошли внутрь. Там было очень холодно.

— Я думала, у тебя тепло? — закричала я.

Он щелкал выключатели, но я была так зла на него, что даже не стала смотреть, что было вокруг меня.

— Здесь чертовски холодно, Шторм!

Он поднял руки вверх:

— Успокойся, черт возьми. Я не был здесь несколько месяцев. И я не оставляю включенным отопление на полную мощность, если меня здесь нет. Сейчас все включу и разожгу камин. Очень скоро станет тепло.

Он пошел по коридору и исчез, чтобы включить отопление, как я полагаю.

И я, наконец-то, осмотрелась по сторонам. Место было просто великолепным. Это был дом с открытой планировкой: большой гостиной, огромным диваном-полукругом, большим камином, обеденной зоной и потрясающей кухней. Благодаря сводчатому потолку и окнам комната визуальна казалась больше. Определенно, дом немаленький. Собственно говоря, намного больше той квартирке, в которой живем мы с Майклом. Я сделала несколько шагов к гостиной. На стене был огромный телевизор с плоским экраном, в окружении произведений искусства. Довольно простой декор с несколькими индейскими элементами.

Из коридора показался Шторм и подошел ко мне, выходя из зоны прихожей.

— Эви, иди и присядь здесь. Я разожгу камин.

Я села на диван и сбросила туфли.

— Никогда, ни за что не обую снова эти туфли.

Шторм опустил на колени перед камином, пытаясь разжечь огонь.

— Хорошая идея, — сказал он мне через плечо.

— Почему у тебя нет одного из модных электрических каминов? — спросила я, разминая замерзшие и уставшие ноги.

Теперь горел огонь, и язычки оранжевого пламени танцевали в камине. Он сделал шаг назад и несколько мгновений смотрел на камин.

— Ни за что. Он даже не пахнет настоящим огнем.

— Да, наверное, ты прав. Здесь так красиво, Шторм. Это, правда, твой дом?

Он развернулся на пятках и уставился на меня, проводя рукой по волосам.

— Что? Думаешь, у такого парня, как я, не может быть милого дома?

— Я-я прошу прощение. Я не это имела ввиду.

Но, да. Он же занимался сборкой. Ну, сколько денег он мог заработать, занимаясь мотоциклами, или что он там делал?

— Может, я дитя трастового фонда, Эвелин. Такое предположение не пролетало в твоём маленьком мозгу?

— Вообще-то нет, извини.

Как неловко.

Он пошел на кухню, и я слышала, как он насыпал еду Нико. Я тоже очень проголодалась. Интересно, он еще не передумал кормить меня, после того, как я его оскорбила? А чего мне сейчас хотелось на самом деле, так это пойти в душ.

— Шторм, я могу воспользоваться твоим душем?

— Сейчас я дам одежду, чтобы ты могла переодеться.

Он снова исчез в коридоре и через несколько минут вернулся с черными штанами для тренировок и толстовкой на флисе.

— Для тебя они огромные, но все чистое. Ванная — первая дверь налево, там разберешься сама — новое мыло и шампуни под раковиной, и думаю, там же и фен. О, еще в аптечке найдешь несколько новых зубных щеток. Можешь взять одну.

— Спасибо тебе. А телефон работает?

— Нет, я попытался позвонить по стационарному из спальни, но глухо. Здесь такое часто случается. Напиши мне номер Майкла и я передам его Джону, если он вернется, пока ты будешь в душе.

— Хорошая идея. Спасибо. — Я порылась в сумочке и нашла ручку и листок бумаги, написала номер Майкла и вручила ему.

— Я приготовлю ужин, пока ты будешь в душе. Любишь пасту? Это практически единственное, что у меня осталось из продуктов, остальное мы либо съели в грузовике, либо оно еще там.

— Да, это было бы здорово. Спасибо.

Я чуть не закричала, когда вошла в ванную и увидела себя в зеркале. Я была похожа на черт знает что. Макияж размазан, щеки красные и в грязи, а волосы выглядели так, будто в них застряла летучая мышь и несколько часов там хлопала крыльями. О, Боже, поверить не могу, что я провела два дня с мужчиной в грузовике в *таком* виде. Как же нечестно, что волосы и подведенные глаза Шторма остались в полном порядке! Ааа!

Да, и, кстати, это была огромная ванная с большой угловой душевой кабинкой из стекла, наверное, с десятью насадками для душа и большим джакузи по другую сторону. Я заглянула под раковину и нашла ванильное мыло и дорогую шампунь. Видимо, Шторму нравятся красивые вещи, что довольно странно для того, кто зарабатывает на жизнь сборкой мотоциклов. Конечно, сигнал моего внутреннего радара настроился на любые намеки женского сожителства, но никаких признаков женщины в этой ванной не было. Ни помады, ни одного тампона, ни розовых полотенец. Странно.

Я приняла самый долгий и самый горячий душ в своей жизни, намылив себя этим роскошным мылом для тела. Шампунь и кондиционер пахли просто раем. Я никогда не была в душе с таким количеством насадок, но это поистине потрясающее ощущение, будто вода льется на тебя со всех сторон. Вот интересно, почему не все души делают такими?

После того, как я почувствовала, что нахожусь в чужой ванной неприлично долго, я вытерлась и вышла из душа. Я закуталась в большое пушистое полотенце. У Шторма была ванная, как в пятизвездочном отеле.

После того, как я высушила свои волосы, они выглядели великолепно. И теперь я знала секрет его потрясающих волос — все дело в продукции с французским названием, которое я не могу выговорить. Если бы я сейчас действительно была в отеле, я бы их украла. Кажется, это был лучший день в жизни моих волос, но теперь на мне не было макияжа, потому что все мои вещи остались в грузовике. Пока Джон, водитель снегоочистителя, не привезет их обратно. Но я совершенно не хотела высовывать голову из коридора и просить подать мою дорожную сумку. Аррр. Я открыла свою сумочку и достала карандаш для глаз, который у меня всегда был с собой для экстренного случая, после добавила немного блеска на губы. Мне не хотелось выглядеть, как смерть, на фоне Шторма. Пусть это и не так важно, но я не хочу, чтобы от мысли, что я милая, он перешел к мысли, что я страшная.

Из-за громкого стука в дверь я подпрыгнула с толстовкой вокруг головы.

— Ужин готов. Ты выходить будешь или как? — спросил Шторм через дверь.

Я открыла дверь.

— Давно пора, — сказал он. — Ты там наслаждалась моим душем, будто это особенное место отдыха?

Я ударила его в грудь:

— Нет, извращенец. Просто хорошо, когда чувствуешь тепло.

Я прошла за ним через коридор в столовую, где он уже накрыл на стол и даже поставил по центру свечу. Я сглотнула. Я никогда не ужинала дома при свечах, но всегда этого хотела. Казалось, что это так романтично.

— Ого... очень красиво, — сказала я, занимая место.

— Воды? Вина? Имбирного эля?

— Оооо, я бы хотела попробовать имбирный эль.

Шторм подошел к столу с газированным напитком для меня в одной руке и со стаканом красного вина для себя в другой. Он плюхнулся на стул напротив меня.

— Чертовски отлично чувствовать себя не запертым в долбаном грузовике, согласна?

Я кивнула ему, сделав глоток своего напитка.

— Согласна. Я и правда начала волноваться.

— Я знаю, что для тебя это было очень тяжело, — он стал накладывать в тарелку спагетти. — Застрять в грузовике с незнакомцем и все остальное, но ты хорошо держалась, Эви. Знаю, я не самый простой в общении человек.

Я послала ему милую улыбку:

— Как и я.

Возможность снова есть теплую пищу — просто потрясающе. Забавно, что мы считаем подобное само собой разумеющимся.

— Шторм, как вкусно, — сказала я, сделав несколько укусов. — Спасибо за ужин. Я уже забыла, что существует горячая пища.

— Без проблем. Джон привез наши вещи. Я оставил твои в гостиной.

— О, отлично. Ты сможешь дать мне его адрес, чтобы я отправила ему открытку в знак благодарности?

Он потягивал вино с беспокойным выражением лица.

— Я могу ее передать ему от тебя.

После ужина я помогла Шторму помыть посуду, и он пошел в душ, оставив меня одну в гостиной с Нико, который тут же запрыгнул на диван рядом со мной. Как же я буду скучать по этому пушистому псу. Я начала его рассеяно гладить, рассматривая комнату, ожидая увидеть фотографии Шторма и его семьи, которые бы дали мне больше представления о нем, но в комнате их не было.

— А вы стали лучшими друзьями, как я вижу.

Святое дерьмо. На нем были только черные штаны для тренировок, которые сидели низко на бедрах. Верхняя часть его тела была сочетанием мышц и чернил. Его влажные волосы были зачесаны назад и свисали немного ниже плеч. Его плечи и грудь были такими широкими, а еще у него были идеальные шесть кубиков пресса и сексуальная V-образная...

ВАУ. Просто вау. Никогда не видела мужчину с таким потрясающим телом вживую.

Я попыталась успокоить себя и не пускать слюни.

— Шторм, надень чертову рубашку.

Вместо этого он продолжал подходить все ближе, пока не встал в нескольких сантиметрах от меня.

— Наверное, Майкл тот еще дрыщ, раз ты не можешь сидеть рядом с мужчиной, у которого приличное тело, и практически не падать в обморок.

— Майкл не безобразный. Просто неприлично ходить тут полуголым. Я не привыкла смотреть на мужчин, которые едва одеты.

Он немного потряс головой, с его волос полетели капельки воды.

— Эй, я не вижу себя странно. Это мой дом, и я могу ходить голышом или полуголым, или на любой другой стадии одевания или раздевания, если захочу.

Я кивнула. Все-таки не стоило оставаться здесь, в его доме. Я же его совсем не знаю, пусть мы и провели вместе столько времени взаперти. Я позволила привезти себя в его дом, на его территорию, где он мог обращаться со мной, как ему вздумается, а я должна буду мириться с его поведением.

— Ты тоже можешь снять свою кофту, и тогда мы будем на равных.

Он послал мне дьявольскую улыбку, что-то среднее между сексуальной, как ад, и греховно-очаровательной. Как кто-то может так выглядеть? Это так нечестно. Он сел на диван, по другую сторону от собаки, но все же слишком близко ко мне, чтобы я могла себя комфортно чувствовать рядом с ним... раздетым.

— Нет, спасибо. Вот почему ты хотел, чтобы я осталась? Думал, что я пересплю с тобой?

— Кто сказал, что я хотел, чтобы ты осталась здесь?

Ну, блин. Думаю, он никогда не высказывался или предлагал этого напрямую. Это было только моим предположением. Может, предлагая это, он просто пытался быть вежливым, но, на самом деле, хотел, чтобы я уехала. Вот черт.

Я укусила свою губу, чувствуя себя дурой за то, что посчитала, будто он хочет меня, и озадаченной, то есть, почему это меня вообще беспокоит.

Он потянулся и взял прядь моих волос в свою руку, накручивая ее.

— Я хотел, чтобы ты осталась, Эви.

Вот как.

— Так это твое любовное гнездышко? Куда ты приводишь женщин для своих ни к чему не обязывающих отношений?

Он продолжал крутить мои волосы, наматывая себе на палец и немного дергая. Дрожь прошла от моей головы по спине.

— Я никогда не приводил сюда женщин, если честно. Это мое личное пространство. Это мое священное место, которое ничем не связано с миром снаружи.

— Тогда почему ты хотел, чтобы я вторглась в него?

Он снова потянул меня за волосы и встретился со мной взглядом.

— Даже не знаю. Но я хотел бы это выяснить.

У него был хриплый и честный голос, без намека на шутку или издевку. Никакой самодовольной ухмылки. Только глубокие зеленые озера, которые наблюдали за мной.

Я почувствовала, что дышала тяжелее, чем обычно, и надеялась, что он этого не заметил. Мне было неловко от того эффекта, который он на меня производил. С ним усиливались все мои чувства.

Я сглотнула и продолжила гладить Нико, который сидел между нами.

— Ты несколько раз упоминал о том, что хотел скрыться и провести время наедине. Что

это значило?

Он не ответил и его молчание о многом говорило. Я нащупала деликатную почву. Чувствовала, как она просачивалась через него.

— Ты не хочешь, чтобы я знала? — спросила я его.

Шторм медленно покачал головой, его пальцы по-прежнему играли с моими волосами, нежно смахивая их с моей щеки.

— Нет, — сказал он. — Не хочу. Но позволь мне кое-что сказать. Я просто хочу быть собой и могу сделать это, только оставаясь наедине.

Я потянулась и взяла его за руку, осторожно убирая ее от моих волос.

— А ты был «собой», когда мы сидели вместе в грузовике?

— По большей части.

— Это хорошо или плохо?

— Поучительно.

— *Поучительно?* Что это значит?

Он встал и потянул меня за собой.

— Пойдем, я хочу полежать в горячей воде в джакузи. Я очистил террасу от снега, пока ты была в душе.

Он начал тянуть меня из комнаты, держа за руку. А я тащила обратно.

— Погоди, что?

Горячая вода? Ой, нет.

Он продолжал тянуть меня через комнату, раздвинул стеклянные двери, которые вели к деревянной террасе с задней стороны дома. Он щелкнул выключателем и множество маленьких рождественских огоньков, которые были разложены на полу, засветились голубым сиянием. Покрытие от джакузи уже было снято и лежало в углу, а от бурлящей воды поднимался пар.

— Шторм, здесь холодно...

— Я знаю, но там будет довольно жарко. Я подготовил ее, пока ты принимала душ. Мне нравится лежать в горячей джакузи посреди зимы, когда вокруг темно и холодно.

Он не в своем уме, если думает, что я залезу в горячую джакузи с ним ночью, пока мы посреди леса, в окружении снега.

Он отпустил мою руку и потянул свои штаны вниз, пока не остался стоять в одних боксерах. Я отвела взгляд, но не раньше, чем отметила про себя, что его ноги были такими же мускулистыми и покрыты татуировками.

Шторм залез в джакузи и медленно погрузился в воду.

— Ууууу! — прокричал он. — Охрененные ощущения. Тащи сюда свою задницу, Эвелин.

— У меня даже купальника нет, — тупо сказала я. Часть меня хотела забраться к нему. Как хорошо сейчас бы чувствовалось это тепло.

— Просто залезай в лифчике и трусиках. Я тебя не трону. Я даже не стану смотреть, пока ты будешь залезать. Видишь?

Он отвернулся и смотрел сейчас в другую сторону.

Когда еще у меня будет такой шанс посидеть в горячей джакузи посреди леса под черным небом, усыпанным звездами? Вероятно, никогда. Со мной никогда не происходит ничего подобного.

А, к черту все. Я сняла толстовку и выскользнула из штанов.

— Даже не вздумай повернуться, — сказала я, погружаясь в джакузи. Не ожидала, что вода окажется настолько горячей.

— Святое дерьмо! — сказала я, втягивая воздух в легкие и медленно опускаясь в бурлящую воду. Такое ощущение, что я здесь сварюсь.

— Я могу уже поворачиваться?

— Думаю, да. Но оставайся там, где сейчас.

Когда Шторм повернулся ко мне, на его лице была широкая улыбка.

— Потрясающие ощущения, правда?

Я опустила свое тело как можно ниже в воду, чтобы он не видел меня.

— Отличные ощущения. Хотя меня не должно здесь быть.

— Почему? Я бы не дал тебе утонуть.

— Просто у меня такое чувство, что мне не стоит делать то, что я делаю с тобой.

Он брызнул водой мне в лицо.

— Прекрати думать, что все, что ты делаешь, неправильно, Эвелин. Блядь. Не удивительно, что у тебя панические атаки. Ты же так давишь на себя. Просто позволь себе получать удовольствие и прекрати думать, что это неправильно.

— Но это неправильно, Шторм.

— Эвелин, если ты хочешь это делать и наслаждаешься процессом, может это должно что-то значить, понимаешь?

— Правда? И что же это значит, Шторм? Что я должна делать все, что мне захочется, веселиться, независимо от последствий или от того, кому я причиню боль?

— Нет, я не думаю, что ты должна кому-то причинять боль. Но, если то, что делает *тебя* счастливой, причиняет кому-то боль, может, ты не должна быть с ними? Ведь так? Это *твоя* жизнь. Ты должна сделать себя счастливой.

— Я не хочу об этом говорить. Хочу просто здесь расслабиться, ладно? Разве мы не поэтому здесь? Чтобы расслабиться?

— Да. И чтобы согреться после того, как мы два дня морозили себе задницы.

Сидеть на улице в темноте, когда вокруг только тусклый свет рождественских огней и звезды над головой — просто невероятно. Вдалеке я видела свет от другого дома, но он очень далеко. Я понимаю, почему Шторму здесь нравится. Здесь так мирно. Ни движения машин, ни домов, которые стоят бок о бок, ни любопытных соседей. Я всегда хотела жить в подобном месте, подальше от других и в окружении природы. Если бы я жила в таком доме, как этот, на огромной собственной территории посреди леса, я бы завела несколько собак, парочку курочек, может даже миниатюрную козу или пони.

Я чувствовала вину за то, что сидела в горячей джакузи, пока Майкл был один дома и переживал за меня. Надеюсь, Джон позвонил ему и сказал, что со мной все хорошо. Не представляю, что он ему наговорил или как объяснил мою ситуацию, но, я надеюсь, он не выставил все так, будто я провожу ночь с незнакомцем, наслаждаясь этим.

Хотя, разве это не так?

— Эвелин, я вижу, как у тебя в голове в колесе бежит сумасшедший хомяк. Прекрати переживать.

Я брызнула ему в лицо водой.

— Прекрати меня анализировать.

— Ты об этом пожалеешь, — сказал он с озорной ухмылкой.

Через несколько секунд он пересек джакузи и оказался рядом со мной.

— Повернись, — сказал он.

— Что? Зачем?

Шторм положил руки мне на плечи и развернул, поставив прямо перед одной из струй воды. И когда я говорю, прямо напротив одной из струй, я имею ввиду, что она была прямо между моих ног. Да. Прямо там.

— Шторм... — я попыталась отойти, но его грудь вплотную прижималась к моей спине, и я не могла двигаться.

— Тсс... — прошептал он мне на ухо.

Его руки заскользили вниз по моим рукам до ладоней, он вытащил мои руки из воды и сжал их на краю джакузи, удерживая на месте. Пульсация воды на мой клитор ощущалась просто потрясающе. Насколько я хотела отойти оттуда, настолько это было приятно, что я просто не смогла. Мое тело желало остаться там, где оно было сейчас.

— Прекрати думать и просто отпусти все, — прошептал он.

Я прислонилась к нему, моя спина вплотную к его груди, моя голова на его плече, и эротическая пульсация воды, которая перенесла меня в транс от эйфории. Я снова почувствовала, как его твердый член давит на мою задницу. Только в этот раз из-за тонкой мокрой ткани это чувство усилилось. Почти как плоть к плоти. Он не двигался и не прикасался ко мне вообще, пока я извивалась от воды. Он просто держал мои руки на краю джакузи, чтобы я не могла двигаться. Удерживаемая им, в ловушке его тела, я только больше возбуждалась. Я могла бы развернуться прямо сейчас, обернуть свои ноги вокруг его накаченного тела и почувствовать, как он проникает в меня. Я еще никогда не была так возбуждена или так безумно хотела получить оргазм. Я чувствовала, словно каждая частичка моего тела ноет, желая, чтобы к ней прикоснулись, я хотела почувствовать себя заполненной. У меня задрожало все тело, когда через него прошли множественные оргазмы, оставляя меня безвольной, будто тряпичную куклу. Он отпустил мои руки и медленно развернул к себе.

— Лучше себя чувствуешь? — спросил он низким и хриплым голосом.

Я едва могла открыть глаза. Жар от воды в сочетании с этими оргазмами совершенно обессилил меня, как морально, так и физически.

— Я ненавижу тебя. Зачем ты продолжаешь это делать со мной?

— Что? Помощь с оргазмом?

Я широко распахнула глаза:

— Серьезно? Ты только что это сказал? Мне не нужна помощь.

— Я думаю, что нужна. Скажи, если когда-то чувствовала что-то подобное.

Я оттолкнула его:

— Оставь меня, Шторм. Мне не нужна твоя помощь, чтобы вылезти.

Ложь, ложь, ложь. Я не могла вспомнить, когда у меня был оргазм до этих выходных. Довольно давно. Я имитировала его с Майклом практически все время, потому что просто не могла добраться до него, а он не хотел останавливаться, пока не был уверен, что я его получила. Проще было притвориться и жить дальше. Пока Майкл его получал, я была счастлива. Мне не обязательно испытывать оргазм, чтобы быть счастливой и удовлетворенной.

Или я так думала, по крайней мере. Пока Шторм не заставил меня трахать струю воды. Вот это да. Как же было хорошо.

— Нам лучше вернуться в дом. Не хочу, чтобы ты упала тут в обморок.

Я была слишком «желеобразной», чтобы спорить с ним. Позволила ему помочь мне выбраться из джакузи. Пока он доставал нам полотенца из деревянного шкафа у края террасы, я сидела на стуле. По ощущениям мое тело сейчас напомнило кашу. Я молча вытерлась и медленно потянулась за одеждой, избегая с ним зрительного контакта. Когда я оделась, то вернулась в помещение и оставила его снаружи, чтобы закрыть джакузи и выключить свет.

Уже полночь. Я просто хочу лечь спать. Чем скорее я усну, тем скорее наступит завтра и я смогу уехать от Шторма навсегда. Он оказывает на меня плохое влияние, заманивает в странные ситуации с оргазмами, на которые я бы никогда, никогда не согласилась в нормальных обстоятельствах. Мне любопытно, это так он проводит большинство ночей, заводит женщину с каждым тиканьем часов?

Я ничего не стала ему говорить, когда Шторм вернулся в дом и закрыл за собой стеклянную дверь.

— Ты сейчас молча поливаешь меня грязью? — спросил он, помешивая угли в камине и подбрасывая еще одно бревно. — Только из-за этого?

— Ты знал, что я не хотела этого делать, Шторм. Ты развернул мое тело, против моей воли.

— Может, тебе стоит дать своему организму то, чего он хочет.

Нет. Я не стану продолжать с ним разговор. Только хочу, чтобы он замолчал и оставил меня одну, тогда я смогу вернуться к нормальным будням своей жизни, пусть и скучным.

— Пойдем, я отведу тебя в спальню и ты сможешь немного поспать.

Я молча проследовала за ним по коридору в большую спальню с огромным балдахином над кроватью из красного дерева, каким был и комод. Стены были окрашены насыщенным винным цветом, а на полу был густой белый ковер. По другую сторону от нас была личная ванная.

— Вау. Как красиво.

— Спасибо. Это моя комната, но ты можешь спать здесь. Я посплю на диване.

Я точно знала, что видела другую закрытую дверь в коридоре, поэтому была уверена, что это другая спальня.

— Разве дальше по коридору нет спальни для гостей? Могу поспать там, я не возражаю.

Он покачал головой:

— Нет, это не спальня. Там я храню свое барахло и там полный бардак.

— Оу. Я не могу отобрать твою кровать, Шторм. Ты и так хрустел костями два дня в грузовике. Ты заслужил того, чтобы нормально разлечься на кровати.

— Все нормально. Диван большой. Мы с Нико часто на нем спим. Не волнуйся, ладно?

Он взъерошил мои волосы. Боже, терпеть этого не могу. Мы снова вернулись к «милой».

— Если понадобится, тут есть ванная.

— Хорошо. Спасибо. Хотя, я плохо себя чувствую из-за того, что заняла твою кровать, — и я сказала это не просто так, мне действительно было хреново. Будто это не справедливо. — Я не против поспать на диване.

Шторм пошел к двери.

— Ни за что, — он повернулся ко мне лицом. — Утром я отвезу тебя в город, чтобы мы могли узнать, что случилось с твоей машиной, и ты сможешь позвонить Майклу и вернуться домой.

— Звучит отлично.

И вот, он ушел. Не знаю, почему так, но в комнате всегда становится как-то пусто, когда он уходит. Я разделась, оставшись только в трусиках, и забралась на огромную кровать. Должно быть, это кровать королевского размера. Это самая большая кровать из всех, на которых я когда-то лежала. Я откинулась на мягкие подушки и натянула на себя одеяло. Оно классное и просто небесно-воздушное. Возможность потянуться и лежать в окружении нежнейших простыней казалась мне невообразимой. Такое чувство, словно я лежу на облаках.

Мои веки тяжелели по мере того, как сон затягивал меня в свой мир. Мое тело и ум были совершенно истощены за последние несколько дней. Я хотела закрыть глаза и ускользнуть от всего этого, но не могла. Мой ум продолжал возвращаться к Шторму... в другой комнате... на диване с собакой. У него была невероятная способность выводить меня из себя и его так называемая «помощь с оргазмом», определенно, самое худшее, что я когда-либо делала. Я знаю, что это обман, и не важно, как он пытается это выставить. Но, безусловно, есть что-то еще, то, что скрыто за внешним видом. Что-то, что притягивает нас друг к другу, как магнитом.

Я слезла с кровати и натянула через голову толстовку. Надевать обратно штаны я не потрудилась. Тихо, на цыпочках, я вышла в коридор и прошла к гостиной. Он сидел на диване. Спинай ко мне, поэтому не знал, что я здесь. Он сидел там, в абсолютной тишине, просто смотрел в окно на черное ничто ночи. Я тихонько подошла ближе к нему.

— Шторм?

Он повернул голову, чтобы взглянуть на меня.

— Что-то не так?

Я не могла контролировать свой голос. Он спрятался за моими мыслями и чувствами. Мыслями и чувствами, которые я сейчас даже не могла попытаться объяснить или понять.

— Я... я просто... — я опустила взгляд вниз, подальше от его настойчиво. И что я делаю?

— Ничего, — тихо сказала я. — Спокойной ночи.

Я пошла обратно по тускло освещенному коридору и вернулась в огромную кровать, закутываясь в одеяло. Интересно, почему он там просто сидел и о чем он думал. Возможно, планировал мой следующий нежелательный оргазм.

Я начала засыпать, но почувствовала на кровати лишний вес. Я открыла глаза, и это Нико лежал у подножия кровати, свернувшись калачиком у моих ног. Я улыбнулась. Хейло тоже спит со мной на кровати.

— Спокойной ночи, Нико, — прошептала я.

Вот тогда я и заметила в дверном проеме Шторма, прислонившегося к дверному косяку. Мое сердце буквально остановилось. Какого он здесь делает?

Я ничего не сказала, когда он медленно пошел к кровати. Он остановился только, когда подошел к той стороне, где лежала я. Он был всего в нескольких сантиметрах от меня, но в темноте я его едва видела. Хотя и чувствовала. Я чувствовала тепло от его тела. Слышала его ровное дыхание. В темноте я нашла его руку и легко потянула его на кровать.

Он — этот потрясающий мужчина лег на кровать рядом со мной, со всеми этими ногами, мышцами и волосами. Я задрожала и не уверена от страха или от нового неизвестного волнения, которое оно посылало моему телу.

— Я чувствую, как бешено колотится твое сердце, Эви, — его голос звучал так тихо, что я едва его слышала.

— А я твое.

— Ты дрожишь.

— Знаю. Мне страшно.

— Так и должно быть.

Внутри меня все замерло.

— Ты понятия не имеешь, кто я. Или что я могу с тобой сделать. Я могу сделать с тобой то, чего ты, черт, даже не могла себе представить, Эви.

Он зарылся носом в мои волосы и сделал глубокий вдох:

— Я хочу, чтобы ты кричала.

Страх и желание разрывали мое тело на части. Никогда нельзя смешивать эти два чувства и запихивать в одно пространство. Мне хотелось убежать. Хотелось спрятаться под кроватью. Я хотела, чтобы он поцеловал меня. Хотела прикоснуться к каждому миллиметру его тела. Чтоб меня. Я совершенно запуталась.

— Расслабься, малышка. Я не прикоснусь к тебе и не причиню тебе вреда. Но я *стану* призраком, который будет тебя преследовать.

Вот. Блядь. Дерьмо.

Шторм отодвинулся от меня и перевернулся на спину, но потянулся к моей руке и переплел наши пальцы. Так мы и уснули, на расстоянии полуметра, держась за руки.

Есть что-то такое ужасно интимное в том, чтобы наблюдать за спящим человеком. Смотреть на него, когда он не имеет ни малейшего понятия о том, что ты делаешь. Рассматривать кого-то, когда у него нет ни единого шанса спрятаться или возвести вокруг себя стены, чтобы защитить свои шрамы или уязвимость — это высшая форма посягательства. Этим я сейчас и занимаюсь, в принципе, как и многими другими вещами за последние несколько дней, и не могу себя остановить. Или не хочу.

Шторм спал, лежа на спине. Несколько раз за ночь он сбрасывал с себя одеяло, и сейчас оно накрывало его только до талии. Одна рука закинута вверх, под подушку, на которой лежит его голова. Я любовалась его лицом. У него были невероятно длинные и темные ресницы. После того, как он нескольких дней не брился, на лице появилась небольшая щетина. Он спокойно дышал, а его полные губы были слегка приоткрыты. Его длинные волосы веером лежали на подушке. Его грудь, бока и живот, а также руки были полностью покрыты чернилами. Огромный коллаж, в основном, черного цвета и иногда с добавлением белого. Некоторые слова были вытатуированы каллиграфическим стилем: не бойся боли; будь выше этого; все, что ужасно — прекрасно; ненавижу меня или трахни. Чего? Он это серьезно насчет последнего?

Это была и прекрасная работа, и просто мешанина всего. Замки, волки, лица, маски, клоуны, мечи, перья, случайные числа, радуга, мотоцикл на дороге, кровоточащее сердце, ворон, подсматривающие глаза. Низко на бедре была черная стрелка, которая указывала на его промежность. Я ухмыльнулась.

У него была смуглая и гладкая кожа. Я рассмотрела на его груди длинный шрам, неровный, почти скрытый под вьющимися волосами и чернилами. Я хотела прикоснуться к нему, но не позволила себе этого. Каждая часть его тела была сплошными мышцами. Наверное, он долго трудился, чтобы так выглядеть. Такое тело не появится от просиживания штанов.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Он пошевелился и повернулся ко мне, его глаза медленно открылись и сфокусировались прямо на моих собственных. Он подловил меня на том, что я его рассматривала, опять.

— Я буду брать с тебя плату.

Его голос был слабым и сонным.

— Очень смешно, — сказала я.

Сел и потянулся.

— Завтрак или минет? — спросил он.

— Чего? — я больше не улыбалась.

— Это варианты для чики, которая просыпается в моей постели.

— Только не для этой чики. Извини.

Ух, иногда он такая свинья.

Он посмотрел на меня сверху вниз, со своей дерзкой улыбкой.

— Я просто шучу. Не сходи с ума.

От досады я покачала головой и перевернулась на другой бок, лицом от него. Нужно вставать, но так приятно лежать в этой потрясающей, удобной кровати. Вот бы весь день в ней проваляться.

Он привстал на локоть и посмотрел на меня сверху вниз:

— Я тоже смотрел, как ты спишь, чтобы ты знала. В грузовике.

— Уверена, это было очень интересно.

Блин. Надеюсь, я не делала никакие странные выражения, не пускала слюни или храпела, пока спала. Точно могу сказать, во сне я не похожа на всех тех красивых и гламурных женщин из фильмов.

— Ты дергаешься во сне.

Я вздрогнула. А, ну, конечно, как же неловко.

— У тебя беспокойный сон, Эвелин. Почему так? О чем ты думала?

— Откуда мне знать? Я же спала.

— Я думал, что это я завелся, но, похоже, ты даже хуже, чем я.

— *Я не завелась*, — сказала я, садясь и держа простынь в области груди. Я передвинула ноги к краю кровати. Не хочу больше слушать его комментарии о себе. Я просто хочу домой.

Я взглянула на него через плечо.

— Если ты закончил свой психоанализ, мы можем одеться и идти?

— Не можешь дождаться, когда избавишься от меня, так?

— С меня уже достаточно, и я хотела бы вернуться к своей жизни, уверена, так поступишь и ты.

— Я не знаю. Я вроде как привык, что ты рядом. Ты как маленький сумбурный котенок. В одну минуту ты обнимаешь и мурлычешь, а в другую выпускаешь когти и готова атаковать во всех пяти направлениях.

Что ж, такую аналогию я никогда не забуду.

Он схватил в охапку мои волосы и нежно потянул, чтобы я повернулась к нему лицом.

— Можешь исцарапать меня, если хочешь, — прошептал он.

Я отдернула его руку от моих волос:

— Шторм, прекрати уже. Не прикасайся ко мне и не говори подобного.

— К тебе тяжело не прикасаться. Извини.

Он встал и пошел в ванную, закрыв за собой дверь.

Интересно, был ли это такой странный комплимент. Так или иначе, из-за него я почувствовала себя виноватой за то, что не позволяю ему к себе прикасаться. Что это за дерьмовая уловка? К черту это сумасшествие и его тоже. Не удивительно, что у него нет настоящей девушки. Они должны быть не в себе, чтобы согласиться быть с ним.

Я пошла за своей сумкой и забрала ее с собой в основную ванную, чтобы нанести макияж и переодеться. И, конечно, у меня было только одна пара идиотских туфель. Вернувшись в гостиную, я нашла свой телефон, подключенный на зарядку у дивана. Наверно, Шторм сделал это для меня вчера ночью, потому что я совсем об этом забыла. Все еще «нулевой» сигнал.

Шторм вошел в комнату одетый в джинсы, черную футболку и босиком. Есть что-то такое в босых мужчинах в джинсах, что-то сексуальное. По крайней мере, для меня. Он свистнул Нико, и тот побежал к нему. Шторм выпустил его за дверь, на улицу, чтобы справить свою нужду.

— В городском кафе подают то латте, которое ты так любишь. Если ты готова, я тебя отвезу.

— Спасибо, Господи. Мне очень нужно выпить кофе. Я готова, если готов ты.

— Отлично, когда Нико вернется, можем выдвигаться.

Он сел на стул на другом конце комнаты и стал натягивать носки и свои ботинки. На меня нахлынуло странное чувство, пока я смотрела на него, его согнутые руки, когда он завязывал шнурки, волосы, которые падали ему на лицо. *Я буду по нему скучать.*

Он посмотрел вверх и поймал мой взгляд, но я быстро отвернулась. С явным недовольством он покачал головой и встал на ноги.

— Просто скажи это, — сказал он и отвернулся от меня, чтобы открыть стеклянную дверь, которая вела к джакузи, и свистнул Нико.

— Сказать что?

Нико вернулся, сделав свои дела, лапы у него были в снегу. И он побежал прямо ко мне, чтобы поцеловать меня в лицо. Я погладила его большую пушистую голову и поцеловала между ушами.

— Я буду скучать по тебе, дружок, — сказала я ему.

— Он тоже будет по тебе скучать.

Я посмотрела на Шторма, который наблюдал, как я глажу его собаку, и тут я поняла, что он сказал, и что хотел, чтобы сказала я. Но я не сказала этого и вижу, как он сходит с ума. Я не попадусь в его ловушку. Он профи в этой игре в «кошки-мышки», заставляя женщин желать его, тогда он может играть с ними. Я не стану одной из его игрушек и не позволю себе думать, что те несколько проблесков возможной искренности что-то значили.

— Идем.

Он поднял мою сумку, и я последовала за ним по коридору к двери, которая вела в гараж. Здесь стоял большой грузовик, подержанный корвет и около шести мотоциклов. Стены были покрыты инструментами. Я боролась с желанием спросить, все ли это его. Он открыл дверь грузовика с пассажирской стороны для меня, и я села и стала ждать, когда он обойдет машину и сядет сам.

— Только давай не попадем в аварию, ладно? — пошутила я, пытаюсь поднять ему настроение.

Он усмехнулся мне и нажал на кнопку, чтобы открылась дверь гаража, и дал задний ход.

— Если мы попадем в аварию, я закину тебя на плечо и отнесу обратно сюда. Дни на заднем сидении — уже пройденный этап.

Сейчас, когда был день и снег прекратился, я увидела, как далеко в лесу мы были. По дороге к дому Шторма было около трех домов, а потом мы выехали на дорогу, где в прошлый раз застряли. Мы проехали около пяти миль и заехали в очень маленький городок. Довольно прелестный и причудливый, с маленькими семейными магазинами, которые я так любила, автомастерской, закусочной-кафе, отелем, который был больше похож на «ночлег и завтрак» и очень небольшой продуктовый. Шторм сначала остановился перед мастерской, чтобы узнать о состоянии наших машин, которые уже были отбуксированы сюда. Снаружи моя выглядела не так плохо, только перед был немного помят. Но грузовик Шторма был полностью разбит спереди. Увидев, насколько она повреждена, я поняла, как нам повезло, что мы не пострадали.

— Жди в грузовике, я пойду и переговорю с Сетом. Он механик.

Я кивнула в знак согласия и смотрела, как он прошел в помещение. Через несколько минут мне стало скучно, и я открыла бардачок. Презервативы, куча медиаторов, вилка, жвачка, крошечный фонарик. Черный лифчик. Большого размера. Я захлопнула бардачок в отвращении. Кто оставляет свой лифчик в бардачке парня? Неужели она вышла из грузовика, когда ее причиндалы подпрыгивали от шагов? Какие женщины так делают? *Очевидно, те,*

которые в его вкусе. Я открыла свою сумочку и достала небольшое дезинфицирующее средство и прыснула себе на руки. Кто знает, что, черт возьми, там могло ползать.

Он открыл дверь грузовика и запрыгнул внутрь, посмотрел на меня с замедленной реакцией.

— Это гель против бактерий? — спросил он.

— Да.

Он посмотрел на меня так, словно я чокнулась.

— У тебя с собой гель против бактерий?

— К счастью, да. Мы можем поговорить о машине, пожалуйста? Я могу забрать ее домой?

Он завел грузовик.

— Нет, она, блядь, разбитая спереди. Сет должен заказать кое-какие детали. Это займет несколько дней.

— Вот дерьмо. Сколько это будет стоить? Или мне нужно отдать ему мои документы на страховку?

Он покачал головой, выезжая со стоянки.

— Нет, я сказал ему, что позабочусь об этом.

— Зачем? Ты не можешь этого сделать.

— Гм, потому что хочу, и да, могу. У моей передняя часть разбита нахрен, в дребезги. Я думал просто избавиться от нее, но теперь она, вроде как, представляет собой сентиментальную ценность, поэтому... я собираюсь ее починить.

— Сентиментальную ценность?

— Ага. Мы провели там два дня. Как же я могу от нее избавиться?

— Ты псих, Шторм, ты это знаешь?

Он просто рассмеялся. Я поняла, что совершенно забыла позвонить Майклу, потому что была слишком занята изучением грузовика Шторма. Я достала телефон из сумочки и включила его. Пришло несколько смс и голосовых сообщений. Наконец-то! Появилась связь.

У меня было шесть смс от Эми. И два от Майкла. Всего два?

Первое: *«Ты нормально добралась?»*

Второе отправлено часом позже: *«Позвони, когда появится связь».*

Шторм завернул на стоянку перед кафе.

— Подожди, — сказала я. — Хочу позвонить Майклу, пока есть связь.

Я набрала наш домашний номер, но ответа не было. Хм. Я сбросила и набрала его мобильный.

— Алло?

— Привет, милый. Это я!

— Господи, Эвелин, что случилось?

— Я заблудилась. Снегопад только усиливался, а моя машина ужасно переносит снег, вот я и слетела в кювет с трассы. Один парень подъехал и попытался меня подвезти, но потом перед нами на дорогу выбежал этот ненормальный олень, и мы снова попали в аварию. Это полное сумасшествие, Майкл. Я чуть с ума не сошла от страха. Вот мы и застряли на два дня в его грузовике, слава Богу, у него были одеяла и немного еды с собой. Это было чертовски ужасно.

Шторм закатил глаза, и я ударила его по руке, скорчив ему рожицу.

— Ну, по крайней мере, ты в порядке. Как машина?

— Вроде как разбита. Она в автомастерской здесь, но им нужно несколько дней, чтобы ее подлатать.

— Хорошо. Так, как ты собираешься добираться домой?

— Ты должен приехать за мной. Я объясню тебе, где я. Я была совершенно далеко от гостиницы Фоллс. Потерялась из-за GPS-навигатора.

— Эвелин, я не смогу забрать тебя. Мне позвонили, и я должен был ехать на совещание по сбыту. Мне пришлось уехать из города. Я сейчас в Южной Каролине. Я прилетел прошлой ночью и не вернусь домой до завтрашнего вечера.

— Ты шутишь? И как я вернусь домой?

— Ты можешь позвонить Эми?

— Эми не захочет переться сюда, чтобы забрать меня. И ты это знаешь. У ее машины даже четырех колес нет, чтобы куда-то ехать, а дороги здесь все еще покрыты снегом и льдом.

— Ну, тогда поймай такси. Оплата будет в целое состояние, но у тебя нет другого выбора.

— А с Хейло все хорошо? Ты просто оставил его? Ты его хоть покормил? — я начала паниковать, понимая, что он оставил моего бедного кота одного.

Я слышала, как он вздохнул:

— С ним все в порядке, Эвелин. Я дал ему тонну еды и воды перед отъездом. Он спрятался наверху на все входные.

— Ну, он вообще ел? — я знала, что старые коты не могут долго продержаться без еды, у них начинаются проблемы с почками и печенью. Особенно у котов его возраста.

— Думаю, что да. Я, черт возьми, не знаю. Я его еду не пересчитывал.

Я чувствовала, как на глаза навернулись слезы. Если Хейло заболел, я никогда себе этого не прощу.

— Ладно, Эвелин, я должен идти и распечатать презентацию для совещания. Отправь мне смс или позвони, когда будешь дома, и увидимся завтра.

— Хорошо, так и сделаю. Люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. — И он отключился, а я уставилась в окно. *Я не стану плакать перед Штормом. Я не стану плакать перед Штормом.*

— Эй, ты в норме? — его голос был пронизан беспокойством, в отличие от привычного сарказма. Я вытерла глаза и положила телефон обратно в сумочку.

— Да, я в порядке. А здесь ходят такси?

— К черту это. Я сам тебя отвезу.

Я покачала головой:

— Нет, Шторм. Ты и так достаточно для меня сделал. Пожалуйста, просто помоги мне поймать такси.

— Эвелин, прекрати. Давай позавтракаем, а потом я отвезу тебя домой, хорошо?

Я посмотрела на свои колени. Не могу поверить, что Майкла даже не дома. Такое чувство, что он совсем не переживал за меня. Просто улетел из штата. Он мог бы рассказать своему боссу, что со мной произошло, и попроситься не ехать. Я боролась со слезами, которые уже были готовы пролиться.

— Он просто головка от хуя, — сообщил Шторм.

— Шторм, не надо.

У меня дрожал голос. Я не хотела, чтобы он озвучивал все, о чем я сейчас думала.

— На хрен это. Оставайся здесь.

Он хлопнул дверью и исчез в дверях кафе. Я сидела в машине и пыталась не расплакаться. Даже не знаю, я сейчас больше переживала за Хейло или скучала по Майклу. Как он мог вот так уехать? Я бы никогда так просто не уехала, если бы не знала, все ли с ним хорошо.

Через несколько минут вернулся Шторм с двумя кофе и белым бумажным пакетом.

— Мокко с белым шоколадом? — он протянул его мне. Ах, Боже мой, он помнил. Я слабо ему улыбнулась.

— Поверить не могу, что ты запомнил.

Он подмигнул мне и передал пакет.

— Бублик с корицей и сливочным сыром. Я поставил на этот. Очень уж он напоминал девчачий бублик.

— Спасибо. Отлично. Очень девчачий.

Я улыбнулась ему, потому что иногда он мог быть довольно милым.

— Я подумал, что мы могли бы перекусить по дороге к твоему дому, раз уж ты не сможешь высидеть завтрак, переживая о своем коте.

Я откусила кусочек от моего бублика и кивнула.

— Спасибо тебе, — это все, что я сказала.

— Не думаю, что мне когда-то удастся избавиться от твоей задницы, — поддразнил он, выезжая на главную дорогу.

Шторм был знаком с этой местностью, поэтому мне не нужно было давать ему подробных указаний всю дорогу к моему дому, за что я была очень благодарна, потому что мне совершенно не хотелось говорить. Может, мне не стоило так расстраиваться из-за Майкла и я просто чересчур чувствительная? В конце концов, это его работа. Он же не специально составил себе планы так, чтобы не быть рядом, когда я, наконец, могла вернуться домой после своего приключения.

Я медленно потягивала свой мокко, который оказался одним из самых вкусных, что я пробовала. Такой сливочный, сладкий и нежный. Если бы это кафе не было так чертовски далеко, я была бы не прочь ездить туда каждую субботу, просто чтобы выпить такое латте. Интересно, а Шторм завтракает в том кафе по выходным.

Шторм затянулся сигаретой и покрутил радио. Не помню, чтобы он курил в доме, что довольно странно. Может, там его зона «никаких сигарет».

— Тихая Эвелин — пугающая Эвелин, — сказал он, бросая на меня косой взгляд.

Я продолжала смотреть в боковое окно и игнорировала его. Он напоминал мне экзотическое животное в зоопарке: вы можете сколько угодно любоваться его красотой, гладить его великолепный мех, но не можете посмотреть ему в глаза без опаски, что он не накинется на вас.

— Как на вкус твой мокко?

— Очень даже вкусный.

Он сделал последнюю затяжку и выбросил окурок в окно.

— И часто подобное происходит, Эвелин?

Я поджала губы. Мне не хотелось с ним разговаривать, особенно, не хотелось говорить о Майкле. Думаю, мне всего лишь хотелось добраться домой, убедиться, что с Хейло все в порядке, и лечь в постель. На неделю.

— Эвелин? Почему ты мне не отвечаешь?

Я сделала глубокий вздох до того, как успела себя остановить.

— Шторм, я не хочу об этом говорить.

— Может, тебе станет лучше, если поговорить.

Положив голову на спинку сидения, я покачала головой.

— Нет, правда, не хочу.

На это он не стал отвечать, больше мы не говорили до самой моей квартиры.

— Поверни здесь налево, — сказала я, — последний справа.

Он остановил машину на моем месте для парковки.

— Я могу зайти с тобой на несколько минут?

Вообще-то, я не планировала приглашать его в свой дом. Для меня было странным то, что в нашем с Майклом доме будет бродить другой мужчина, с которым я провела последние дни. *Шлюха.*

— Не уверена, что это хорошая идея...

— Я бы хотел познакомиться с Хейло и убедиться, что с ним все хорошо до того, как уеду. У тебя же здесь нет машины. А что, если он заболел или еще что? Ты здесь застрянешь.

О, ничего себе. Я даже не подумала об этом. Я ведь застряну дома, пока Майкл не вернется завтра.

Я сдалась, но только потому, что хотела удостовериться, что мой кот в порядке, прежде чем позволить ему уехать, и было бы грубо просить его оставаться в машине, после того, как он позволил мне остаться в его великолепном доме.

— Хорошо, можешь зайти на пару минут.

Он схватил мою сумку и оглядел стоянку прежде, чем вышел из машины и обошел ее, чтобы открыть для меня дверь. Мне впечатлил этот жест. Небольшое проявление рыцарства в самый неожиданный момент любую девушку сделает счастливой. Примите к сведению, мужчины!

Когда мы зашли внутрь, мне стало немного стыдно. У нас была маленькая квартирка, старомодная и в полном беспорядке. И я не представляла, какой Майкл оставил после себя бардак, раз я не могла сразу убрать за ним.

В нашей крошечной прихожей Шторм показался мне просто огромным. Я забрала у него свою сумку и пошла в гостиную, положила ее на диван. Как я и думала, в комнате царил ужасный беспорядок. Банки из-под газировки и упаковки от чипсов валялись на журнальном столике, а телевизор был до сих пор включен.

У меня покраснели щеки.

— Я извиняюсь... Майкл, вроде как, неряха. Я обычно все убираю.

Я подняла ближайшие банки и отнесла их на кухню, где стояло настолько переполненное ведро с мусором, что крышка не хотела закрываться. А в раковине было полно грязной посуды. Блин.

Шторм проследовал за мной, и я посмотрела на него с виноватым видом.

— Обычно такого беспорядка нет.

— Эвелин, мне все равно. Проверь кота. Я подожду здесь.

К сожалению, Хейло глухой, и я не могла позвать его или потрясти упаковкой кошачьего корма, поэтому приходилось отыскивать его самой. Иногда я начинаю сильно топтать по полу, и тогда он чувствует вибрацию и прибегает. Но я не собиралась прыгать, как лунатичка, перед Штормом.

Я нашла Хейло под своей кроватью, где он спал, свернувшись калачиком. Осторожно подула на него, чтобы разбудить, и он сразу же мякнул мне. Я взяла его на руки и прижала к груди, как ребенка (что он очень любит), и отнесла вниз.

— Я нашла его под кроватью.

Как только Шторм его увидел, его лицо просветлело. Невероятно, как он любит животных, ну, я так считаю. Я видела это в его глазах, абсолютную заботу.

— Вот срань, он великолепен. И какой большой, — он протянул руку и легонько погладил его по голове. — Ничего себе, я бы не поверил, что ему восемнадцать. Как странно.

Я положила Хейло на диван и прощупала его спину, чтобы понять, чувствуется ли позвоночник больше обычного, это было бы признаком того, что он потерял в весе.

— На первый взгляд, с ним все в порядке, — сказал Шторм. — Тебе не кажется, что он похудел?

— Нет, думаю, с ним все хорошо. Слава Богу. Я бы не пережила, если бы с ним что-то случилось.

Шторм перевел взгляд с Хейло на меня.

— Эви, с тобой все будет хорошо, когда ты останешься здесь одна?

— Конечно. Я здесь практически все время сама. Майкл много разъезжает по работе, поэтому я привыкла. Я просто не ожидала, что это произойдет сейчас, понимаешь? Спасибо,

что привез меня домой, Шторм, — я заглянула ему в глаза. — Спасибо тебе за все.

Он сделал ко мне шаг и взял обе мои руки в свои, посылая разряд электричества по моему телу. Как он это делает?

— Сет позвонит тебе по поводу машины. Я забил свой номер в твой телефон. Звони мне, если захочешь.

— Ты брал мой телефон? Шторм, это вторжение в частную жизнь.

— Бла-бла-бла. Что в этом такого? Просто позвони, если я тебе понадобится, ладно?

— Хорошо, — согласилась я, но знала, что никогда не позвоню.

Для этого не было никакой причины. Мы не друзья, ну, не совсем. Мы просто два человека, которые застряли вместе на несколько дней и делали лучшее из возможного в такой ситуации. К сожалению, он самонадеянный, к тому же игрок, который по максимуму воспользовался моей уязвимостью, но я никогда не позволю снова этому произойти.

Он держал меня за руки дольше, чем должен был, и смотрел так, словно хотел что-то сказать или ждал, что я что-то скажу.

Я прочистила горло и забрала от него свои руки.

— Ты сейчас поедешь наслаждаться своим уединением? Или это были твои планы только на выходные?

— Я не знаю точно. Сегодня останусь на ночь, а завтра решу, что хочу делать дальше.

Я кивнула ему:

— Так, где же тогда твой дом, если это место только для отпуска?

Он прикусил щеку прежде, чем ответить:

— Поблизости. Здесь не далеко.

Абсолютно ясно, что он не хотел, чтобы я знала, где он живет. Будто я надумаю приехать к нему. Ох, да ладно.

— Ну... еще раз спасибо. Было очень приятно познакомиться с тобой. Передавай от меня привет Нико.

— Передам. Тебе стоит задуматься о том, чтобы завести собаку, раз ты здесь так одинока. Глухой кот не сможет тебя защитить, хоть он и милый.

— Нда. Майкл не любит собак. У меня все отлично, правда. — *Просто уходи. Мне так хочется, чтобы ты снова взял меня за руки и послал эти мурашки по телу.*

— Похоже, Майкл отличный парень.

— Ну ладно, можешь уже уходить. Как видишь, мне нужно убрать тут тонну мусора.

Он сделал несколько шагов к двери и снова повернулся ко мне.

— Еще увидимся, Эви.

Я прошла мимо него и открыла для него входную дверь, чтобы он все-таки прошел через нее.

— Пока, Шторм. — *Уходи, уходи же, уходи.*

Он остановился в дверном проеме и наклонился к моему лицу. На секунду я подумала, что он меня поцелует. Я задержала дыхание.

— Пообещай, что будешь помнить меня таким, каким я был с тобой, — сказал он своим низким, хриплым голосом.

— Да. Конечно, я буду помнить.

Он подмигнул мне, коснулся кончика моего носа и ушел. Я медленно закрыла дверь за ним, отказываясь смотреть, как он уходит. Не знаю почему, но я не могла.

Что бы это, черт возьми, могло значить? Загадка. У меня было такое чувство, что это

определенно что-то значило, но я не представляла что. Блин, надеюсь, он не неизлечимо болен? У меня свело желудок. Неужели так и есть?

Я не могу на этом заикливаться. Мне нужно столько всего сделать, начиная от того беспорядка, который оставил после себя Майкл. Стирка, уборка, еще нужно позвонить моему боссу, Джеку. Ох, мне просто нужно скорее с этим разобраться.

Я набрала номер офиса и нажала на кнопку вызова.

— Джек Сэндс, — сказал он своим грубым голосом.

— Здравствуй, Джек, это я. Эвелин.

— Эвелин. Какого черта произошло? Где ты? Уже полдень вторника, а тебя до сих пор нет, не позвонила, ничего. Я ожидаю объяснений. Проведение семинара и твой номер стоили мне двадцать пять тысяч долларов, которые я потерял.

Я сделала глубокий вздох.

— Джек, я прошу прощения. Я заблудилась по пути в отель, и каким-то образом оказалась на дороге, которая вела к горам. Снегопад только усиливался, и я потеряла контроль над машиной. И застряла на обочине. Другой водитель увидел, как это произошло, и остановился, чтобы подвезти меня, но, когда мы ехали в его машине, на середину дороги выбежал олень, и он нажал по тормозам. Из-за этого его грузовик начало кружить и заносить, в итоге он съехал с дороги и следующее, что я помню, это как мы полностью слетели в лес, пока не врезались в дерево и окончательно не застряли. Тогда был ужасный снегопад, и мы не могли просто пешком отправиться на поиски помощи. Поэтому нам пришлось целых два дня провести в машине. Это был просто кошмар. Я думала, что мы замерзнем там до смерти. Только вчера днем нас вытащили оттуда. Моя машина сейчас в автомастерской, чтобы хоть как-то ее подчинить.

Вот слушаю сейчас, как рассказываю эту историю, и понимаю, что говорю, как полная идиотка. Она показалась мне такой нелепой.

— Эвелин, ты серьезно?

— Джек, клянусь тебе, каждое слово — правда. Я очень сожалею, что так получилось с семинаром, да и вообще. В горах не было связи. И поэтому я не смогла вызвать помощь или сказать кому-нибудь, где была.

Я услышала его раздраженный выход. Отлично могу представить, как он сидит за своим столом и щурит глаза.

— Ну, что сделано, то сделано. По крайней мере, с тобой все хорошо. Хотя я очень разочарован.

— Мне очень жаль, Джек, — *извини, чувак, что я чуть не умерла.*

— Так ты сегодня поздно приедешь? У нас тут без тебя нехватка работников.

— Хм, я сейчас без машины, — я сглотнула и сделала глубокий вдох прежде, чем продолжить, настраиваясь. — И еще, Джек, я надеялась, что смогу взять несколько выходных, пока не смогу забрать с ремонта машину и немного отойти от произошедшего? Из-за последних нескольких дней я чувствую себя совершенно измотанной, и у меня обезвоживание. Я была бы очень благодарна, если бы ты позволил мне взять пару отгулов. Я могла бы сама поговорить с людьми из кадрового отдела, если хочешь.

Ха. Я знала, что после этого он «клюнет». Ему никогда не нравилось, что кто-то из его непосредственных подчиненных связывался с отделом кадров.

— Нет, нет, не стоит, Эвелин. Это так неудобно, но если тебе нужно время на восстановление, мы сделаем все, что в наших силах. Я буду ждать тебя к пятнице.

Я услышала громкий клик до того, как успела сказать спасибо. *Мудак.*

Я была благодарна, что теперь у меня была свободна вторая половина этого дня и еще двое суток, чтобы отдохнуть и собраться с мыслями. И до тех пор я могу выкинуть работу из головы и заниматься уборкой этого беспорядка до пятницы, а тогда мне нужно будет возвращаться на работу.

Я подхватила корзину для грязного белья и прошлась по квартире, собирая разбросанные носки, полотенца и другие вещи, которые Майкл оставил по всему дому. Я вытащила все вещи из своей сумки на диван, чтобы отобрать грязные и постирать и их заодно. Я подняла большую черную толстовку, которую дал мне Штурм. Забыла отдать ее ему. Надеюсь, она ему не так уж нужна, потому что она очень большая и удобная, а я без ума от больших и удобных кофт. Я бросила ее в корзину и понадеялась, что он забудет, что она еще у меня.

После того, как я забросила вещи в стиральную машинку, я пропылесосила, положила грязные тарелки в посудомоечную машину, выбросила все старые продукты из холодильника, помыла миски Хейло и наполнила их свежей едой, и поменяла постельное белье. У меня такое чувство, словно я не была дома месяц. Даже не представляю, как Майклу удалось создать такой беспорядок за такой небольшой отрезок времени. Ох, и тут я вспомнила, что должна была написать ему смс, когда буду дома. Я напечатала на телефоне короткое смс и отправила ему.

Я: *«Я дома.»*

Через несколько секунд телефон подал сигнал.

Майкл: *«Отлично. Буду дома сегодня ночью. Встреча закончилась раньше, чем я ожидал. Увидимся.»*

Вероятно, нужно было бы позвонить Эми, но я слишком устала, чтобы говорить с ней сейчас. Она гипер активная, а сейчас меня это только взбесит. Поэтому я отправила ей смс, сказав, что я дома и в полном порядке, и позвоню ей завтра.

Когда квартира, наконец-таки, вернулась к нормальному состоянию, я надела свои штаны для йоги и уютно устроилась на диване рядом с Хейло, чтобы посмотреть хороший фильм и дожидаться возвращения Майкла.

Меня разбудил стук закрывающейся двери. Должно быть, я задремала, пока смотрела телевизор.

Майкл был в комнате, его сумка от ноутбука и дорожная сумка висели у него на плече.

— Рада, что дома? — спросил он, опуская сумки на стул.

Я кивнула и зевнула.

— Да. Хотя и чувствую себя совершенно уставшей.

Он сел возле меня на диван и положил свои руки мне на ноги.

— Не сомневаюсь, что ты вымоталась, Эв. — Он поцеловал меня в губы. — Я рад, что ты дома. Ты приготовила что-то на ужин? Я умираю с голода.

Ээ.

— Нет... Там не из чего готовить даже, и у меня сейчас нет машины, помнишь?

— Я совсем забыл о твоей машине, извини. Был длинный день.

Внезапно Майкл показался мне таким... посредственным. Короткие каштановые волосы с «ежиком» спереди. Светло-голубые глаза. Ростом около ста семидесяти четырех сантиметров со средним телосложением. На Штурма было так волнительно смотреть, как на

ходячее произведение искусства. Я сразу же выкинула его из головы.

— Я могла бы взять твою машину и съездить за китайской едой для нас, — предложила я.

— Да, детка, было бы замечательно. Купи как обычно, а я пока приму душ. К твоему возвращению, я уже выйду.

Я смотрела ему вслед, пока он не исчез в коридоре, направившись в ванную. Я ведь искренне надеялась, что он предложит самому съездить за едой. Он же видел, что я сижу тут в штанах для йоги, да и вообще, только проснулась.

С помощью телефона я разместила наш обычный заказ и поехала, чтобы его забрать.

Мне было довольно странно сейчас вести машину и даже немного страшно. Может быть, произошедшее повлияло на меня сильнее, чем я думала. К тому времени, как я вернулась домой и припарковала машину, у меня началась паническая атака. Я забежала внутрь, бросила пакет с едой на журнальный столик и села на диван, когда почувствовала головокружение. Я молилась, чтобы у меня не случались приступы тревоги каждый раз, когда я буду садиться за руль. Только этого мне не хватало, чтобы еще больше усложнить мою жизнь.

— Почему ты просто сидишь? — спросил Майкл.

Он замотал голову полотенцем, на нем были пижамные штаны и серая футболка. Он бросил влажное полотенце на стул и взял пакет с едой.

— Давай есть, я проголодался. Ты накрыла на стол?

Я пыталась восстановить дыхание.

— Нет... я только что вернулась. У меня паническая атака.

— Эвелин, да ладно. Что теперь? — спросил он из нашей крохотной кухни. — Останови ее и иди есть. Я устал. Весь день провел в самолете, помнишь?

— Майкл, а ты забыл, что я оказалась в ловушке среди метели с незнакомым человеком на двое суток? Я могла там умереть. Менее чем за час я попала в две аварии, а потом чуть не замерзла на заднем сидении грузовика странного парня с его огромной собакой! Думаю, после такого у меня мог накопиться стресс.

Я слышала, как он гремел тарелками.

— Нет. Я не забыл и мне жаль, что ты прошла через все это. Я волновался за тебя. Но сейчас ты дома и с тобой все хорошо, а это главное. А теперь иди сюда и поешь. Если об этом говорить, тебе станет только хуже. Ты приняла одну из своих таблеток?

Я присоединилась к нему на кухне, села и спрятала лицо в руках. Такое чувство, что я сейчас упаду в обморок. Он поставил напротив меня стакан с водой.

— Выпей. Скорее всего у тебя обезвоживание и ты голодная.

Я сделала несколько глотков и посмотрела на него, по ту сторону стола. Он накладывал курицу и брокколи себе на тарелку, едва обращая на меня внимание. Он ненавидел, когда у меня были приступы паники, потому что верил, что я сама притягиваю их и могу остановить. Даже сейчас, когда он наблюдал за ними в течение двенадцати лет, он все еще не понимает, что я не могу их предотвратить.

Я положила себе на тарелку немного жареного риса с овощами. Хотя я была очень голодна, у меня не было аппетита.

— Как прошло твоё совещание? — спросила я его, надеясь отвлечься.

— Как обычно, фигня. Хотя мы и получили свой счет, так что все хорошо. Начиная со следующего месяца думаем выложить новую линейку программного обеспечения. Помнишь

я рассказывал тебе о программах, которые мы практически закончили? В конце концов, они собрали все дерьмо в кучу, так что мы готовы к продаже. Мне придется съездить в командировку еще пару раз в ближайшие несколько месяцев, пока я провожу предварительную оценку с нашими существующими клиентами, чтобы попытаться заставить их поставить у себя обновление.

Я кивнула и проглотила немного пищи.

— Хорошо. Звучит довольно неплохо. Я о новом программном обеспечении.

— Так и есть. Мне также должны повысить комиссионные. Может через год или около того сможем перебраться из этой квартиры во что-нибудь попросторнее.

От этой новости я немного оживилась. Я грезила о том, чтобы выбраться из этой квартиры уже какое-то время и переехать в милый домик с красивым двориком. И, может быть, в какой-то момент, Майкл, наконец-то, захочет на мне жениться.

— Было бы замечательно. Я очень рада за тебя, Майк. Знаю, как много ты ради этого работал.

Он откусил яичный ролл и заговорил с набитым ртом.

— Не начинай искать дом или придумывать себе какие-то глупости, Эвелин. Прежде, чем мы сможем что-то сделать, пройдет какое-то время.

Кайфоломщик.

Некоторое время он не говорил, и я задумалась, жалеет ли он о том, что рассказал о возможном переезде. Конечно, во мне зарождалась надежда при любом его упоминании о шансе поменять что-то в жизни. Я не знаю таких женщин, которые бы обрадовались перспективе переехать в дом получше.

— Так тот парень, по крайней мере, хорошо себя вел с тобой?

— Кто?

— Парень, с которым ты застряла в грузовике.

— Он был нормальным, наверное. Немного странный, чем-то похож на хиппи. И у него была огромная собака.

— Тебе повезло, что он тебя нашел.

Я встретила с его светло-голубыми глазами. Интересно, сможет ли он понять, что другой мужчина прикасался ко мне и оказал «помощь с оргазмом». Это как-то проявляется? У меня было такое чувство, что все было написано у меня на лбу.

— Да, мне повезло. У него в грузовике оказалась куча еды и вода, а еще большое плотное одеяло. Если бы всего этого не было, не уверена, что тогда могло бы произойти.

— Безумие какое-то. Когда тот парень позвонил мне, я решил, что он шутит. Он где-то минут пятнадцать убеждал меня, что это не розыгрыш.

Он вытер рот салфеткой и положил ее в тарелку, что означало, что он закончил есть.

— Когда ты забираешь машину и возвращаешься на работу?

— Я не совсем уверена насчет машины. В мастерской сказали, что позвонят мне, когда закончат. Тогда сможем поехать за ней. Я сказала Джеку, что выйду на работу в пятницу.

— Хорошо. Мы с этим разберемся, — он встал, отталкивая стул назад. — Я пошел в постель. Приходи, когда закончишь здесь, ладно?

Я мысленно кивнула.

— Конечно. Через пару минут.

Он ушел, а я осталась сидеть среди пустых коробок из-под китайской еды и грязных тарелок. Я не знаю, почему чувствовала себя так не к месту в собственном доме. Что-то

ощущалось по-другому, словно, что-то не на своем месте.

Может, это чувство вины, которое я не так часто испытывала. Раньше мне было не за что чувствовать себя виноватой, но теперь было. То, что я сблизилась со Штормом, спала с ним в одной кровати, когда у меня была возможность не делать этого, все это было неправильно. Одно дело сидеть в обнимку, чтобы не замерзнуть, но спать в одной с ним постели, когда обстоятельства изменились, было большой ошибкой. А испытывать при нем оргазм было настолько неправильно, что я даже не могу определить насколько. А если бы ситуация была обратной, и я узнала, что Майкл прикасался и терся, а потом и спал рядом с другой женщиной, я пришла бы в ярость и слетела с катушек.

Я взяла свое печенье с предсказанием и разломала его, чтобы прочитать свою судьбу.

«Как у тебя может быть прекрасный финал, если ты не совершал прекрасных ошибок?»

Какое же печенье с предсказанием проницательное, вот сука. Заткнись, печенье.

После того, как я убрала на кухне, поднялась в нашу спальню. Майкл лежал на кровати и смотрел новости, но как только я легла рядом с ним, выключил телевизор. Он сразу же подвинулся на мою половину.

— Тебе уже лучше? — спросил он, проводя рукой по моему животу под топилом.

— Я просто очень устала. Я практически не спала нормально последние дни.

Он провел рукой вверх, чтобы взять меня за грудь, скользнув пальцем по соску. Я была совершенно не в настроении для секса, но чувствовала, что это поможет очистить мою совесть от того, чем я занималась со Штормом.

Он скинул свои пижамные штаны и снял с меня трусики, быстрым движением оказавшись сверху. Майкл грубо целуется, а понятие прелюдии вылетело в форточку около одиннадцати лет назад. Через несколько секунд он уже вошел в меня. От боли я закусил губу, чтобы не закричать. Я не хотела, чтобы он ошибочно решил, что это от удовольствия. Я обняла его спину, когда он начал двигаться и пыталась двигаться вместе с ним. Я никогда не могла ощутить оргазм во время секса. Я начала волноваться, что со мной было что-то не так, может, мой клитор сломан или еще что, поэтому в прошлом году я обратилась к своему гинекологу. К счастью, она была действительно милой и приятной в общении, поэтому мне было не так неловко, как я думала. Она заверила, что все мои части тела были исправны и причина может быть в том, что, когда мы с Майклом были девственниками и начали заниматься сексом, мы никогда не экспериментировали и не развивались в сексуальном плане, так сказать. Другими словами, в плане секса мы скучные.

Может быть, именно поэтому Шторм так легко меня заводил. Он как новый сияющий объект, который знал, на какие нужно жать кнопки.

Майкл крикнул и лег на меня.

— Мне тебя не хватало, — сказал он, целуя меня в шею.

— Я не могу дышать.

Я внутренне съежилась от своего неромантичного комментария, но в свою защиту скажу, что он полностью повалился на мне мертвым грузом.

Он перекатился на свою половину кровати.

— Спокойной ночи, малыш. Утром я буду тут. Поеду в офис попозже.

— Хорошо, я люблю тебя.

Я слушала в ожидании, что он скажет мне то же самое в ответ, но он уже храпел.

— Святое дерьмо, Эвелин, проснись, — Майкл толкнул меня в плечо.

Я застонала и спрятала лицо в подушку. Сейчас мне только хотелось подольше поспать в своей кровати.

Он снова меня затряс:

— Ты застряла в грузовике со Штормом Валентайном?

Я подняла голову и зевнула.

— Да... хотя он сказал, только то, что его зовут Шторм. Фамилию ни разу не говорил.

Вот это крутое имя. Шторм Валентайн. Звучит как название любовного романа.

— Эвелин, ты хоть знаешь, кто он? — спросил меня Майкл, подняв брови и взволнованно глядя на меня.

— Эм, нет. Просто случайный парень из леса.

— Посмотри, его сейчас показывают в новостях. Он говорит о тебе.

Я сразу села и уставилась в телевизор.

— Что? А кто он?

— Он соло-гитарист группы «Эшес и Эмберс». Они обалденная рок-группа и все они родом неподалеку отсюда. Как ты могла не знать, кто он?

Я покачала головой в полном потрясении.

— Не знаю. Я даже не уверена, что слышала их песни. Вот и не узнала его, а он и не говорил, что участник известной группы. Сказал, что чинит байки.

Я забрала у Майкла пульт от телевизора и сделала звук громче. Шторм давал интервью какой-то ведущей новостей. На нем были джинсы, белая рубашка на пуговицах (в основном не застегнутая), черная кожаная куртка и подведенные глаза.

— Итак, Шторм, мы все наслышаны о твоей репутации секс-бога рок-н-ролла. Что именно произошло с тобой и той женщиной, когда вы застряли в грузовике на два дня? Я уверена, ты придумал, как можно скоротать это время?

Она подмигнула ему и улыбнулась в камеру.

У меня чуть глаза не влезли из орбит. Неужели она действительно спросила его об этом?

Шторм покачал головой и ухмыльнулся:

— Абсолютно ничего.

Ведущая настаивала на своем:

— Да ладно тебе. Неужели ты думаешь, что мы в это поверим?

Шторм перекрестил ноги, закинув одну на другую.

— Ничего не было. Она не в моем вкусе.

— Значит, у тебя есть свой тип? — Ее широкая улыбочка была до того тошнотворной, что мне захотелось влезть в телевизор и стукнуть ее.

Шторм засмеялся.

— Вообще-то нет. Но меня не привлекают раздражительные цыпочки, а эта девушка (*бин*) раздражала до чертиков. Она никак не хотела заткнуть свой (*бин*) рот. Связываться с ней было намного хуже, чем возможность замерзнуть до смерти.

Ведущая рассмеялась и кокетливо прикоснулась к его руке. У меня упало сердце.

— Кажется, она ужасная особа, Шторм. Бедняжка!

Майкл повернулся ко мне и посмотрел с выражением неподдельного шока.

— Ты довела до безумия Шторма Валентайна? Что ты, черт возьми, сделала этому парню?

— Ничего! Это он был полным засранцем!

Я вскочила с кровати, схватила свой телефон и направилась в ванную.

— Ты сможешь выпросить у него несколько билетов на концерт? Я бы с радостью сходил! Это одна из моих любимых групп! — закричал Майкл мне вслед, когда я захлопнула дверь и заперлась.

Поверить не могу! Как он мог назвать меня раздражающей особой? По телевизору! Он, правда, так обо мне думает?

Я нашла его номер в телефонной книге и нажала кнопку вызова. Он ответил на третьем гудке:

— Эвелин?

Очевидно, он забил мой номер себе в телефон.

— Ты мудака! Я только что видела тебя по телевизору! Ты не говорил, кто ты! Поверить не могу, что ты долбаный лжец! И ты совершенно четко назвал меня раздражающей по телевидению! Ты мог сказать мне это прямо в лицо, знаешь ли. Не обязательно было притворяться моим другом, ненавидя в душе, а потом пойти на телевидение и говорить обо мне гадости!

Несколько секунд тишины, и я подумала, что он отключился.

— Ты закончила? — наконец спросил он.

— Да. Пока закончила.

— Слушай, мне, правда, не хотелось бы говорить об этом по телефону, но раз уж у тебя этот гребанный кризис, я думаю, вот как все будет. Я не лгал тебе — это, во-первых. Я просто не рассказал тебе всего.

— О, так умолчание ложью не считается? Да ладно тебе, Шторм.

— Ты можешь заткнуться на несколько минут и позволить мне объяснить?

Я закатила глаза.

— Ладно. Объясняй.

Я села на пол в ванной. У меня стоял ком в горле, и на глаза навернулись слезы.

— Во-первых, я на самом деле ремонтирую мотоциклы. Это правда. Я состою в клубе байкеров, еще собираю и чиню все мотоциклы всех своих товарищей по группе. Но когда я понял, что ты не знаешь, кто я, мне это вроде как понравилось. Я был с гребанной чикой, которая просто кричала на меня, как на обычного парня. Или которая вела себя как нормальная девушка, а не высокомерная моделька с искусственными частями тела. Всех их только и волнует то, что круто встречаться с музыкантом, тусоваться за кулисами, ходить по вечеринкам, бабло и остальное гребанное дерьмо. Мне было приятно провести выходные, как обычный парень, увидеть, понравлюсь ли я тебе таким. Вот и все. Я не пытался обмануть тебя.

Ничего себе. Понемногу мой гнев сошел на нет. Я вполне могла понять, о чем он говорит и почему не сказал мне правды, но я все еще чувствовала, что он обманул меня и мысленно издевался все это время, пока мы были вместе.

— Но на телевидении ты сказал, что я раздражала тебя.

Мой голос дал трещину, и я больше не могла говорить, не заплакав при этом.

— Эвелин, я не имел этого в виду. Ты должна понять. У меня репутация. Это часть

игры. И я хотел тебя защитить. Я не хочу, чтобы кто-то узнал, кто ты. Они выставят на публику все твоё грязное бельё. Хочу сказать, ты была немного раздражающей, но я думаю, ты знаешь, что мне это нравится.

Я могла расслышать его улыбку через телефон.

— Поэтому, скажи мне... — он понизил голос, — ты хотела бы быть со мной, Эви?

У меня ускорило сердцебиение.

— Шторм ты же знаешь, я не могу...

— Просто ответь. Не думай.

Я не могла ответить ему, потому что не знала, правда. Мой мозг и сердце работали слишком сбивчиво, чтобы я могла разобрать их. Моему телу он определенно нравился, но я не была уверена, было ли это чем-то большим. Чувствовать что-то к другому мужчине было для меня ново и я не представляла, как мне это принять и все обдумать. Ведь только так я могла объяснить это покалывание, но не могу я сказать этого ему. Типа, «*Эй, из-за тебя я чувствую покалывание во всем теле!*»

Я слышала, как он прикрыл рукой телефон, и что-то кому-то пробормотал.

— Черт, мне нужно идти, Эви. Посмотри второе мое интервью в два на «channel 5», ладно?

— Еще одно? Ты серьезно?

— Мне пора. Я позже тебе позвоню.

И он отключился, а я осталась сидеть, держа в руке телефон. Мне очень хотелось знать, что он делает на всех этих интервью. Зачем людям об этом знать? Или он использует наш опыт пережитого, как своего рода рекламный трюк? Я убью его, если сделает что-то настолько глупое и нахальное, и воспользуется тем, что испытали на себе мы.

Когда я вышла из ванной, Майкла в спальне не оказалось, поэтому я оделась и спустилась вниз, он уже был на кухне, пил кофе и читал газету. Мне каждый раз было смешно, когда я видела, как он читает газеты, потому что, ну кто в наше время читает их, правда? Все можно прочесть в интернете и не пачкать при этом пальцы чернилами.

— Эвелин, я чуть не обоссался. Поверить не могу, что ты все выходные была со Штормом Валентайном.

Я почувствовала, как у меня покраснели щеки.

— Майкл, я не *была с ним* все выходные. Я застряла с ним в грузовике посреди метели. Мы много спорили все это время. Он не очень-то приятный тип, к тому же, самовлюбленный.

Я налила себе кофе, хотя знала, что на вкус он как дерьмо. А все потому, что это не мое любимое мокко с белым шоколадом.

— У него офигенная группа. Не могу дождаться, чтобы рассказать парням.

Я отчаянно закачала головой, практически выплевывая кофе изо рта.

— Майкл, нет. Пожалуйста. Не говори никому. Я просто хочу об этом забыть.

— Эвелин, не будь ребенком. Это самое крутое, что когда-либо с тобой случилось. Ты сможешь попытаться протащить нас на один из его концертов?

— Это совсем не то, что меня сейчас больше всего волнует, Майкл. Но, думаю, я смогу узнать.

Я совершенно точно не стану спрашивать Шторма, сможет ли он дать нам билеты на его концерт. Я отказываюсь быть таким человеком.

Майкл встал из-за стола, захватив с собой чашку с кофе, поставил ее в раковину, по пути

поцеловав меня в лоб.

— Я поехал в офис. Позвони в мастерскую и узнай, когда они отремонтируют твою машину, ладно?

— Позвоню.

Как только Майкл ушел, я со всех ног бросилась к своему ноутбуку и загрузила эту задницу, Шторма. Мне выдало тонну фотографий: типичные сценические фотки, где он играет на гитаре в сухом тумане, а вокруг горят красные прожектора. Еще были буквально страницы его фотографий с разными женщинами. Блондинки, брюнетки, были и с фиолетовыми волосами, но все великолепные и невероятно сексуальные. Чем больше я разглядывала его фотографии в окружении девушек, будто он какой-то змей-искуситель, тем больше во мне закипала ревность. Хотя он на большинстве фотографий выглядит довольно уставшим. Я продолжала искать, пока не нашла его биографию, кажется ее составили фанаты.

Шторм Валентайн — соло-гитарист восходящей и многообещающей рок-группы «Эшес и Эмберс», родился в феврале 1984 года. Многие считают, что это его псевдоним, но, на самом деле, это имя ему дали при рождении. Группа состоит из родных и двоюродных братьев, которые также являются членами в мото-клубе в свободное время, по их же словам. Шторм начал играть на гитаре с пяти лет. В свои двенадцать он был участником группы «Обкуренные», но группа распалась, а некоторые участники закончили в реабилитационном центре, в том числе и Шторм. В группу «Эшес и Эмберс» его пригласил его брат Ашер (который также является одним из основателей группы) четыре года назад, после ухода изначального гитариста по личным причинам. Шторм печально известный плейбой, состоял в отношениях с несколькими супермоделями и порно звездами. В старших классах Шторм женился на своей подруге, когда им было по семнадцать лет. Однако, к сожалению, она покончила с собой год спустя, будучи на третьем месяце беременности. Источники утверждают, что у девушки было раздвоение личности. Именно после этого Шторм пристрастился к наркотикам и алкоголю, что практически разрушило его карьеру. Наши источники утверждают, что сейчас он воздерживается от алкоголя, но довольно скрытный, когда дело касается его личной жизни. К сожалению, похоже, практически все участники (как бывшие, так и настоящие) группы «Эшес и Эмберс» пережили когда-то личную трагедию.

Я откинулась на спинку стула и уставилась в экран. Я хочу отмотать назад все, что прочитала, и удалить это из своей памяти, но уже слишком поздно. Я не хотела знать обо всем этом. У меня не было никакого права узнавать об этом, пока он сам не захотел бы со мной поделиться. Но вот же оно, на веб-странице, доступно для всего мира. Я просто не могу представить его безумно влюбленным подростком, который женился в семнадцать лет, или которому пришлось столкнуться с суицидом собственной жены, и в восемнадцать потерять своего ребенка.

Хейло запрыгнул на мой ноутбук, и я притянула его к себе. Мне так хотелось позвонить Шторму, но я даже не знала, что ему скажу. Ну, вот что я могу сказать? Совершенно ничего. Я пообещала себе, что никогда не расскажу ему, что прочитала это. Если он захочет, чтобы я знала, он мне расскажет сам.

Я позвонила в мастерскую, и Сет сказал, что машина будет готова завтра, и Шторм уже оплатил счет. Какого черта? Я не могу позволить ему этого. Нужно придумать, как я могу вернуть ему долг.

До двух часов я ходила в подавленном состоянии, а потом включила телевизор, хотя очень боялась смотреть следующее интервью. Клянусь, если он снова заговорит о том, как я его раздражала, я его задушу. Я посмотрела рекламу хлопьев, и вот, Шторм сидит на диване с другой блондинистой красоткой-ведущей.

Она сразу же заулыбалась и показала всем свои невероятно белые зубы.

— Сегодня с нами Шторм Валентайн, соло-гитарист группы «Эшес и Эмберс», который на прошедших выходных попал в ужасную снежную бурю, пытаясь подвезти молодую женщину, которая застряла на обочине дороги. Вот такое везение, двое попали в аварию и оказались в ловушке в его грузовике на сорок восемь часов. Шторм, расскажите нам немного о своих безумных выходных. Как вы это пережили?

— Ну, Джанет, это было просто сумасшествие. К счастью, у меня с собой был целый пакет (*бин*) еды в грузовике, поэтому нам было что есть и вода для питья. Со мной был еще мой пес, и большую часть (*бин*) времени он ел эти крекеры Ritz.

— Как вам удалось не замерзнуть там до смерти? Как я понимаю, Ваш грузовик был совершенно «мертв»?

— Да, все могло закончиться (*бин*) смертью, Джанет. Мы врезались в дерево, у меня не было ни малейшего (*бин*) понятия, почему мы не погибли на месте. В любом (*бин*) случае, у меня в грузовике лежало огромное одеяло, на котором обычно спит пес, поэтому я и это чика укрылись им. Нам повезло, оно помогло оставаться в тепле.

Джанет улыбнулась ему со знанием дела.

— Проясните-ка для нас кое-что, Шторм. Все девушки знают, что вы неотразимы. Что произошло под тем одеялом? Я уверена, что вы придумали, как можно оставаться в тепле?

Шторм затянулся электронной сигаретой и выпустил пар прямо в лицо Джанет. Я не смогла сдержаться и рассмеялась. Она уставилась на него, размахивая рукой, чтобы избавиться от пара.

— Джанет, я знаю, что вы и все эти стервятники пытаетесь вытащить из меня эту информацию, но этого не произойдет. Эта чика обычная незнакомка, которую я никогда прежде не видел. Она не из тех девиц, с которыми можно (*бин*) на заднем сидении грузовика.

— Что ж, приятно узнать, что в мире еще остались стильные женщины, Шторм. Она знала, кто вы?

— Нет. Она не имела ни малейшего (*бин*) представления и это было (*бин*), как офигенно. Довольно приятно быть в компании чики, которая не пыталась отсосать мне, понимаете? Кстати, наш новый CD выйдет в следующем месяце, поэтому обязательно послушайте его. Это будет просто (*бин*) пиздец.

Все в аудитории засмеялись и зааплодировали.

У Джанет был такой вид, словно ей хотелось умереть на месте.

— Я уверена, что вы не можете говорить так на этом шоу, Шторм.

Шторм рассмеялся и снова затянулся электронной сигаретой, и кончик сигареты засветился голубым цветом.

— Я только что (*бин*) это сделал.

Джанет повернулась к камере.

— На этой ноте наше интервью со Штормом Валентайном подходит к концу. В следующем месяце выходит новый CD «Эшес и Эмберс», а весной у группы ожидается тур.

Ну, по крайней мере, он не назвал меня раздражающей, и выставил в лучшем свете. Ты начал исправляться, Шторм.

Мой телефон подал звук, что пришло смс.

Шторм: «Я могу тебе позвонить?»

Я: «Зачем?»

Шторм: «Вот же срань. Ты и через сообщения спорить будешь?»

Я: «Нам не о чем говорить. Просто хочу поблагодарить за то, что оплатил ремонт моей машины. Я все верну.»

Шторм: «Нет. Никаких проблем. Майкл там? Я хочу поговорить с тобой.»

Я: «Он на работе.»

Мой телефон зазвонил. Хмм.

— Алло? — всегда чувствую себя глупо, говоря «алло», ведь и так видно, кто звонит.

— Тебе понравилось мое интервью?

— Да, это намного лучше. Особенно, когда ты выдохнул пар ей в лицо. Когда ты начал курить электронные сигареты? С ними было бы намного проще, когда мы застряли в грузовике, согласен?

— Чертовски верно. Вот только вчера и начал. Хочу попробовать бросить курить. От этих намного больше удовольствия. Могу курить, где захочу.

Я закрыла глаза и медленно покачала головой.

— Спасибо, что оплатил ремонт машины. Ты не обязан был это делать.

— Остановись, я этого хотел. И, как ты знаешь, у меня есть деньги. Я могу потратить несколько тысяч на друга. От этого меня удар не хватит.

— Ну, я очень это ценю.

— Пожалуйста.

— Шторм, нам, правда, не стоит говорить. Я хреново себя чувствую из-за того, что между нами произошло. Мне нужно сосредоточиться на Майкле. Прости.

— Ты так и не ответила на мой вопрос.

— Какой вопрос?

Я слышала, как он затянулся электронной сигаретой.

— Тебе понравилось быть со мной?

Я начала ходить по комнате с телефоном в руке. Зачем он продолжает делать это со мной? Не хочу, чтобы меня загоняли в угол.

— Да, Шторм. Я наслаждалась некоторым временем из того, что мы провели вместе. Когда ты не вел себя, как задница или не заманивал меня, чтобы я получила оргазм. Доволен?

— Это уже начало. Я хочу, чтобы мы были друзьями. Это так плохо?

— Вовсе нет. Мы можем быть друзьями.

— Ты скучала по мне этой ночью? Пока меня не было рядом, когда ты спала?

Сказать по правде, я ворочалась всю ночь и не могла устроиться поудобнее, или провалиться в сон, хотя и была измотана. Мне не хватало его близости. Я скучала по теплу его тела рядом с моим, запаху его фантастического шампуня. Я все еще чувствовала, как меня к нему тянет. Только его там не было, и он не тянулся ко мне. Тело Майкла рядом с моим ощущалось как посягательство на мое пространство, словно какой-то злоумышленник.

— Эви?

— Шторм, хватит.

— Мне не хватало тебя рядом. Я скучал по тому, как ты держала меня за руку.

Его голос всегда становится хриплым, когда он говорит о чем-то всерьез. Хрипотца проявляется, когда он становится эмоциональным, счастлив ли он, грустит, зол или возбужден. Я слышала это в его голосе, и оно проходило сквозь меня. От понимания того, что я теперь знала, мое сердце болело за него. Я слишком хорошо знаю о личном горе, и у меня дурное предчувствие, что Шторм топил свое горе в наркотиках, алкоголе и женщинах. Я хочу взять его за руку и показать ему любовь тысячью вариантами, но проблема в том, что, не смотря на отказ от отношений, я думаю, на самом деле, ему хочется близости. Но я не могу дать ему этого. Я не смогу стать игрушкой этого мужчины или его переходной фазой. Не могу позволить себе полюбить кого-то еще, а потом потерять его, и я чертовски уверена, что и он не сможет.

— Я скучала по тебе. Но это только потому, что мы провели вместе последние два дня и были сосредоточены только друг на друге. Это естественно.

— Угу.

— Я должна идти, Шторм.

— Эй, в следующем месяце группа будет выступать в «Silver Cloud». Будет небольшое мероприятие, мы часто там играли, когда только начинали. Почему бы тебе не прийти? Возьми с собой Майкла и друзей, если захочешь, хорошо? Это много будет для меня значить.

Майкл будет на седьмом небе от счастья, если я приму предложение. И, думаю, было бы неплохо послушать его группу.

— Хорошо. Будет здорово. Майкл ваш фанат. Мы с радостью придем. Уверена, и Эми пойдет.

— Отлично. Я тогда напишу тебе детали в смс.

— Хорошо. Мне, правда, пора, Шторм. Береги себя, ладно?

— Ты тоже, Эви.

В четверг утром я проснулась больная, как собака. У меня опухло горло и было такое чувство, будто у меня в горле застрял кусок сырого мяса, когда я пыталась его проглотить. Я едва могла дышать через нос, и у меня ужасно болела голова. Я была более чем уверена, что у меня температура. Меня кидало в жар в одну минуту и в холод в другую. Я взглянула на часы рядом с кроватью. Одиннадцать утра. Не верится, что я столько проспала. Медленно встала, по ощущениям моя голова весила, как шар для боулинга, да и комната не прекращала вращаться. Черт. У меня совершенно нет времени, чтобы болеть.

Я позвонила Майклу в офис.

— Это я, — прохрипела я, когда он взял трубку.

— Ты только сейчас проснулась? У тебя ужасный голос.

Я закашляла в телефон:

— Такое чувство, будто я умираю. Ты можешь приехать за мной и отвезти в неотложку? Сегодня я никак не смогу попасть на прием к своему врачу. Думаю, мне нужны какие-то лекарства. Кажется, у меня острый фарингит.

— Эвелин, я на работе.

— А у меня нет машины, Майкл.

— Блядь. И как ты, черт возьми, собираешься забрать свою машину домой?

— Предполагалось, что ты отвезешь меня, чтобы забрать ее, — я снова закашляла, горло, словно горело в огне. — Ты можешь отвезти меня в неотложку, а потом поедем за моей машиной?

— Эвелин, это обычная простуда. Не будь ипохондриком.

— Майкл, я не преувеличиваю.

Ненавижу, когда он ведет себя так со мной. Будто мне нравилось сидеть и притворяться больной ради минуты его внимания.

— Майкл, пожалуйста. Мне совсем нехорошо, а завтра предполагалось, что я выхожу на работу. Нужны какие-то лекарства, чтобы мне стало лучше.

— Я уезжаю после обеда. Мне нужно лететь обратно в офис в Южной Каролине. Я пробуду там до воскресенья.

— Майкл? Ты серьезно? Я только вернулась домой. Мы практически не видимся. Тебе обязательно ехать?

Я не хотела, чтобы он снова уезжал, особенно, когда я больна. Я очень боялась, что могу потерять сознание, удариться головой и лежать на полу, истекая кровью.

— Детка, у меня нет на это времени. Я говорил тебе, что буду очень загружен с этим новым программным обеспечением.

Новый приступ кашля длился несколько секунд:

— Извини, Майкл. Вообще-то, я не пытаюсь тебя отвлекать. Мне просто нужна хоть небольшая помощь. Пожалуйста? Ты мог бы просто отвезти меня к врачу? Машина меня сейчас не волнует.

Он молчал несколько минут, но я слышала, как он шуршит бумагами на столе.

— Ладно, хорошо. Я возьму обеденный перерыв и приеду за тобой. И отвезу тебя в отделение неотложной помощи, согласна? Но потом мне нужно будет вернуться и успеть после полудня на рейс. Спроси Эми, сможет ли она подбросить тебя к твоей машине или в

мастерской могли бы привезти ее к нашему дому, если ты заплатишь. Одевайся. Я буду через двадцать минут. Люблю тебя.

Такое чувство, что от меня попросту отмахнулись. Но, по крайней мере, он согласился отвезти меня к врачу, что уже хорошо, потому что мой прием прошел не так гладко. По словам врача и результатам анализов, которые она заставила меня пройти. У меня была высокая температура и я страдала от обезвоживания и истощения, к этому стоит добавить ужасную простуду или грипп. Она выписала мне антибиотики, лекарство от кашля, какие-то добавки и отправила факс моему боссу, в котором говорилось, что я не смогу выйти на работу до следующей среды, и то, если к тому времени мне станет лучше. Мой босс точно рассердится. Если к следующей неделе у меня еще будет работа — это будет просто чудом. Еще она сказала, что мне нужно больше отдыхать, насколько это возможно, больше пить воды и соков.

На обратном пути домой Майкл заехал в мини-маркет и купил мне апельсинового сока и несколько упаковок супа. Когда он припарковался перед нашим домом, то быстро поцеловал меня в голову.

— Мне нужно возвращаться в офис. У меня рейс в пять. Просто отдохай, я позже тебе позвоню, хорошо?

Я послала ему слабую улыбку, чувствуя жар, головокружение и слабость.

— Спасибо тебе. Я пойду домой и прилягу. Извини, что оторвала тебя от работы.

— Все хорошо, Эвелин. Прости, что бросаю тебя одну. Знаю, я веду себя как козел, но я действительно завален работой.

Он взял меня за руку и сжал ее в своей:

— Я знаю, что последнее время тебе нелегко пришлось. Обещаю, когда все наладится, я все тебе компенсирую, ладно? Уедем куда-нибудь на все выходные.

— Я бы очень этого хотела. А теперь езжай, чтобы не пропустить рейс. Не буду целовать тебя на прощание, чтобы не заразить своими микробами. Позвони мне потом.

Я захватила свой пакет с соком и супом и зашла в дом.

Я пыталась вспомнить, когда мы с Майклом последний раз ездили куда-то в отпуск. Наверно, это было года четыре назад, плюс-минус год. Мы уехали на все выходные на пляж, но когда ему предложили новую должность, он настолько погрузился в работу, что никак не мог отложить ее на целые выходные. Я даже не думаю, что с его стороны это было осознанным решением. Просто так получилось. Постепенно он взваливал на себя все больше и больше работы, начал больше путешествовать, чтобы встречаться с клиентами, а когда у него было свободное время на выходных, он хотел использовать это время, чтобы отдохнуть: поиграть с друзьями в гольф или посмотреть игру по телевизору. Что совершенно нормально, конечно, но я бы соврала, если бы сказала, что меня не беспокоит тот факт, что мы больше не проводим вместе все время.

Мы с Эми часто виделись на выходных, но с тех пор, как она рассталась со своим парнем, пять лет и четыре месяца назад, она с маниакальной идеей ходит на свидания каждые выходные. Если бы я захотела отследить всех мужчин, с которыми она сейчас ходит на свидания, мне бы понадобилось воспользоваться таблицей. К сожалению, большинство из них после третьего свидания превращались в полных придурков, по крайней мере, она так говорит. Она все еще не познакомила меня хоть с одним из них, поэтому своей оценки дать не могу.

Я вытащила из шкафа большое уютное одеяло и подушку, переделалась в штаны для йоги

и майку, после чего поудобнее устроилась на диване. Мне всегда странно спать наверху, когда Майкл в отъезде. Думаю, я боюсь оставаться одной дома и чувствую себя безопаснее на первом этаже. Что просто смешно, должна заметить, ведь в доме живут и другие люди, некоторые прямо за стеной с обеих сторон.

Рядом зазвонил телефон и разбудил меня. Я попыталась нащупать его возле себя и увидела, что он упал под диван. Наверное, это Майкл звонит, сказать мне, что он уже в гостинице.

— Алло? — мой голос сейчас больше походил на рваный писк.

— Эви? Какого черта у тебя такой голос?

У меня быстрее забилося сердце. Это Шторм. Я сделала вдох и сказала своему сердцу успокоиться.

— Я болею. Зачем ты звонишь?

— Как это болеешь? Звучишь совсем дерьмово.

— Спасибо. Я ходила на прием к врачу. У меня грипп и обезвоживание, и истощение, вроде того.

— Вот срань, после этих выходных?

Я сделала глоток воды, чтобы облегчить боль в горле.

— Да, думаю, все началось из-за этого.

На самом деле, я намеренно не пила много, пока мы сидели в грузовике, я боялась, что чаще буду хотеть в туалет и Шторму придется выносить меня наружу, чтобы справить нужду, как какой-то странной собаке. Я думала, что со мной все будет нормально, если я не буду пить слишком много. Оказалось, что нет.

— Ты в порядке? По голосу не похоже, что ты преувеличиваешь. Вообще-то, звучишь совершенно уставшей.

— Со мной все нормально, Шторм. Мне просто нужно отдохнуть, и доктор выписал мне таблетки, которые я должна принять. Останусь дома до следующей среды. Босс просто в бешенстве.

— Насрать на этого хрена.

— Это моя работа, Шторм. Она мне, вроде как, нужна. Так зачем конкретно ты звонишь?

— Звонил Сет и сказал мне, что ты не приехала за машиной. Я хотел узнать, что случилось.

— Майклу пришлось уехать из города по работе, поэтому он не смог меня подвезти за ней. Я разберусь с этим на следующей неделе. Извини, Шторм. Я знаю, что Сет твой друг, и вы, ребята, очень меня выручили. Я не думала, что заболею, а Майкл уедет в командировку.

— Все нормально. Не волнуйся вообще об этом. Я просто хотел убедиться, что все хорошо. Хотя я переживаю за тебя. Значит, ты одна дома?

— Звучит жутковато, но да, я осталась здесь одна. Ну, и кот здесь, конечно. А ты где? Ты в своей хижине?

— Нет, я в другом своем доме.

«В другом доме», должно быть, неплохо. Сколько у него их всего? Даже не представляю как это — жить в нескольких домах. Мне сейчас даже думать тяжело о том, чтобы съехать из одного дома и переехать в другой, не говоря уже о том, чтобы это реализовать.

— Ну, спасибо, что позвонил насчет машины. Я поправлюсь и заберу ее у Сета, как только смогу. Я плохо себя чувствую, поэтому завалюсь обратно спать.

— Отдыхай и убедись, что пьешь достаточно воды.

— Хорошо. Спокойной ночи.

Я отключилась до того, как он успел сказать что-то еще. Не понимаю, почему он продолжает общаться со мной. Я чувствую, что нам не следовало бы больше разговаривать друг с другом. Для этого ведь нет никаких причин, верно? Хотя, глубоко внутри какой-то частичке меня нравится, когда он звонит мне. Мне нравится чувствовать себя так, словно он думает обо мне.

Я увидела, что от Майкла пришло сообщение. Наверное, оно пришло, когда я говорила по телефону.

Майкл: *«Я на месте. Не хочу звонить, в случае, если ты спишь. Напиши, стало ли тебе лучше.»*

Я: *«Со мной все хорошо, просто совершенно ослабла от действия лекарств. Позвони мне утром. Люблю тебя.»*

Майкл: *«Люблю тебя. Поправляйся.»*

У меня ужасно першило в горле. Мне очень хотелось сейчас чая с медом, но у меня не было уверенности, что я смогу дойти до кухни и вскипятить воду. Я посмотрела на Хейло, который спал у меня в ногах.

— Хейло, почему ты не такой, как те коты в интернете, которые умеют делать всякие трюки? Например, сделать чай?

Он моргнул мне так, как умеют только коты. Я помахала ему рукой.

Когда я поняла, что крошечный котенок Хейло глухой, я начала показывать ему сигналы рукой. Безусловно, это не был язык жестов, но это наша небольшая возможность для общения, и, мне кажется, ему это нравится. Да, я отдаю себе отчет, что из-за лихорадки у меня в голове появляются и исчезают совершенно несвязные между собой мысли.

Мягкая, теплая рука осторожно коснулась моего лба. Мама всегда проверяла мой лоб, когда я болела и прикладывала к нему холодную ткань. Я чувствовала, что она сидит рядом со мной на диване. Как же я рада, что она заботится обо мне.

— Мам? — я открыла глаза.

В комнате было темно, не считая слабого света от телевизора.

— Нет, детка, это я. У тебя жар.

Каким-то образом Шторм оказался в моем доме и сидел на моем диване. И касался моего лба.

Мне захотелось закричать и отпрыгнуть, но я едва могла двигаться. Все тело болело и по ощущениям напоминало свинец.

— Шторм... что ты... как ты попал сюда? — неуверенно пробормотала я.

— Когда ты не открыла мне дверь, я воспользовался отмычкой. Тебе, правда, нужно установить систему безопасности в этом месте. Я проник в квартиру меньше, чем за десять минут.

Это он так шутит? Он ворвался в мой дом? Должно быть, я сплю. Я закрыла глаза и посчитала до пяти. Когда я открою их, он исчезнет. Раз. Два. Три. Пять.

Он все еще был здесь.

— Прими их, — он протянул мне две таблетки и поднес ко рту стакан с водой. — Ты плохо выглядишь.

Я проглотила таблетки и отдала ему стакан. Я очень надеялась, что это были лекарства,

которые мне выписали, а не какие-нибудь наркотики.

Я опустила голову обратно на подушку.

— Спасибо.

— Я приготовлю чай. Принес тебе суп, Гаторейд (прим. пер.: напиток, который способствует восстановлению потерянной жидкости, преимущественно его пьют спортсмены), капли от кашля, ароматизированную воду, мороженое, щербет...

— Шторм,... ты не должен быть здесь.

Но он уже ушел на кухню, забрав с собой все пакеты с продуктового.

— Слишком поздно, — прокричал он с кухни. — Просто сиди там и отдыхай.

Мне не верилось, что он здесь, в моем доме, готовит мне чай и раскладывает продукты на кухне. Я не знаю, сердиться мне или поблагодарить его. Думаю, я отложу оба варианта на потом, сейчас я чувствовала себя так паршиво, что даже не могла набраться сил, чтобы попросить его уйти. И, само собой, сейчас я выглядела просто ужасно без макияжа.

Он вернулся в гостиную с чашкой чая, передал ее мне, достал что-то из кармана и протянул мне.

— Смотри, что у меня есть! Это для Хейло, — это была крошечная пушистая мышка. — Смотри, что она может.

Он надавил на нее пальцем, и мышка засветилась.

— Я подумал, что ему понравится. Она заводная, с музыкальным механизмом.

— Ему понравится. Она такая милая. Он спит, можешь положить около него, может, он захочет поиграть с ней, когда проснется.

Шторм осторожно положил игрушку возле Хейло, а потом сел на пол у дивана. У меня упало сердце. Рок-звезда только что дал игрушку моему коту. Seriously, что может быть привлекательнее?

— Пей чай, почувствуешь себя лучше.

Это, определенно, был чай с медом и небольшим количеством молока. По моему горлу будто стекал рай.

— Спасибо... Что ты здесь делаешь?

Он откинул со своего лица волосы и заправил их за ухо, улыбаясь мне.

— Ты была здесь одна. И у тебя был пугающий голос, — пожал он плечами. — Я подумал, может тебе не стоит оставаться в одиночестве. Знал, что ты будешь нервничать.

Я медленно ему кивнула, держа перед лицом чашку с чаем и вдыхая его пар через нос. Даже не знаю, что ему на это ответить. Я чувствовала, как нас тянет друг к другу, и не была уверена на самом ли деле мне это не нравится.

— Ты хочешь, чтобы я ушел? — спросил он. — И прежде, чем ответить «да», подумай обо всем, что я тебе принес. Я даже купил тебе эти мягкие салфетки. И, кажется, пять разных видов капель от кашля.

Я покачала головой.

— Эви, я не силен во всех этих разговорах о своих чувствах и черт с этим, но я вроде как чувствую, что должен позаботиться о тебе. Я могу остаться здесь, по крайней мере, до завтра? Иначе, я буду сидеть поблизости в машине и переживать за тебя, а я устал. Я просто переночую здесь на полу.

Мне стало любопытно, связано ли его желание позаботиться обо мне с тем, что случилось с его женой. Но к этой территории я совершенно не хочу приближаться в разговоре с ним.

— У нас есть комната для гостей дальше по коридору. Можешь спать там.

— Уверена? Я могу поспать и здесь. Я все время сплю на полу, когда мы в туре.

Я и забыла о его группе и турах, и обо всем, чего я толком не знала.

— Нет, ты не будешь спать на полу. Пожалуйста, поспи в комнате для гостей.

— Я мог бы спать на диване рядом с тобой, как мы делали в грузовике.

Он подмигнул мне и положил голову мне на колени. Я инстинктивно прикоснулась к его волосам, пропуская их между пальцами. Мне действительно хотелось, чтобы он прилег со мной на диване, почувствовать его руки вокруг моих. Было бы так легко уснуть в его объятиях, когда я совершенно ослабла от действия лекарств и жара. Но я не могла допустить этого.

— Мы не можем этого сделать, — прошептала я.

Разочарование отразилось на его лице, когда он встал.

— Хорошо. Я пойду в комнату, что по коридору. Зови, если тебе что-нибудь понадобится, ладно?

— Позову.

— Ты будешь спать здесь или пойдешь к себе?

— Мне нравится спать здесь.

Когда он уже выходил из комнаты, я окликнула его, у меня был хриплый и скрипучий голос:

— Шторм? — Он повернулся и посмотрел на меня. — Я рада, что ты здесь.

Не успела я и глазом моргнуть, как он оказался возле меня и склонился над моим лицом.

— Если бы не была больна, я бы умолял показать, насколько ты рада.

По моему телу пронеслась волна тепла, никак не связанная с лихорадкой, и опустилась между ног. Он поцеловал меня в щеку и ушел. Черт бы его побрал! Как ему удавалось так влиять на мои внутренности? Я не могла отказать себе в удовольствии и любовалась его задом, когда он шел через комнату и исчез в коридоре, в комнате для гостей. Чертовски горячо! Как на мужчине могут так сидеть джинсы?

Так странно, я ощущала его присутствие в доме. словно энергия, которая его окружала, распространилась, и я чувствовала ее каждой клеточкой своего тела. Он как теплое печенье, только из духовки, с потрясающе вкусным ароматом, которое упрашивает, чтобы ты откусила хоть кусочек.

Видимо, я сейчас в страшном бреду, раз сравниваю сексуального мужчину с шоколадным печеньем. Помоги мне, Боже. Мне необходимо либо перепихнуться, либо сесть на диету. А может, и то, и другое.

Какое везение, что от всех таблеток меня сразу клонит в сон, потому что в противном случае я бы вряд ли смогла уснуть, зная, что Шторм был в соседней комнате. То, что он был в моем доме, вызывало смешанные чувства: волнение и страх. Что будет, если Майкл узнает и обвинит меня в обмане? Хотя он без ума от Шторма и его группы, может он и не станет переживать, если узнает, что Шторм был здесь. Но, не думаю, что он будет рад узнать, что между нами своего рода сексуальное напряжение, и он дважды заставил меня кончить, пусть я и не хотела. Уже одного этого должно быть достаточно, чтобы я указала Шторму на дверь. Я всегда поступаю правильно. Вот, кто я. Я честная, надежная, преданная. Я хорошая девочка.

Но сейчас я, вроде как, немного плохая. Оставаясь так близко к тому, к чему я не должна была приближаться, я испытывала такой кайф, как никогда прежде. Со Штормом я переживаю те чувства, о которых только читала в книгах, чувства, которым нет места в реальной жизни, так я считала. Мне нравится, что в моей жизни появился этот крошечный кусочек сексуального и сладкого табу. Я пыталась выбросить его из моей головы, но он как бумеранг, который всегда летит обратно к тебе.

— Как ты себя чувствуешь?

Я так потерялась в собственных мыслях, что не поняла, что он был рядом. Честно говоря, мне не стало лучше. На самом деле, мне было еще хуже.

— А?

— Сосредоточься. Тебе стало хоть немного лучше? Ты очень бледная.

Я покачала головой и зашла в приступе кашля. Из-за того, как сильно я кашляла, ребра начали меня убивать. Он стоял там и смотрел на меня в своих джинсах и без футболки. Его длинные волосы «только-из-постели» торчали в разные стороны, что делало его еще сексуальнее и даже очаровательнее, словно он маленький ребенок, которого нужно подстричь. Каждый раз, когда я смотрела на его голую грудь, я чувствовала, что теряю контроль над своими глазами. Я понимала, что должна отвести взгляд, но не могла. Мои глаза все время возвращались, исследовали его покрытую чернилами плоть, будто он был моим личным крушением поезда в огне. Он знал, как я на него смотрела, и я видела, что он разрывается между заботой о заболевшей мне и желанием выдать какую-нибудь саркастичную, сексуальную фразочку.

— Ты приняла лекарство? — к моему удивлению, он выбрал вариант «забота»

— Еще нет.

— Хорошо. Я собирался что-нибудь тебе приготовить. Не возражаешь, если я воспользуюсь твоей кухней?

Я потянулась к салфеткам и высморкалась.

— Можешь воспользоваться, — сказала я, не сильно беспокоясь о том, что сенсорная панель может повлечь за собой возможные сложности.

Я чувствовала себя совершенно неизящной, уверена, и выглядела я так же. Я услышала, как он что-то искал, а потом заработал блендер. Какого черта он там делает, и почему я согласилась на это? У меня совершенно нет аппетита, и что бы он там не придумал, с уверенностью заявляю, что есть я это не буду.

Несколькими минутами спустя, он протянул мне стакан с чем-то, что было похоже на

апельсиновое смузи, как то, что вы можете купить в торговом центре. Мм, как вкусно.

— О, ух ты! — сказала я и выпила еще немного. Было очень вкусно. — Оно такооооо классное.

Я сделала еще глоток:

— Что здесь?

Он засиял из-за того, как мне понравился его апельсиновый напиток.

— Это апельсиновый сок, немного молока и мед.

— Потрясающе! Спасибо.

Он указал на лекарства на журнальном столике рядом со мной.

— Прими свои таблетки. У тебя голос еще хуже, чем вчера.

— От них я становлюсь сонной.

— Меня это не волнует, отдых тебе сейчас нужен. Можешь спать весь чертов день, если хочешь.

Я выпила таблетки вместе с глотком апельсиновой вкуснятины. Он как сумасшедший что-то набирал на своем телефоне и смотрел на него с раздражением. Он поднял взгляд и засунул телефон в свой задний карман.

— Мне покормить кота? Хочешь позавтракать?

Я уставилась на него, как будто он был из другой планеты. Зачем он это делает? Почему он вообще здесь?

— Нет, все хорошо. Тебе действительно стоит идти.

Я услышала, как его телефон подал сигнал, и он вытянул его и посмотрел на экран, нахмурился и запихнул обратно в карман.

— Кажется, ты занят, — сказала я. Мне было любопытно, с кем он переписывается. Наверно, одна из его подружек интересуется, где он.

— Похоже, тебе нужно идти и разобраться, с чем там имеют дело рок-звезды. Вероятно, с блондинкой, у которой большие сиськи.

Он наклонил голову в сторону и сгримасничал.

— В самом деле? Хочешь так далеко заходить? — спросил он. — Не говори мне такое дерьмо, ладно? Я просто хочу быть собой, когда я с тобой. Вот поэтому я не хотел, чтобы ты знала, чем я занимаюсь. Я рок-звезда. Я обычный мудака, который играет на гитаре.

Ой. Кажется, я затронула болезненное место.

— Шторм, ты не мудака. Не всегда, по крайней мере. Я просто подумала, что у тебя есть дела поважнее, чем торчать рядом с больным и играть в медбрата.

— Если бы так было, я бы этим и занялся.

Я выставила перед собой руки, в знак защиты:

— Ладно, хорошо. Успокойся. И надень рубашку, пожалуйста.

Вместе этого, он сел на диван, возле меня. Одну руку он положил на подушку около моей головы, так он немного наклонился ко мне. Другой рукой он взял меня за руку и прижал мою ладонь к своей груди, моя рука прикоснулась к нему. Я чувствовала, как бьется его сердце, пока мое сердце было готово выпрыгнуть из груди. Я попыталась забрать свою ладонь, но он удерживал ее своей.

— Прикоснись ко мне, — сказал он. Он не просил это сделать, но говорил, чтобы я это сделала.

Он отпустил мою руку, и я медленно пробежалась пальцами по его груди. Он нежно прикоснулся к моей щеке и наклонился ближе ко мне. Я думала, что он хочет меня

поцеловать и тут мой мозг пустился в мысленную гонку. *Я кошмарно выглядела. У меня было ужасное дыхание. Я могла заразить его своими микробами. Это просто обман.* Я провела рукой к его широкому плечу. Столько мышц. Мне хотелось прикоснуться ко всему его телу и исследовать каждую его прекрасную частичку.

— Ты выглядишь напуганной, — у него был мягкий и спокойный голос. Я слегка кивнула. Да, мне было страшно. Страшно, что он поцелует меня, и страшно, что не поцелует. Я растворилась в его глазах, оказалась в ловушке на диване.

Легкая улыбка коснулась его губ.

— Мне нравится, что тебе страшно. От этого мне много чего хочется с тобой сделать.

Желудок сделал сальто и у меня расширились глаза. Много чего? Что это за «много чего»? И в то же время, это был не тот страх, который испытываешь, когда видишь кого-то жуткого в темном переулке. Это пульсирующий, электрический страх, который включился где-то глубоко во мне, от которого у меня ускорилось сердцебиение, и по спине пробежала мелкая дрожь. Я подняла взгляд, чтобы встретиться с его глазами. Они были такие темные и затуманенные, и смотрели прямо на меня.

— У тебя две руки, — сказал он.

Я положила другую ладонь на его руку и не спеша переместила ее вверх, к его шее, проделав то же самое со второй рукой. Его кожа была теплой и гладкой. Медленно провела руками вверх и вниз по его рукам и груди, которые были покрыты татуировками. Как же завораживает прикасаться к человеку, который покрыт татуировками. Это как ласкать произведение искусства. Он ждал, но я не знала чего. Он закрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Мне нравится, как ты прикасаешься ко мне, Эви. Все, что ты чувствуешь, проходит через твои пальцы. Я почувствовал это, когда ты касалась моей руки в грузовике. И я чувствую это сейчас.

Я убрала руки. Не следовало прикасаться к нему или позволять ему чувствовать то, что чувствовала я. Он открыл глаза и мгновение смотрел на меня сверху вниз.

— Я разрешу тебе остановиться, потому что ты болеешь.

Разрешишь мне? *Разрешишь?*

— Шторм..

Он наклонился еще ближе ко мне, и я приготовилась к поцелую, но он не поцеловал меня.

— Ты прикоснешься ко мне, Эви. Я хочу почувствовать твои руки на всем теле, потому что это как чертов наркотик для меня, и мне это нужно.

Он коснулся своим лбом моего.

— И я заставлю тебя умолять, чтобы я позволил тебе это сделать, потому что это мне тоже необходимо.

Его губы так нежно прикоснулись к моим... так ненадолго... что, когда он отодвинулся от меня и вышел из комнаты, я осталась гадать, случилось ли это на самом деле.

Какого хрена?

Весь этот разговор о касаниях и том, что я должна буду умолять, закончился дрожью и влажностью в определенных девичьих частях моего тела. Какого черта только что произошло? Он не может просто так врываться в мой дом, пока я болею — это взлом с проникновением, заметьте — и говорить мне, что я захочу прикасаться к нему и буду умолять об этом. Я слышала, как включился душ. Он собирается принять душ после того, как довел меня до такого возбуждения? Какой же он дубина, псих ненормальный. Нужно

заставить его уйти до того, как я окончательно потеряю остатки разума и сделаю какую-то глупость. Особенно, если он думает, что может командовать мной, пока я болею и не могу даже ясно мыслить.

Я написала сообщение Майклу.

Я: «Чувствую себя дерьмово. Буду отдыхать весь день. Скучаю»

Майкл: «Ок. Я на встрече. Поправляйся. Скучаю»

Я устала лежать на этом маленьком экране. Я не скучала по нему. Осознание этого медленно проникло в меня, а затем пронеслось от головы вниз, к сердцу, и осело в моем животе тяжелым камнем.

Я встала и поднялась на второй этаж, чтобы помыться в своей ванной и переодеться в чистую одежду. Вид у меня был еще тот: красный нос, слезящиеся глаза, липкая кожа. Я спустилась вниз следом за Хейло и наполнила его маленькие тарелочки едой и свежей водой.

— Тебе нужен отдых. Возвращайся на диван, — к моему облегчению и разочарованию, он был полностью одет, в джинсы и футболку.

— Тебе пора уходить, — сказала я ему. — Спасибо за все, но я уже в норме.

Он прислонился к кухонной столешнице и скрестил на груди руки.

— Когда Майкл возвращается?

— В воскресенье.

— Тогда я останусь до вечера субботы.

— Нет. Ты не можешь, — я прошла обратно к дивану, потому что снова почувствовала головокружение, но он последовал за мной, вместе с котом.

— Я не оставлю тебя одну, пока ты болеешь. Это вовсе не круто.

— Шторм, я не маленькая девочка. Я многие годы заботилась о себе сама.

Я прилегла на диван и укрылась одеялом.

— Значит, пришло время позволить сделать это кому-то еще. Слушай, в следующем месяце я уезжаю в тур и начнется гребаный дурдом. Мне нравится проводить с тобой время. Мы можем смотреть фильмы и есть мороженое. Можем даже вздремнуть, как делали это в грузовике.

Клянусь вам, мне кажется, он хотел бы снова застрять в своем грузовике. Может быть, и я этого хочу, в некотором смысле. Как бы мы друг друга не раздражали, мне нравился наш маленький мир, где были только *мы*.

— Соглашайся... — попросил он, глядя на меня своими грустными щенячьими глазами.

Мне совсем не хотелось, чтобы он уходил. Отчасти потому, что я ненавидела оставаться в одиночестве, когда нехорошо себя чувствовала, отчасти еще и потому, что мне, вроде как, нравится его присутствие, и я не готова к тому, что больше никогда не встречу с ним или откажусь от «нас», кем бы мы ни были.

В итоге, я сдалась.

— Ладно, но у меня есть несколько правил. Больше никаких касаний или неадекватного поведения. Ясно? У меня есть парень и ты должен это уважать. Я не какая-то шлюха и мне не нравится, что ты пытаешься превратить меня в одну из них.

Он посмотрел на меня так, будто я его оскорбила.

— Эвелин, я бы никогда, никогда не хотел, чтобы ты стала шлюхой. Если только не моей личной шлюхой, — он игриво выгнул брови.

— Хорошо. Я сделаю вид, что не слышала последнюю фразу. И никаких больше

взломанных замков. Это, правда, жутко, не говоря уже о незаконности.

— Я беспокоился о тебе.

— Это неважно. Больше так не делай. Ты не можешь делать все, что тебе захочется. Есть определенные границы, ладно? Я бы хотела, чтобы мы были друзьями. Настоящими друзьями. Я не буду одной из твоих игрушек, на случай, если тебе станет скучно. Поэтому, если это и было твоим планом, лучше сразу уходи.

— Мне не станет скучно, — сказал он с невозмутимым видом. — И у меня достаточно игрушек.

— Отлично, тогда проблем возникнуть не должно.

Он приподнял мои ноги над диваном, и сел туда, где они только что лежали. А потом положил их на свои ноги.

— Знаешь, ты мог бы сесть на стул вон там. Или в двухместное кресло.

Я махнула рукой в направлении другой мебели в комнате, которая не была занята заразным человеком.

— Мне и здесь хорошо.

В очередном приступе кашля я не смогла ничего ответить и просто пожала плечами.

— Почему ты меня не хочешь? — выпалил он, будто не мог понять этого сам. Я рассмеялась над абсолютной дерзостью его вопроса, но он не засмеялся и не улыбнулся в ответ. Он ждал, когда я перестану хихикать, как родитель ждет, когда его ребенок прекратит вести себя как идиот, и они смогу поговорить серьезно.

Я заставила себя перестать смеяться.

— Извини, что?

Он повторил свой вопрос очень медленно, как если бы я не поняла его в первый раз.

— Почему ты не хочешь меня?

— Шторм, ты, правда, настолько привык, что женщины сами бросаются на тебя? Неужели, я действительно первая женщина, которая не прибежала к тебе с высунутым языком и расставленными ногами?

— Да.

— Ну, мне жаль, что я задела твое невероятно огромное эго и, очевидно, поставила мировой рекорд.

— Эвелин, я серьезно. Просто скажи мне, почему.

Он все еще не смеялся.

— Я... ладно, я буду серьезной.

Я попыталась подыскать слова, чтобы объяснить ему, что чувствую, но как я могу это сделать, когда сама себя не понимаю?

— Сначала ты меня взбесил. Я подумала, что ты очень странный и полный засранец. Но теперь ты мне нравишься. Я хочу, чтобы мы были друзьями. Ты заставляешь меня смеяться и с тобой я чувствую себя в безопасности. Мне нравится твое внимание, наверное. И да, ты меня привлекаешь. То есть, посмотри на себя. Но у меня есть парень. И я никогда не изменяла. И ты... как ты и сказал, ты не строишь отношений. Ты заводишь подружек для секса. Думаю, тебя привлекает то, что я не стала твоим «трофеем». Я просто не хочу так. Я не хочу быть для тебя каким-то забавный вызовом, чтобы наблюдать, как далеко ты сможешь меня завести и сколько сможешь «трахать» мне мозги и тело, прежде чем я сдамся и пересплю с тобой, а потом ты уйдешь, а я останусь совершенно разбита.

— Почему ты говоришь, что все будет так плохо? Что такого в том, чтобы устремить

свой взгляд на что-то или кого-то, кто оказался для тебя в, не такой уж, недостижимости?

— Ничего, если это то, к чему стремятся двое. Я пытаюсь сказать, что я не хочу быть частью этого. Это не я. Да, ты меня привлекаешь, если от этого тебе станет лучше. Посмотри на меня, я сто пятьдесят три сантиметра ростом, у меня практически нет груди, бледная кожа, и я ужасно выгляжу с того дня, как мы встретились. Я не супер-модель, к которым ты привык.

Он сжал рукой мою ногу.

— Эвелин, меня к тебе влечет. И я думаю, что ты чертовски очаровательная. Я устал от тех девушек...

— Вот видишь? — прервала я его. — Тебе скучно. Ты хочешь чего-то нового.

Он с раздражением провел рукой по волосам.

— Зачем ты все так усложняешь? Я никогда не сижу и не анализирую свои чувства. Я просто иду и беру то, что хочу. Мне кажется, ты несчастна с Майклом. Он относится к тебе, как к куску дерьма.

— Это еще не означает, что я должна прыгать в постель к тебе!

— Я знаю это. Ты когда-либо думала, что просто тратишь с ним время впустую?

— Нет.

— Ты, правда, думаешь, что если бы я хотел тупо трахнуть тебя и исчезнуть, был бы я сейчас здесь, заботился о тебе?

— Нет... по крайней мере, я надеюсь, что нет. И я ценю, что ты заботишься обо мне, но я не стану спать с тобой в знак благодарности.

— Я этого и не хочу, Эви. Я думаю, ты достаточно знаешь. И не можешь отрицать, что между нами что-то есть, правильно? Или я тут единственный, кто чувствует нашу связь?

Я перевела взгляд на стену за ним. Мне не хотелось отвечать на этот вопрос.

— Правильно? — надавил он.

— Да, что-то такое есть.

— То-то же. И я тоже не знаю, что это. Для меня это тоже в новинку, понимаешь. Думаешь, я часто делаю все это дерьмо? — он указал рукой на меня и на стакан с апельсиновым напитком. — Я просто следую своим чувствам и смотрю, к чему это меня приведет. Мне кажется, что и ты должна сделать так же. Прекрати возводить вокруг себя стены.

— Правда? А что насчет моего парня? Двенадцати лет вместе?

Он достал свою маленькую электронную сигарету и закурил ее.

— Я, блядь, не знаю, Эвелин. Но после всех этих двенадцати лет, ты лежишь здесь больная, а ему наплевать. Думаю, я бы обратил на это особое внимание.

Он сделал еще одну затяжку:

— Ты мне нравишься, ты другая. Мне нравится, что ты заставляешь меня чувствовать. И мне нравится, какая ты застенчивая, но, в то же время, злющая. Я чертовски сильно хочу тебя трахнуть, смотреть, как ты распадешься на моих руках от наслаждения, а потом собрать тебя обратно.

Мои бедра начали гореть. Да. Сделай это. Что бы это ни значило.

— Ну, это очень романтично, Шторм. И именно поэтому, я бы никогда не связалась с кем-то вроде тебя. Я бы не хотела быть с такой свиньей, который слоняется по округе, трахая первых подвернувшихся девушек, без уважения к их ценностям и обязанностями перед ними. Поэтому Бог и создал шлюх — для таких мужчин как ты, которые только и могут, что

удерживать в своем крошечном слабом уме одну-единственную мысль о блаженстве, потому что они слишком поверхностные для полноценных отношений.

Упс. У него был очень сердитый вид. Он покачал головой в недоумении.

— Нда, Эви. Я думал, что ты знаешь меня немного, блядь, лучше или, по крайней мере, что я иначе к тебе отношусь. И я надеялся, что мы сможем понять, в чем эта чертова причина. *Вместе*. Но нахер все.

Он столкнул с себя мои ноги и встал. Он указал пальцем на меня, а потом на себя, и обратно на меня.

— Вот поэтому я и не строю отношений. Из-за такого гребаного дерьма.

— Я *уже* в отношениях, Шторм, — напомнила я ему.

От кашля и многочисленных разговоров у меня сел голос. Или это из-за того, что я была готова заплакать, потому что от вида того, как он был зол и расстроен, мое сердце постепенно съедало себя.

Он схватил свою кожаную куртку со стула и надел на себя.

— Да, продолжай это себе говорить.

Когда он ушел, я разрыдалась. Из-за него я так запуталась. Я не поняла, что только что произошло или, что он пытался мне сказать, или почему я вообще об этом думаю. Мои слова прозвучали намного хуже, чем я этого хотела, и я проявила себя как законченная сука. Мне было так плохо, и я была совершенно сбитой с толку! Я сейчас не в том состоянии, чтобы принимать решения или думать о том, как обращаться с окружающими людьми. Неужели он этого не понял?

Зазвонил мой телефон, и я сразу же ответила на звонок. Может, он звонит, чтобы сказать, что сейчас вернется.

— Алло?

— Ого, у тебя голос еще хуже, чем был вчера, — это Майкл. Черт возьми.

— Знаю... чувствую себя отвратительно. Как твоя встреча?

— Хорошо, все отлично. Тебе лучше немного отдохнуть. Можешь позвонить мне позже, если хочешь, ладно?

— Ладно.

— У тебя есть все необходимое?

— Да, думаю, что да, — *Нет... он только что ушел, потому что я назвала его свиньей*.

— Хорошо, милая. Надеюсь, тебе скоро станет лучше. Люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Боже. Не могу сказать наверняка, что со мной сделал Шторм, но он смог проникнуть в мой разум. И я это ненавидела. Пока я его не встретила, моя жизнь была совершенно нормальной. Я была веселой и довольной своей каждодневной рутинной. Я думала о Майкле и была счастлива. Я не знала, что упускала столько всевозможных *чувств*. Я даже не знаю, какими словами их можно описать. Как все, что я чувствовала и хотела, могло измениться всего за неделю?

Я бы позвонила и обсудила это с Эми, и она бы заговорила меня по полной. Но у меня болело горло, и я не думаю, что выдержала бы сейчас столько болтовни. Если бы я могла позвонить маме. У меня было такое ощущение, что начиная с прошлых выходных, я продолжаю понемногу терять самообладание. Застряла в грузовике, не ела и не пила в достаточном количестве, переживала о работе, заболела, Майкл уехал, Шторм сбивает меня все время с толку... Для меня это слишком. Как правило, моя жизнь невероятно скучная. Со

мной не происходит ничего нового или захватывающего. А сейчас рок-звезда говорит мне, что хочет трахать меня до потери пульса. А я даже не понимаю, что это значит.

Я уставилась на телефон, размышляя, стоит ли отправить Шторму сообщение и попросить прощение. Хотя, я даже не была уверена, за что должна извиняться. *Нет*. Я не поддамся на его безумие. То, что он ушел, к лучшему. Я никогда не была одной из тех девушек, которые как ненормальные слали смс и звонили мужчинам, и не собираюсь становиться одной из них.

Входная дверь открылась и закрылась, а я подпрыгнула от неожиданности.

— Тебе и правда стоит запирать дверь.

Я попыталась подавить улыбку, которая сразу же появилась на моем лице, потому что я не хотела, чтобы он видел, как я рада, что он вернулся.

— А зачем? Ты же только что вернулся.

Он улыбнулся и протянул мне латте.

— Я купил твой любимый кофе. Подумал, может это немного успокоит твое дерьмовое настроение.

Каждой частичкой своего тела мне хотелось *обнять* мужчину, который купил игрушку моему коту и латте мне. Я не могу окончательно потерять из-за него голову. Как он может быть таким внимательным, но ни с кем не встречаться? Относится ли он так же к своим секс-подружкам? Я должна это узнать.

Я отпила немного латте и поблагодарила его, пока он садился в кресло на другой стороне комнаты.

— Шторм, я могу кое-что тебя спросить?

— Все, что угодно.

— Ты так же ведешь себя с женщинами, с которыми ты состоишь в не-отношениях?

— Как это, так же?

— Ну, знаешь... латте, коктейли на завтрак, игрушки для котов... что-то типа этого?

— Нет. Я уже давно не делал подобной хрени.

В его глазах отразилась грусть, и мне стало любопытно, подумал ли он о своей жене. Лучше бы я никогда не читала той статьи в интернете.

— Я очень это ценю, Шторм. На самом деле, я к такому не привыкла.

Я сделала еще один глоток. У меня ужасно болело горло и заложило одно ухо.

— Знаю.

Он пересек комнату и сел на край дивана у моих ног.

— Позволь теперь кое-что спросить у тебя, — он отобрал у меня стаканчик с кофе и поставил его на журнальный столик.

— Ладно...

— Ты можешь уделить мне двадцать секунд, без размышлений, без анализирования и отталкивания? Ты можешь сделать это для меня?

— Я постараюсь.

Он улыбнулся мне.

— Не старайся. Я хочу, чтобы ты просто это сделала.

— Хорошо. Но только потому, что ты принес мне мокко с белым шоколадом.

— Тише...

Прежде, чем я успела о чем-то подумать, его губы оказались на моих, такие мягкие и неторопливые. То соприкасаются, то нет. О, Боже. *Не думать*. Он немного отстранился, но я

потянулась, чтобы снова почувствовать его губы, и это все, что ему было нужно, чтобы углубить наш поцелуй. Его язык не спеша пробежался по моему. Из меня вырвался небольшой выдох. *Не думать.* Я забыла, как дышать, растворяясь в его поцелуях. Мои руки обхватили его шею под длинными, мягкими волосами, притягивая ближе ко мне. Мне нужно было намного больше, чем это, гораздо больше его. Он взял мои руки в свои и положил их на подушку, над моей головой, безудержно целуя меня, жадно исследую мой рот своим. Святое дерьмо. И почему я должна сейчас болеть. Немного отстранившись, он посмотрел на меня сверху вниз, тяжело дыша. Он продолжал удерживать мои руки своими.

— Я не собираюсь на этом останавливаться, — сказал он между входами. — Но я хочу, чтобы ты еще кое-что для меня сделала.

Он нежно меня поцеловал и снова отстранился.

— Я хочу, чтобы ты подумала о нас. Но только, когда я закончу. Я останусь здесь до вечера субботы, с тобой, и мы не будем обсуждать ничего из этого, и я не буду целовать тебя или прикасаться к тебе.

Он склонился и поцеловал меня в шею, а его зубы слегка прикусили мою кожу. В ответ на это мой клитор начал пульсировать.

— Я хочу, чтобы ты пришла на мой концерт, в следующем месяце, и мне насрать, приведешь ты с собой Майкла и Эми или нет. Я хочу, чтобы ты была там.

Он переместил свои губы от моей шеи к губам и нежно поцеловал прежде, чем отпустить.

На этот раз я не представляла, что ответить.

Он протянул мне кофе.

— Кажется, тебе это сейчас нужно.

Я рассеяно отпила немного. Я не могла избавиться от ощущения, которое подарил его поцелуй. Так легко было раствориться в нем, просто лежать здесь и целоваться с ним весь день, снять с него одежду и прикасаться к нему повсюду. У Майкла нет всего этого. Но это просто секс, стоит напомнить себе. Это не любовь и не преданность. Я не хочу быть одной из его долбанных игрушек и не важно, как хорошо я из-за него себя чувствую. Насколько бы мне этого не хотелось и как бы неправильно это ни было, я знала, что сильно влюбилась в него. Еще я знала, что в итоге мне будет больно, даже хуже, я останусь совсем одна.

Иногда довольно легко скатиться к отрицанию всего, что происходит в твоей жизни. Так безопаснее, проще существовать в пределах своей зоны комфорта, чем решиться и позволить себе испытать что-то новое, то, что пошатнет фундамент, который служил твоей подстраховкой.

Я считаю, что большинство людей довольствуется тем, что безопасно, по крайней мере, хоть раз в жизни при определенных обстоятельствах, но человек, который страдает от беспокойства или депрессии, практически всегда бежит от своих целей, мечтаний и новых жизненных приключений, чтобы избежать возможности почувствовать чего-то нового и даже пугающего. Лучше жить с тем, что ты знаешь, чем столкнуться с неизвестным. Или, по крайней мере, это было тем, что я говорила себе большую часть своей жизни. Эта мантра помогала мне быть непоколебимой, неизменной, последовательной, она была моим утешением.

Я начала жить опосредованно через свою лучшую подругу Эми с тех пор, как мне исполнилось пять. Она любит риск, ищет острых ощущений. Она — мое окно в мир, который я боюсь испытать на себе. Она стала моей скалой с того дня, когда в детском саду две маленькие девочки смеялись надо мной и довели до слез. Это произошло, когда мама поцеловала меня на прощание и оставила одну перед дверью садика. Я так боялась, что она никогда не вернется, и я на всю жизнь останусь брошенным ребенком. И хотя в тот день этого не произошло, в конце концов, все так и случилось. Эми тогда взяла меня за руку и сказала тем двум девочкам отвалить, отвела меня в садик, и никогда больше не оставляла.

— Эв, ты должна послушать меня.

Я *слушала* ее. Просто не хотела слышать того, что она говорит. Мы обедаем в маленьком ресторанчике в городе, празднуем мое выздоровление и то, что у меня спал жар.

— Эми, ты не понимаешь...

Она постукивала своим ухоженным пальчиком по бокалу с вином и подняла взгляд своих ледяных голубых глаз, чтобы встретиться с моим.

— Я понимаю, дорогая, и ты это знаешь. Я много раз думала об этом. Я встречалась с многими мужчинами. Тебе страшно. Но, как мне кажется, ты действительно нравишься этому парню. Это те смски, которые он тебе присылает? Хотела бы я, чтобы мужчины писали мне такие милые смс, просто интересовались, как прошел мой день и желали спокойной ночи. Вместо этого мне присылают всякую хрень, просят, чтобы я захватила им сигареты и надела черные стринги.

— Ну, у тебя потрясающая попа, — подразнила я.

— Знаю, но все же, я бы хотела, чтобы мужчины хоть иногда относились ко мне, как к леди. Тебе же приходят такие смс от рок-звезды, ради всего святого. Я становлюсь влажной, только думая об этом!

— Эми!

Она перебрехала свои платиновые волосы через плечо и отпила немного вина.

— Что? Этот парень как секс на палочке, Эвелин, и он так старается ради тебя. Будь я на твоём месте, я не стала бы раздумывать. Отправилась бы прямо в его спальню. Не уппусти шанса. Не собирай те две тысячи долларов!*

— В жизни намного больше всего, а не только секс.

Она подняла брови и уставилась на меня:

— Разве?

— Я хочу чего-то большего, чем это, Эми. Ты же знаешь.

— Эв! Он и дает тебе намного больше! Он шлёт тебе милые маленькие смсочки со смайликами на протяжении двух недель! Кто, черт возьми, так делает? Он заботился о тебе, пока ты валялась там с гриппом и выглядела как из задницы! Он прикладывает намного больше усилий, и поверь мне, это редкое явление, милая.

— Да, но зачем он это делает? Не думаешь, что это просто игра?

Я гоняла вилкой салат по своей тарелке, мой аппетит так и не вернулся к тому, каким он был месяц назад. Не уверена это из-за недавней болезни или потому, что нервы у меня сейчас были ни к черту.

— Я не думаю, что он стал бы прикладывать столько усилий, только играя, чтобы залезть тебе в трусики. Какой в этом смысл? Он же с легкостью может получить любую девушку, которую захочет. Парень встречается с моделями, актрисами и порно звёздами. Если бы ты ему не нравилась, он бы не стал тратить столько времени на тебя, или стал бы? На это сейчас ни у кого нет времени.

Нда уж. Модели, актрисы и порно звезды. Как будто мне нужно об этом напоминать.

— Эвелин, давай на минутку станем серьезными, — она отодвинула свою тарелку и положила на стол локти. — Ты знаешь, я люблю тебя как сестру. И Майкла я тоже люблю. Но вы, ребята, похоже, переросли друг друга. Он больше не заставляет тебя улыбаться и не водит на свидания. Он больше не проводит время дома. Он полностью погрузился в работу и играет в гольф. И это нормально. У него есть полное право стремиться к своим целям. Но как же твои цели и мечты? Ты же хочешь выйти замуж и родить ребенка. Ты хочешь быть с тем, кто будет заставлять тебя смеяться. Тебе нужен кто-то, кто будет сидеть с тобой в обнимку на диване и смотреть комедии. Тебе нужен мужчина, который будет о тебе заботиться и будет внимателен к тебе, но еще и тот, кто сможет вытащить тебя из лабиринта собственных мыслей. И после стольких лет скучного, неудовлетворяющего секса, я думаю часть тебя очнулась и хочет чего-то большего. Немного больше взрослой романтики. Немного дикого секса.

— Эми!

— Это же правда, Эвелин, — она допила свое вино. — Мне непросто это говорить, но я должна, потому что люблю тебя. И я надеюсь, что ты не поймешь меня неправильно, потому что это убьет меня, милая. Мне кажется большая часть тебя держится за Майкла потому, что он был с тобой, когда погибли твои родители. Они его знали. Он им нравился. Я думаю, тебя пугает мысль быть с мужчиной, которого твои родители никогда не видели, Эвелин. Тебе пришлось пережить много утрат. Но я думаю, что ты должна быть смелой и позволить себе отпустить ту безопасность, что ты чувствуешь с Майклом, и дать шанс кому-то другому, иначе ты так и останешься несчастной. Я знаю, что твоя мама никогда бы не хотела, чтобы ты была несчастна в отношениях. Она бы хотела, чтобы ты была с тем, кто пробуждает тебя, заботится о тебе и присылает забавные смски со смайликами.

Я протяжно вдохнула и заерзала на стуле. Ненавижу, что она всегда права.

— Твоя правда... Я знаю, что ты права. Мне просто страшно. Так тяжело представить себе, как можно начать все сначала, отказавшись от двенадцати лет, столько всего изменить... Я люблю Майкла и знаю, что он меня любит, но ты права, мы стали, скорее друзьями и соседями по комнате. Я, правда, думала, что мы поженимся, заведем семью... а

сейчас моя голова забита мыслями о Шторме. Я хочу сказать, я же знаю его всего две недели, но между нами есть эта связь. Но, честно говоря, Эми, как я могу даже думать об отношениях с ним? Он путешествует, спит со всеми подряд, у него есть деньги, женщины, которые следуют за ним повсюду, и он нереально сексуальный, он практически живет на другой планете по сравнению со мной. Как я могу соответствовать всему этому? Я же такая скучная. Я не знаю, чем это все закончится... но он так настаивает на том, что мы должны попытаться. Я не знаю, что мне делать.

Я не могла больше смотреть на нее, потому что готова была заплакать и мне было страшно, что я не смогу остановить этот поток слез. Она протянула руку через стол и взяла меня за руку.

— Я всегда буду здесь для тебя, Эв. Ты не будешь одна, обещаю. Не важно, что случится, я буду тут и пройду через все вместе с тобой. Перестань так переживать и думать, что ты недостаточно хороша для него или что ты ему не пара. Он уже большой мальчик. И знает, чего хочет.

— Как же мне повезло, что у меня есть такая лучшая подруга, как ты, — слеза скатилась по моей щеке, и я быстро ее вытерла.

— Нам обеим повезло. Ты тоже прошла со мной через худшие времена. А теперь я хочу, чтобы ты собралась, ладно? Позволь себе отыскать счастье. И знаешь что? Это может и не продлиться вечно, и это не страшно. Самое важное — это то, что ты счастлива и не проживаешь жизнь, прячась. Теперь мне нужно возвращаться на работу, но я не могу дождаться Нового года, чтобы увидеть, как играет группа и встретиться со Штормом лично, наконец-то. Может он даже поставит автограф на моих сиськах.

— Это совсем не смешно.

Когда я вернулась в машину, то увидела, что мне пришло сообщение от Шторма.

Шторм: *«Ты можешь мне позвонить?»*

Я: *«Нет. Мне нужно возвращаться к работе»*

Шторм: *«Как прошел обед?»*

Я: *«Хорошо. Мы приятно побеседовали. Она не дождалась вашего выступления. Хочет, чтобы ты расписался на ее сиськах»*

Шторм: *«Ржу до усрачки. Я не стану этого делать»*

Я: *«Надеюсь, что нет!»*

Шторм: *«Я бы не отказался расписаться на твоих;)»*

Я: *«Думаю, я смогу прожить и без этого»*

Шторм: *«Ты сможешь позвонить мне вечером? Может, по пути домой?»*

Я: *«Постараюсь»*

Шторм: *«Постарайся там. Я соскучился по твоему голосу»*

Улыбаясь, я бросила телефон назад в сумочку и поехала в свой офис. Сегодня последний рабочий день, а потом у меня будет пять рождественских выходных. Как правило, мы едем к родителям Майкла на рождественский ужин, и я не могу сказать, что в восторге от этого. Они просто смотрят телевизор и едят, препираются друг с другом, обмениваются одним или парой подарков, а потом мы едем домой. Я пыталась поладить с его мамой и сестрой, но они не слишком дружелюбны, поэтому обычно я отвлекаю себя тем, что мою

посуду или читаю журналы его мамы, где собраны все последние сплетни. Когда я росла, у моей семьи всегда были чудесные рождественские ужины. Мама любила праздники. Она украшала дом, пока папа развешивал гирлянды по всему дому и двору. Он ставил во дворе таких пластмассовых оленей и снеговиков. Маленькой девочкой я обожала все это и не могла дождаться, когда вырасту и буду украшать свой собственный дом.

После работы я заехала в продуктовый магазин, чтобы купить кое-что на следующую неделю. Я решила испечь печенье, яблочный пирог и приготовить окорочка для Майкла, которые он так любит. Он обещал, что несколько дней будет дома, и я хочу использовать это время, чтобы понять, можем ли мы исправить отношения. Для танго нужны двое, поэтому если в наших отношениях что-то не так, половина вины лежит на мне. Надеюсь, если я стану уделять ему больше внимания, он тоже изменится.

На пути домой мой телефон подал сигнал, и я проверила его, когда остановилась на красный свет.

Шторм: *«Эй, я надеялся поговорить с тобой. Я сейчас в студии, но смогу поболтать несколько минут»*

Нахмурившись, я бросила телефон обратно в сумочку. Не буду ему отвечать или перезванивать. У меня в машине полно продуктов, которые я только что купила, чтобы приготовить Майклу его любимые блюда на праздники. И мне нужно оставаться сосредоточенной.

Я опередила и приехала домой раньше Майкла и успела убрать почти все продукты, когда он вошел на кухню.

— Привет, — сказал он и бросил пальто на кухонный стол. — Для чего это все?

Я развернулась и улыбнулась ему, положив последнюю законсервированную банку в шкафчик.

— Я заехала в магазин по пути домой, который больше походил на зоопарк, но я смогла купить все необходимое, чтобы приготовить наш любимый ужин, раз мы решили несколько дней провести дома на праздниках. Я купила окорочка, и еще приготовлю яблочный пирог и тушеное мясо...

— Эвелин, я же говорил, что еще не уверен, смогу ли отпроситься с работы.

Я стою как идиотка, держа в одной руке тридцатисантиметровую палку салями и целую упаковку чеддера в другой.

— Но ты сказал, что подашь прошение.

— Знаю, и я уже говорил об этом с боссом, но сейчас неподходящее время.

У меня «упало» сердце, а он стоял там и ел одно из яблок, которые я купила для пирога. Я уже понимаю, куда нас заведет этот разговор, и как же мне хотелось бы сейчас нажать на паузу и остановить все это. Разочарование похоже на змею. Оно медленно ползет. Ты видишь его краем глаза, но боишься посмотреть прямо на нее. Будто если ты не обратишь внимания, оно просто развернется и уползет обратно. Прочь от меня. Хотя все не так. Оно ползет прямо ко мне, его язык быстро движется, и оно нападает.

— Мне нужно уехать из города. Извини, Эвелин. Я ничего не могу поделать. Я пытался избежать этого.

Я схватила с плиты сковороду, завела за спину и врезала ею по его лицу. Он рухнул и уронил яблоко, которое я так бережно выбирала в продуктовом отделе, надеясь приготовить для него идеальный пирог.

Я потрясла головой. Он так и стоит на месте, жует. Моя живая фантазия вывела наружу

гнев от разочарования на него.

На самом деле, гнев и разочарование до сих пор во мне.

— Майкл, это же рождество.

— Я знаю и мне жаль. Я разговаривал с мамой. Она сказала, что по-прежнему будет рада тебя видеть. Тебе не обязательно сидеть в одиночестве. И я вернусь на следующий день после рождества. Встреча в двенадцать тридцать. Я даже не хочу пытаться вылетать двадцать четвертого или двадцать пятого, поэтому я забронировал билет на двадцать шестое. Это все еще будет похоже на ночной кошмар, но, по крайней мере, мы проведем день после рождества вместе.

О, да. По крайней мере, у нас будет хоть это.

Я скорее сяду задницей на вилы, чем проведу рождество одна с его семьей. Я останусь здесь совершенно одна и буду смотреть, как Хейло играет с ленточками на упакованных подарках и попытается снова свалить елку. Может, я даже разрешу ему это сделать, так чтобы развлечь себя. А убирая ее на место, я хоть чем-то смогу себя занять.

Майкл обнял меня и поцеловал в макушку.

— Эв, я знаю, что ты расстроена и мне жаль. Ты же понимаешь, как это важно. Мне это самому осточертело, клянусь тебе. Мне приходится выкладываться на полную с этим проектом и заключать все договора. Я хочу получить свои комиссионные. Это нам сильно поможет. Пожалуйста, пойми.

Я обняла его за талию в ответ на его объятия. Я знаю, как все это для него важно. Я же не слепая, вижу, как тяжело он работает, какой он затравленный. И восхищаюсь этим большую часть времени, благодарю за то, что он не ленивый и не пассивно настроенный. Но я ненавижу, как это медленно разделяет нас.

— Все хорошо, Майкл. Я просто разочарована. Я с таким нетерпением ждала, чтобы действительно провести эти несколько дней с тобой. Но ты прав. Я увижусь с тобой после рождества, и тогда мы сможем отметить праздник.

— Хорошо. Спасибо, что не устраиваешь истерику, как ребенок. С еще большим стрессом я сейчас просто не справлюсь. По возвращению я отдам тебе отличный подарок.

Он сжал мою задницу и отпустил меня, чтобы взять содовой из холодильника.

— Думаю, я останусь дома. Мне бы не хотелось ехать к твоим родителям без тебя. Мне кажется, это неправильно.

— Ладно, я скажу ей. Наверное, она даже обрадуется, что придется готовить на двух людей меньше. Проведаем их уже на выходных.

Я кивнула, надеясь, что он об этом забудет.

— Договорились.

— И так, канун нового года. Мы все еще идем на VIP-концерт группы, да?

Я закатила глаза. Ни разу не видела и не слышала группу Шторма. Даже не стала искать их в интернете. Я хочу испытать удивление, когда наконец-то услышу его музыку, увижу, как на сцене он делает то, что умеет лучше всего. Я хочу насладиться каждым моментом его игры. В отличие от меня, Майкл фанат этой группы уже пять лет, о чем я и не догадывалась. Он не может дождаться, чтобы увидеть, как они играют вживую, и я от этого чувствую вину и нервозность. Что он почувствует, если узнает, что один из его любимых гитаристов подкатывал к его девушке?

— Да, Шторм сказал, что все в силе. Мы будем сидеть с его двоюродным братом и

девушкой этого брата.

Видимо, концерт будет проходить в частном клубе, одном из тех, где они играли до того, как стали знамениты, с ограниченным входом для гостей. Шторм уверил меня, что зал будет забит сумасшедшей толпой визжащих девушек и металлистов, и повсюду будут стоять слушатели. Учитывая, что у меня клаустрофобия, я совсем не любитель концертов, но я более чем уверена, что смогу пережить его концерт без очередной панической атаки. По крайней мере, толпа людей ее точно не вызовет. Скорее у меня будет паника из-за всей этой истории, в которую я себя втянула.

— Я уезжаю утром. Почему бы нам не подняться наверх и не посмотреть телик в кровати?

Я кивнула, неохотно принимая кодовую фразу для «давай потрахаемся перед тем, как я уеду».

* — Отсылка к игре Монополия, где данная фраза написана на одной из карточек; получив в игре данную карточку, вы сразу попадаете в тюрьму.

В канун рождества я вытащила из шкафа искусственную елку и собрала ее. Я настаивала на том, чтобы не вешать никаких украшений, но на самом деле они делают меня немножко счастливее, потому что многие из них принадлежали моей маме и, смотря сейчас на них, светящихся и таких красивых, я вспоминала о ней. Поэтому я поставила елку, украсила ее, а потом развесила несколько елочных игрушек по всей гостиной. Моей любимой был керамический пряничный домик и рождественская елка, которая горит разными огоньками, сделала ее еще моя бабушка на уроке керамики, я в этом уверена.

Несколькими часами позже все украшения были развешаны, но в гостиной царил бардак. Я убрала коробку, в которой хранятся украшения, и потянулась за пылесосом. Пока я его доставала, подумала, что неплохо бы пропылесосить диван, потому что Майкл всегда ест лежа на нем. Я убрала подушки, и что-то бросилось мне в глаза. Я выключила пылесос и подняла эту вещь. Это был золотой браслет с зелеными камнями. Достаточно долго я просто пялилась на него, будто у браслета могли появиться губы и тогда он скажет мне, кому принадлежит. Это определенно не мой. Я не ношу желтое золото. Никогда. Еще с восьмидесятых. Я разглядела его поближе и поняла, что застежка сломана.

На меня нахлынуло нехорошее чувство. Что-то среднее между страхом и гневом. Желудок скрутило в узел. Мой мозг закрутился как хомяк в колесе. Кто сюда заходил? Шторм? Это точно не его. Эми? Она никогда бы не надела что-то настолько безвкусное. И оно определенно не выпало из задницы моего кота.

А может, оно было там еще, когда мы покупали этот диван. Продавщица или человек из доставки могли потерять.

Хотя я пылесосила диван ни единожды. По крайней мере, раз в месяц. Не представляю, как я могла не заметить его раньше. Оно лежало на видном месте, когда я убрала подушку.

Я взяла браслет в руку и сфотографировала его на телефон, и отправила Майклу со словами:

«ЧТО ЭТО ЗА ХРЕНЬ?»

Я швырнула его на край стола и убрала диван, как он должен стоять, но сначала проверила на наличие других доказательств. Ничего не нашла. Я легла на пол и заглянула под диван. И увидела нечто маленькое у другой стороны и достала это. Сквозь мой гнев прорвалась улыбка. Это та самая игрушка, которую Шторм купил для Хейло, когда я болела. Если по игрушке ударить лапой, она светилась красным светом. Наверное он закинул ее за диван. Я осторожно положила игрушку возле Хейло, который спал, несмотря на мою активную деятельность с украшениями и уборкой.

Телефон подал сигнал.

Майкл: «Браслет?»

Я: «Но чей??»

Майкл: «Даже не представляю. Что с тобой не так»

Я: «Я нашла его на нашем диване»

Майкл: «И?»

Я: «Ну, это не мой! Так чей же?»

Майкл: «Нет ни одной чертовой идеи. У меня нет на это времени»

О, ну нет, черт возьми. Я быстро набрала его номер и не четвертом гудке он ответил, но довольно тихим голосом.

— Эвелин, какого хрена с тобой происходит? Я сейчас на долбаной встрече, а ты присылаешь мне фотографии украшений?

— Я хочу узнать, кому оно принадлежит, Майкл!

— Я уже сказал тебе, что не знаю! Оно не мое.

— Ну, нет уж! Кого ты приводил в дом? Я каждый чертов раз убирала этот диван и этого дерьмового браслета там не было!

Иногда случается так, что вы буквально слышите, как другой человек думает. И сейчас один из таких случаев. Я отчетливо слышала, как работал его мозг.

— Ну?

— Ладно, теперь я вспомнил. Приходил Джим со своей подружкой. Должно быть, это ее.

Джим — парень, с которым он вместе работает и играет в гольф.

— И когда, черт возьми, Джим со своей подружкой были здесь?

— На выходных, пару недель назад. На самом деле, когда шла та метель. Это точно ее.

Он тут развлекался с друзьями, пока я была в ловушке в пикапе, практически замерзая до смерти. И терлась об очень сексуального рок звезду...

— Тебе, блядь, нужно успокоиться, Эв. Я работаю. Положи куда-нибудь браслет, я скажу Джиму, что мы его нашли. Все, мне пора.

Гудок.

Вот блин.

Мне стало немного стыдно за то, что так взбесилась. Но пока я сидела тут и смотрела на браслет, чувство тревоги по-прежнему висело надо мной. В первый раз с тех пор, как я встретила Майкла, я не была уверена, что он сказал мне правду.

Когда у меня стресс, мне необходимо чем-то занять свой ум. Многие терапевты

говорили мне перенаправить энергию на что-то позитивное. Вроде аэробики. Пеших прогулок. Готовки. Уборки. Иногда я достаю свою игровую приставку Wii и убиваю несколько часов, забывая о своих проблемах. Но сегодня я решила сделать с моим напряжением нечто совершенно другое. Нечто не свойственное мне — злобно-стервозное.

Я звоню Шторму.

— Эй, я думал, ты позвонишь мне вчера вечером? — люблю, что он не говорит «алло».

А сразу начинается разговор.

— Знаю, но я была занята. Нужно было сходить за покупками.

— Правда? Ты купила рождественский подарок и мне?

Его голос такой дразнящий, сексуальный и игривый. Он словно плывет по воздуху через телефон и распространяется во мне, как вирус. Его жар заполняет меня и мне становится тепло, сердце бьётся быстрее, а мозг успокаивается.

— Нет, у меня не было ни малейшего представления, что тебе купить.

— Достаточно перевязать бантом твою задницу, сладкая, и это будет лучшим подарком, чем те, что когда-то дарил мне Санта.

Мое тело переполнил восторг, а киска сжалась от его слов.

Он продолжил:

— Я приготовил для тебя подарок и вот почему мне нужно как-то с тобой пересечься.

Когда я смогу тебя увидеть?

Сейчас. Завтра. Каждый последующий день. Всегда.

— Эм, я не знаю.

— Что ты делаешь завтра утром? Я еду на рождественский ужин к бабуле. Могу заехать по пути к тебе.

— Мм, я буду дома. Можешь заехать в любое время. Но ты, правда, не должен мне ничего дарить.

— Но подарок уже у меня. И я хочу отдать его тебе. Майкл тоже будет дома? Может, купить ему бутылку вина или еще чего?

Я не смогла понять, он говорил искренне или с сарказмом.

— Нет, ему пришлось на несколько дней уехать из города.

— Ты, блядь, шутишь, правда?

— Если бы. Ему пришлось уехать из города по работе.

— Это хреново, Эви. Это же рождество. Какого хрена?

— Меня это уже самое достало. Поверь на слово.

— Так ты позвонила мне потому, что злишься на него? И вчера, когда я хотел поговорить с тобой, ты на него не злилась. Я прав?

Черт. Он видит меня насквозь. Я выдохнула.

— Я хотела позвонить тебе... Я пыталась сделать все правильно, сосредоточившись на нем.

— Я думал, ты собиралась подумать о нас.

У Шторма сейчас был такой голос, очень выразительный, я могла отчетливо представить, какое у него было выражение лица, когда он это говорил, пусть я его и не видела. Просто знала, что в эту самую минуту он не улыбался, а глаза приобрели темный оттенок, и скорее всего, он стиснул зубы.

— Шторм, я думаю о тебе, и о нас, чем бы это ни было. Не могу не думать. Но я состою в отношениях с ним.

Должно быть, у меня развились какие-то сверхспособности, потому что я снова слышу мысли Шторма.

— Ты все еще трахаешься с ним?

— Шторм! Какого черта? Ты не можешь спрашивать о таком.

— Почему нет?

— Потому что это грубо и личное, вот почему.

— Мне не нравится сама мысль о том, что он трахает тебя.

— Тогда не думай об этом. И ты мог бы перестать говорить «трахать»? Это мерзко.

Кстати говоря, а кого трахаешь ты? Я видела твои снимки в журнале на прошлой неделе с какой-то чикой. У нее буфера больше, чем моя голова.

— Она не единственная.

— Точно.

Наше молчание «установилось» друг на друга в виртуальном пространстве, сражаясь, хотя мы оба знали, что не стоит ссориться, а ревность недопустима. Но вот она, ревность, поднимает свою уродливую зеленую голову. А минуты затяжного напряжения все шли.

— Эви, я не хочу ссориться. Я просто хочу отдать тебе подарок.

— Ты это начал, — да, мне пять лет.

— Ладно, думаю, я перешел черту. Я не привык испытывать ревность. Дай мне немного остыть.

— Она — твой аромат на эту неделю?

— Ты ревнуешь, я прав? — торжественно произнес он, будто победил.

— Нет. Если она запала тебе в душу, это замечательно.

— Я хочу запасть тебе.

Никто никогда не мог заставить мое сердце остановиться с помощью одних слов. Но он может, каждый раз. Я закрыла глаза и наслаждалась этим ощущением на несколько секунд. Это чувство, когда ты желанна и необходима. Это новое чувство. Опыняющее.

— Если ты уже оклемалась от обморока после моих слов, вернемся к тому, когда я смогу тебя увидеть. Я придумал план получше.

Упала в обморок? И вовсе нет.

— Даже спрашивать страшно, — сказала я и плюхнулась на диван.

— Поехали со мной.

— Куда с тобой?

— К бабуле.

— Что? Нет. Я не могу поехать на рождественский ужин к твоей семье. Я их даже не знаю.

— Да, можешь. Ты отлично проведешь время. Они с удовольствием с тобой познакомятся.

— Неприлично заявляться в чужой дом на семейный праздничный ужин, Шторм. Я не могу.

— Ты не чужая. Ты мой друг. И моя семья не из таких. Поверь мне. Рождество для друзей и семьи. Скажи, что ты поедешь. Ты не можешь сидеть на рождество одна дома. Это полная лажа. Тебе есть еще куда пойти?

Я взглянула на маленький пряничный домик на своей каминной полке.

— Нет, нету.

— Значит, решено. Я заеду за тобой в десять. Все будут в обычной одежде, так что тебе

не обязательно наряжаться. Мы будем болтать в гостиной перед камином и поедем в столовой. Это где-то в двух часах езды. Скорее всего, я не смогу отвезти тебя домой раньше девяти вечера. Бабуля любит дарить нам подарки и все в этом духе, поэтому убедись, что оставила коту дополнительную порцию еды и воды. Я не хочу, чтобы ты об этом переживала, когда мы поедем. Хочу, чтобы тебе было весело.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я убрала со своих штанов какую-то нитку. Провести рождество с семьей Шторма представлялось мне чем-то волнительным и немного пугающим. Хотя, сидеть дома одной будет куда хуже.

— Ты уверен, что это ничего? — еще раз спросила я.

— Уверен на тысячу процентов. Будут только мои родители, бабуля, может брат и сестра. И Нико.

Я улыбнулась от мысли, что снова увижу Нико.

— Только, если ты уверен, что это нормально. Я не хочу помешать вам или чтобы твоей семье было неловко. Мне что-то принести?

— Только свою попку перевязанную бантом.

— Шторм... — предупредила я.

— Ладно, ладно. Мы повеселимся, обещаю. Я рад, что ты едешь.

— А ты уверен, что не хочешь взять с собой ту сисястую?

Спросила я в шутку. У меня поднялось настроение и я уже предвкушала, что проведу завтрашний праздник не одна, сидя в депрессии. Когда я расскажу об этом Эми, она будет мной гордиться.

— Запомни то, что ты сказала сейчас, потому что, когда я завтра тебя отшлепаю, ты будешь знать за что.

Я уже пять раз переоделась. Продолжая говорить себе, что это не свидание. Вообще-то, я не уверена, чем это было. Наконец-то я остановила свой выбор на джинсах, черных сапогах и белом кашемировом свитере с V-образным вырезом. Поверх свитера я накинула черный переливающийся шарф. Думаю, так у меня одновременно и повседневный и праздничный вид. Еще я надела серебряные серьги-кольца и ожерелье с черным камнем, которое обвивала проволока из белого золота, оно принадлежало еще моей маме.

До этого я позвонила Майклу и сказала, что все еще злюсь на него за Приложение А — браслет. У меня не прошло то дурное предчувствие по поводу этого дешевого браслета, но я не позволю этому испортить мой праздник. Я сказала Майклу, что собираюсь со Штормом на рождественский ужин к его бабушке, и, мне кажется, его это даже не задело. Не то, чтобы я хотела заставить его ревновать, но все же. Не знаю, волнует ли его вообще, с кем я провожу время, или он так помешан на Шторме, что ему даже нравится мысль, что я тусуюсь с одним из его музыкальных кумиров.

Шторм появился у меня на пороге ровно в десять утра. В руках он держал коробку в серебряной подарочной бумаге с красным бантом. Мне стало неловко, что я ничего ему не приготовила. Так неудобно, когда кто-то дарит тебе подарок, которого ты не ожидал получить, а тебе и нечего дать в ответ.

— Вау, ты потрясающе выглядишь, — сказал он, когда я открыла дверь, даже не пытаюсь скрыть того, как его глаза проšliсь по моему телу.

— Спасибо... ты тоже хорошо выглядишь.

И это было правдой. Невероятно хорошо. Волосы блестящие и волнистые ниспадали всего на несколько сантиметров ниже плеч. На нем была черная рубашка на пуговицах, выцветшие джинсы и черные мотоциклетные ботинки. На шее висела серебряная цепь с большим черным крестом и еще несколько браслетов из черной кожи и таких же серебряных. Неожиданно я почувствовала себя совсем скромницей рядом с ним. Как сейчас, так и тогда, от понимания, что знаменитость подкатывает ко мне, я не могу не задаться вопросом, что, черт возьми, он делает. Он же никогда не зависал с такой девушкой, как я.

Он протянул мне коробку.

— Открой ее до того, как мы поедem.

Я забрала ее у него, радостно улыбаясь, не в состоянии скрыть своего волнения. Интересно, что же он мне приготовил. Зная его, это будет что-то шутливое и сексуальное или неуместное.

— Ты, правда, не должен был этого делать... — сказала я ему.

Он улыбнулся мне, как маленький ребенок.

— Открой.

Мы присели на диван, и я аккуратно развернула подарок. Я хотела сохранить его. Скоро он будет лежать в коробке в моем шкафу, вместе со всем, что мне дорого, это маленькие воспоминания, которые я собираю. Развернув подарочную бумагу, я сняла крышку. Чем бы это ни было, оно было скрыто под папирусной бумагой. Я отодвинула ее и достала то, что находилось под ней.

Святой Боже. Невероятно. Я осторожно перевернула его в руках и мое сердце просто воспарило. Я даже не могла подобрать слов, держа в руках этот удивительный подарок. Это снежный шар, а внутри крошечная миниатюра пикапа и двух людей, которые держатся за руки и собака, и все это в окружении деревьев. У маленького человечка были длинные волосы. Очевидно, Шторм заплатил какому-то талантливому парню, чтобы тот сделал это для меня.

— Я помню, ты говорила, что любишь снежные шары, — объяснил он. — Я подумал, будет круто, если в одном из таких будем мы.

Я держала шар между нами, наблюдая, как внутри снег падает на маленьких «НАС». Это настолько неожиданно и так мило. Мне захотелось забраться внутрь и вечно жить в этой милой сцене.

Я положила шар себе на колени и обняла Шторма.

— Он мне очень понравился. Спасибо тебе. Это один из лучших подарков, которые я когда-либо получала.

Мне не хотелось его отпускать. Я понимала, что слишком цепляюсь за него, но как же приятно быть в его объятиях.

Он обнимал меня так же крепко.

— Я рад, что тебе понравилось. Обычно я не так хорош в выборе подарков.

Я неохотно оторвалась от него:

— Он лучший, правда. Даже не могу передать тебе, как много это для меня значит, — я поцеловала его в щеку. — Я просто влюбилась в него.

Я встала, подошла к каминной полке и поставила на нее шар, рядом с маминым пряничным домиком.

— Он будет стоять у меня весь год, чтобы ты знал, — сказала я.

— Хорошо. Надеюсь в следующий раз, когда ты должна будешь позвонить мне, он

напомнит тебе это сделать, — поддразнил он.

В ответ я только покачала головой и взяла свое пальто.

— Я звоню тебе, когда получается.

Он забрал у меня пальто, удерживая так, чтобы я надела его. А потом он обнял меня со спины, притягивая к своему телу, его перекрещенные руки обнимали меня чуть ниже плеч.

— А где мой бант? — прошептал он.

Инстинктивно мое тело прислонилось к нему.

— Ты обещал хорошо себя вести.

— Я соврал, — его губы были на моей шее, нежно целуя. — Я не знал, что ты будешь так очаровательно одета.

Небольшая щетина на его лице щекотала мою кожу.

— Скажи, что ты думала обо мне, — проговорил он, а его руки двинулись вниз, к моим бедрам, притягивая нижнюю часть моего тела ближе к себе.

— Мы пообещали больше такого не делать, Штурм.

Его губы были повсюду, они целовали, облизывали и посасывали мою шею. У меня голова пошла кругом, стирая границы между добром и злом, хорошей девочкой и плохой.

— Мне больше не нравится это обещание.

Его руки сильнее сжали мои ноги, медленно передвигаясь между ними, его губы переместились на мое плечо, а мой свитер сполз в сторону. Другой рукой он взял мой шарф и медленно обернул его вокруг моей шеи, слегка потянув, чтобы я откинула голову назад, на него. Из моего горла вырвался крошечный стон, я попыталась отстраниться, но он потянул сильнее, он не душил меня, но удерживал напротив своих губ.

— Мне нравится, что тебе это нравится. Ты не можешь сбежать.

Его рука переместилась между моих бедер, а палец поглаживал меня, надавливая через ткань джинсов.

— Я чувствую, что ты уже влажная, — прошептал он.

Я практически растворилась в его чувственности. У меня не было никакой защиты против него. И я понятия не имела, как должна на это реагировать. Двенадцать лет обыденного секса превратили меня практически в вечную девственницу. Я стояла неподвижно, напуганная, замороженная, дрожащая. Такая жалкая. Мне хотелось развернуться и позволить ему делать все, что он захочет. Все. Я хотела оказаться под ним и быть ничьей, но только его. Его, его, его.

Я развернулась в его объятиях, лицом к нему. Его глаза потемнели от похоти, волосы упали ему на лицо как раз так, как мне нравилось. Я схватила его за рубашку. Она была растегнута почти до середины груди. Не очень-то соответствует рождественскому ужину, но определенно горячо. Наконец, я позволила своим губам коснуться его груди, мой первый поцелуй на его теле. Он взял мое лицо в свои руки так, чтобы я посмотрела на него.

— Да, детка... — выдохнул он. — Позволь себе хотеть меня.

Его дыхание стало прерывистым, его руки запутались в моих волосах, притягивая мою голову ближе к нему. Его губы обрушились на мои, пожирая меня.

Это он отстранился. Немного отошел назад. Но глаза по-прежнему удерживали меня, ... ласкали меня... желали меня.

— Блядь, — сказал он громко, но не крича. — Я не стану этого делать с тобой, Эви. Ты меня возненавидишь, возненавидишь себя и нас.

Я кивнула в ответ со слезами на глазах. Я размотала с шеи шарф и поправила свитер. В

принципе, я уже ненавидела себя.

— Я не хочу, чтобы он «нависал» над нами. Не хочу, чтобы он стоял между нами.

— Я знаю, извини.

— Мы можем повторить этот разговор тысячу раз, Эви. И я могу продолжить делать это с тобой. Но я не хочу.

— Шторм, я пытаюсь. Пытаюсь.

— Я знаю, что пытаешься. И я тоже. Я могу уйти отсюда и никогда больше тебя не увидеть, я оставлю тебя здесь, с ним. Так для тебя будет проще?

Эта мысль напугала меня до чертиков. Я могу потерять его. Очевидно же, он не станет ждать вечно, пока я приму это идиотское решение.

— Нет, я этого не хочу. Я буду безумно по тебе скучать. И всегда буду думать о тебе.

— А о нем? Если ты бросишь его, будешь ли так же безумно скучать по нему?

Меня восхищает то, что Шторм не боится задавать вопросы. Он просто спрашивает. Он уповал, что получит тот ответ, которого ждал, и «проглатывал», если ответ был иным.

Мне было стыдно отвечать на этот вопрос, и я сама не очень верила в то, что собиралась сказать. Мой ответ казался мне таким расплывчатым из-за того, как он действует на меня? Какая часть того, что я чувствую только волнение и желание?

— Думаю, твое молчание говорит само за себя.

— Нет, — я взяла его за руку. — Это не ответ. Я не думаю, что буду скучать по нему. Не так, как по тебе. Я буду скучать по воспоминаниям, проведенному вместе времени. Я боюсь, что ты причинишь мне боль. Мне страшно, что для тебя это просто как экстремальный аттракцион, и когда мы выйдем за предел наших ограничений, все закончится. И ты начнешь ухлестывать за кем-то еще, а я останусь с разбитым сердцем.

— Мне не пятнадцать, Эви. Я знаю разницу между желанием трахнуть кого-то и настоящими чувствами по отношению к кому-то.

Он подошел ближе, глядя мои волосы.

— Поехали. Рождество все-таки. Можем поговорить про трах и настоящие чувства позже, согласна?

Меня просто поражает его способность смены одной темы на другую. С ним это не то, с чего вы начали или на чем остановились. Он просто ставил происходящее на паузу, отодвигал в сторону, а позже, в более подходящее время, возвращался к этой теме. Не могу сказать наверняка, это хорошая черта его характера или то, что, в конечном счете, будет сводить меня с ума.

Увидеть Нико на заднем сидении машины стало для меня еще одним радостным моментом этого дня. Как же я скучала за этим огромным, пушистым монстром. Когда я села в грузовик, он завилял хвостом и немного повыл. Не сомневаюсь, что он меня помнит.

— Мне его не хватало. Он отличный пес, — я погладила его большую, пушистую голову, пока Шторм выезжал с парковки. — Думаешь, он меня помнит?

— Конечно, помнит. Посмотри, какой он счастливый.

— Оуу... — произнесла я. Даже не сомневаюсь, что буду вся в его шерсти, но меня это не беспокоит.

— Думаешь, он смог бы подружиться с Хейло, останься они сами? Если будут вместе? — он попытался задать это вопрос так, словно это обычное дело, но я на это не купилась.

На мгновение я над этим задумалась. Он думает, что я думаю, о чем он думает?

— Ам, я не знаю. Хейло никогда не видел собак прежде, но я уверена, если Нико не будет его ловить, они смогут ужиться.

Он кивнул, глядя в ветровое стекло.

— Мне просто стало любопытно.

Я хотела спросить, о чем он думает, но не хотела снова раскачивать лодку, не сегодня. Он потянулся через коробку передач и взял меня за руку, положив наши переплетенные руки на мою ногу. Я тяжело сглотнула и взглянула на него.

— Шторм..

Он мельком глянул на меня и вернул взгляд на дорогу.

— Эви, это то, что мы привыкли делать. Мы держимся за руки. Я от этого не откажусь.

Я крепче сжала его пальцы. Такое простое прикосновение, переплетённые руки. Даже маленькие дети так делают. Это первый шаг в проявлении симпатии с кем-то, когда ты молод. Держать в своей руке руку того человека. В нашем возрасте такой жест не должен нести столько смыслового подтекста. Большинство пар нашего возраста сразу переходят к диким поцелуям и сразу ложатся в постель. Наши ухаживания продвигаются не спеша. Они прячутся по темным углам. Проглядываются в незначительных касаниях, превращаются в порывистые эротические мгновения, а затем снова прячутся. Это одновременно и сладко и грязно, и это табу.

— Наверное, я должен рассказать тебе немного о моих родителях, — сказал он.

— А? — мои нервы заняли позицию боевой готовности, а в желудке появилось неприятное жжение.

Он сделал глубокий вдох.

— Мой отец Ронни Вейл. Мой дядя Винс Вейл. А моя мама Ария Валентайн.

От этих имен у меня схватило желудок. Он просто шутит.

— Шторм, пожалуйста, скажи мне, что ты шутишь?

Он покачал головой и улыбнулся мне уголком губ.

— Я абсолютно серьезен.

— Ронни и Винс Вейлы — музыканты семидесятых? И автор известных романов Ария Валентайн?

— Ага.

Поверить не могу, что он не сказал мне этого раньше. Эти люди довольно-таки известные личности. Помню, как еще родители слушали песни Вейлов во время длительных поездок на машине. Эти песни до сих пор крутят по радио, и они были во всех сборниках Песен 70-х. Я прочла практически все романы Арии Валентайн и видела большинство фильмов, которые сняли, взяв за основу ее произведения. Конечно, фильмы никогда не станут лучше книг, но я все равно смотрела их просто, чтобы увидеть, как влюбленных персонажей ее книг воплотили в жизнь.

— Как ты мог не сказать мне об этом? Ты не можешь позволить мне просто так войти в дом таких известных людей, Шторм. Я не принадлежу их миру.

Он сильнее сжал мою руку, чтобы я не смогла отпустить его.

— Эви, это одно из тех качеств, которые мне в тебе нравятся, ты не думаешь о деньгах и славе. Ты не думаешь об этом, как о возможности что-то получить. Вот как сейчас. Ты не прыгаешь от предвкушения встречи с известными людьми. Ты хочешь вернуться домой. Я слышу это в твоём голосе. Тебе насрать, кто я. Мне пришлось уговаривать тебя, чтобы ты

согласилась прийти на мое вступление на следующей неделе. И мне кажется, ты делаешь это только потому, что твой отморозок парень наш фанат.

Он сделал паузу и продолжил:

— Я не хочу быть с охотницей на звезду и я не подпускаю их близко к своей семье. Когда я не на сцене или со своей семьей, мы самые обычные чертовы люди. И не хотим быть другими. Ты первая девушка, которую я привел домой за последние двенадцать лет.

— Я не та девушка, которую ты должен приводить домой, Шторм. У меня есть парень. Что они обо мне подумают? Ты, наконец, привел домой девушку, а она живет с другим мужчиной? Я не могу этого сделать.

— Эви, не изматывай себя подобными мыслями. Все они уже о тебе знают. Они в курсе, что ты не моя девушка, и мы просто друзья. Пока друзья.

Он посмотрел на меня и подмигнул. Я покачала головой. Не уверена, что смогу это сделать. Его мама решит, что я шлюха. Живу с одним мужчиной, а рождество провожу с ее сыном. Скорее всего, я закончу тем, что стану одной из героинь ее нового романа, как недалекая девушка, которая не может совладать со своей жизнью и все время только ноет и мечется между двумя мужчинами, пока оба не решили дать ей пинка под зад.

— Остановись, Эви. Выкинь из головы этот бред, хорошо?

Он потянул мою руку к себе и быстро поцеловал кончики моих пальцев, тот самый жест, от которого я каждый раз таю.

— Мы хорошо проведем время. Никто никого не судит. У меня классная семья. Никто из нас не идеален. Мои родители как чертовы хиппи. Они не такие богатые снобы, которых ты видела по телевизору. Я бы ни за что не привел тебя в дом, если бы они такими были, и не допустил, чтобы тебе пришлось пройти через такое дерьмо.

Я чувствовала, как все больше и больше растворяюсь в нем. Я знала, что он делает это нарочно, чтобы заставить меня уйти от Майкла. Каждый раз, когда Майкл налаживает, появляется Шторм и все становится лучше. Но даже я знаю, что когда-то и Шторм допустит ошибку.

У бабули Шторма был очень красивый дом в стиле ранчо, в форме английской буквы «L». У парадного входа деревья и кусты были украшены голубыми гирляндами, а белые фонари линией стояли вдоль подъездной дороги и переходной дорожки к дому. Все такое очаровательное и уютное, как Шторм и описывал мне, пока мы ехали сюда. Я пожалела, что не испекла печенье или пирог, или не захватила с собой бутылку вина. Хоть что-нибудь. Надеюсь, его семья не посчитает меня неблагодарной девкой легкого поведения, которая заявила к ним на семейный ужин и у которой не хватило хороших манер даже на то, чтобы принести с собой подарок. Меня передернуло от мысли, что подумала бы мама. Она воспитывала меня лучше.

Шторм открыл дверь с пассажирской стороны и подал мне руку, чтобы помочь выйти из его грузовика. Мы наблюдали за тем, как Нико несколько минут бегал по двору, а потом помчался к входной двери, тогда остановился, повернулся и подарил мне свою самую неповторимую улыбку, на которую только был способен.

— Не нервничай, детка. Это мой дом. Если... и да, я, блядь, говорю, если мы когда-нибудь будем вместе, то будем проводить здесь много времени. Это то, чего я хочу. Хотя, стоит предупредить тебя, бабуля не дожждётся моих внуков.

Я смотрела на него с открытым ртом.

— Чувак, я еще не готова обсуждать детей.

— Не зови меня чуваком. Хотя я тоже не готов. Но однажды, может быть... — он изогнул свои брови в мою сторону.

В этот момент открылась входная дверь и крошечная, седовласая женщина показалась в проеме. И я имею в виду, что она еще ниже меня, не выше метра и пятидесяти трех сантиметров. Выглядела она восхитительно и сияла при виде нас.

— Заходите, заходите же! — Нико побежал мимо нас и, в ожидании, сел у ног бабушки Шторма, когда мы вошли в холл и закрыли за собой дверь. Она протянула псу лакомство в виде Санты.

— Вот, а теперь беги и найди свою косточку. И будь хорошим мальчиком.

Она развернулась к нам:

— Ты, должно быть, Эвелин! — она взяла меня за руки. — Я столько о тебе слышала, милая! Как я рада, что ты здесь! Шторм говорил о тебе, не останавливаясь...

— Бабуль! — вмешался Шторм, хотя и улыбался от уха до уха. Он наклонился и поцеловал ее в щеку. — Ей не обязательно все это слышать.

— Конечно, обязательно, дорогой! — она снова взяла мою руку в свою. — Пойдем на кухню, познакомишься со всеми!

Я оглянулась на Шторма, когда бабушка потянула нас на кухню. Он улыбнулся и подмигнул мне.

Дом просто великолепен, он в очень уютном и житейском стиле. Кухня же современная с чудовищно огромным столом посередине. Небольшая группа людей смеялась, сидя в углу стола, и бабуля спокойно повела меня к ним. Все подняли взгляд на нас и улыбнулись.

Шторм встал рядом со мной.

— Привет, ребята, я хочу познакомить вас с Эвелин. Эви, это мой отец Ронни, моя мама Ария и моя младшая сестренка Рейн.

Хм, Шторм и Рейн. Мне определенно нравится.

Все улыбались и одновременно поздоровались со мной.

— Спасибо большое, что пригласили меня... я очень рада знакомству со всеми вами.

Слава Богу, я не заикалась, как обычно бывает, когда я волнуюсь.

Все встали на ноги для полноценного приветствия и по очереди стали нас обнимать.

— Эвилин, мы рады, наконец, с тобой познакомиться, — сказала Ария Валентайн, целуя меня в щеку. Эта женщина просто великолепна. У нее длинные волнистые волосы, хорошая кожа и изумрудно-зеленые глаза, как у кошки. В Шторме очень много от нее.

Я, конечно же, узнала Ронни Вейла, отца Шторма, ведь видела его по телевизору, по крайней мере, сотню раз. Он высокий, привлекательный и в хорошей физической форме. Его длинноватые седеющие волосы завязаны в аккуратный низкий хвостик. Он обнял меня, а затем быстро оглядел сверху вниз.

— Шторм, а ты не шутил, когда сказал, что она красотка.

Боже мой. Кажется, я покраснела. Шторм только пожал плечами.

— Папа, из-за тебя ей неловко! — встряла Рейн, закатив глаза.

Она так же красива, как и ее мать, и очень миниатюрная. У нее крашенные угольно-черные волосы с фиолетовыми прядями. На ней объемный не по размеру свитер без горловины, под свитером был фиолетовый топик и узкие джинсы с дырками на коленях. Даже в повседневной одежде она придерживалась своего крутого стиля. Интересно, она тоже на чем-то играет? По виду она точно была в теме.

Мы все перешли в гостиную, где в углу в каменном камине горел и потрескивал огонь. Я села в большое уютное кресло у огня, а Шторм опустился на пол передо мной, прислонившись спиной к моему креслу. Его рука соприкасалась с моей ногой. Я огляделась на то, что меня окружало. Большая рождественская елка стояла в самом углу, и доставала практически до сводчатого потолка. На ней были красивые стеклянные игрушки и гирлянда, которая светилась приглушенным светом. Под елкой лежала целая куча упакованных подарков. Нико улегся в нескольких метрах от рождественского дерева и грыз свою косточку, длиной около метра, с красным бантом на конце.

Журнальный столик был уставлен свежими фруктами, трюфелями, крекерами и сыром. Все было таким красивым, что было жалко есть. Родители Шторма сидели на двухместном диванчике напротив нас, его отец приобнял рукой маму Шторма, а она прислонилась головой к плечу мужа и улыбалась нам. Я помню, как Шторм рассказывал мне во время метели, что его родители нашли свою истинную любовь, и он был прав. Можно буквально ощутить эту любовь между ними, по их улыбкам и близостью.

Рейн сидела на полу у камина, поджав ноги в индийском стиле.

— Я считаю то, как вы двое познакомились, просто удивительно, — сказала она. — То есть, кто, черт возьми, может застрять в грузовике на два дня! Так эпично! Мам, ты должна написать об этом в одной из своих книг.

— Нет, не должна, — сказал Шторм, в шутку толкая ногой сестру.

Ария тепло улыбнулась:

— Некоторые события должны оставаться личными, Рейн. Шторм не хочет, чтобы любовь его жизни оказалась на страницах книги, как и ты не хочешь этого для себя.

Любовь жизни? Чего?

Шторм подал мне печенье со стола и обратился к сестре:

— Поверь мне, все не было так уж весело, малышка. Мы чертовски отморозили себе

задницы.

— И ты правда не знала, кто он такой? — спросила она меня.

Я покачала головой и проглотила кусочек шоколадного печенья.

— Нет, не знала. Вообще-то, сначала я решила, что он какой-то психопат-убийца. Когда он впервые передо мной показался, я закричала, чтобы он убрался подальше от меня.

— Да, а она подумала, что Нико — волк. Кричала благим матом, когда увидела его, — добавил Шторм.

— Эй, из всего, что мы знаем, в нем могут быть волчьи гены, — вставил Ронни. — С каждым разом, когда я его вижу, он становится все больше.

— Шторм, проконтролируй, чтобы в этот раз он не стащил мои тапочки! — прокричала бабуля Шторма из кухни.

— Бабуль, он грызет свою кость, будь спокойна. Скоро ты там, я проголодался.

Я не смогла сдержать улыбку и ощутила единство с этими людьми. Шторм сказал правду, они все такие дружелюбные и веселые, и ни капельки не снобы. Я уже не так сильно нервничала.

Я сжала плечо Шторма:

— А где уборная?

— Дальше по коридору, третья дверь слева.

Я извинилась и пошла по коридору. Дом оказался намного больше, чем казался снаружи. Я нашла уборную, дверь была приоткрыта сантиметров на пятнадцать, и горел свет. Мне показалось, что внутри никого нет, поэтому я толкнула дверь, и она открылась, и тогда я врезалась прямо в Шторма.

Это Шторм, но не он. На парне было только полотенце и все тело покрыто татуировками, но не такими как у Шторма. Его длинные волосы ниспадали по плечам, а с них по телу стекала вода, оно было такое же мускулистое, как и тело Шторма. Я остановилась как вкопанная и подняла на него взгляд, совершенно растерявшись. У него темно-карие глаза, как шоколад, но в них не было озорства Шторма. Эти глаза такие темные, даже грустные.

— О, Боже! Извините! — сказала я, смутившись. Я не знала, куда смотреть или уйти.

Он попросту уставился на меня:

— Кто ты такая, черт возьми?

— Гм, я Эвелин.

— Снежная цыпочка?

Что? Вот, как они меня называют? И почему Шторм не сказал мне, что у него есть брат близнец?

Я скорчила гримасу, которую старалась никогда не делать.

— Да, думаю, она самая.

— Снова потерялась?

Уфф.

— Нет, я искала ванную.

Он крепче подтянул полотенце на талии, а я старалась не смотреть на полугололого парня прямо перед собой.

— Ну, ты ее нашла.

— Я это вижу. Извини, я не знала, что тут кто-то был. Дверь была открыта.

— Да, я приоткрыл ее, чтобы проветрить от пара.

Он смотрел на меня, но не улыбался. Мне не нравится, что у этого парня лицо Шторма. Совершенно не нравится.

— Ну, эм, я лучше вернусь.

Я повернулась к двери.

— Я уже закончил. Она твоя, Снежная цыпочка. — Он протолкнулся мимо меня, его влажная рука задела мою грудь.

Я закрыла за ним дверь. Господи. Лучше бы Шторм предупредил меня, что у него есть брат близнец, это бы уберегло меня от сердечного приступа при нашем столкновении. Я и так достаточно напугана, чтобы еще и клон Шторма слонялся поблизости.

Я воспользовалась уборной и проверила свой вид в зеркале перед тем, как вернуться в гостиную. Откинувшись в кресле, я зашептала Шторму на ухо:

— Ты не говорил, что у тебя есть брат близнец.

— У меня его и нет. — Он поднес клубнику к моим губам.

Я откусила половинку, а он съел оставшуюся часть, не прерывая нашего зрительного контакта. Для меня совместное лакомство фруктами никогда не было таким сексуальным.

— Тогда с кем я только что столкнулась в ванной, полуголый парень выглядел как ты?

Он проглотил свои половинку клубники.

— Это Ашер. Он на год меня старше. Но мы очень похожи.

— Святое дерьмо. И ты не мог меня предупредить.

— Я забыл.

— Он назвал меня Снежной цыпочкой!

Шторм начал посмеиваться.

— Что там такого смешного, вы двое? — спросил Ронни.

— Эвелин столкнулась с Ашером, и он назвал ее Снежной цыпочкой.

Все рассмеялись. Не надо мной, слава Богу, но, кажется, что-то в этом их изрядно развеселило.

— Дорогая, он всем дает прозвища, — объяснила Ария. — Не принимай это слишком лично. Он абсолютно безвредный.

— И пьяный, — добавила Рейн.

— Рейн, не начинай, — предупредил Шторм. Она скорчила ему рожицу, и я захихикала. Вот бы и у меня была младшая сестра.

Весь ужин состоял из пяти блюд. К третьему блюду я так наелась, что едва могла съесть что-то еще. Я попробовала все, чтобы быть вежливой, хотя не привыкла столько есть. Шторм буквально выел все, а потом доел и то, что оставила я. Ашер не присоединился к нам на ужин, и мне стало любопытно, в чем его проблема и где он прячется, и почему. Надеюсь, это не из-за меня. Может быть, он не хотел, чтобы на рождество с ними была незнакомка. Или, возможно, как намекнула Рейн, он где-то зависает и напивается.

После ужина Ария подошла ко мне и предложила устроить экскурсию по дому. Я согласилась и позволила увести себя из комнаты.

— Mam! Не рассказывай ей ничего постыдного обо мне! — прокричал Шторм нам вслед.

— Я только покажу ей детские фотографии, на которых ты голышом! — прокричала она ему в ответ, беря меня под руку.

— Не хочу показаться какой-то фанаткой, но я читала все ваши книги, — сказала я ей. — Я и представить не могла, что вы мама Шторма. Он сообщил мне об этом только по

дороге сюда.

— Спасибо. Если ты какую-то еще не читала, скажи мне, и я дам тебе, какую захочешь. Я почти закончила написание последней. И с радостью отправлю тебе один экземпляр до того, как она попадет в продажу.

— Ух, спасибо вам!

Через кухню мы прошли в другую часть дома, в красивую комнату, в которой все стены были из стекла. Она взяла меня за руку, и мы сели на длинный белый диван. Должна признать, семья Шторма очень любящая. И это нисколько не раздражает. Вообще-то, это даже располагает к себе.

— Тебе здесь весело? Мы так рады, что Шторм пригласил тебя приехать.

Я кивнула.

— Да, здесь хорошо. Я тоже рада, что приехала. Сначала не хотела ехать, но Шторм очень настойчивый.

— Да, он такой. Это одна из его многих черт характера.

— Ему очень повезло, что у него есть все вы.

— Нам с ним тоже повезло, — она наклонилась ко мне. — Твои родители умерли, когда тебе было семнадцать? — тихо спросила Ария.

Я немного опешила. Я никогда не рассказывала Шторму об этом.

— Да, они попали в аварию, — сказала я, глядя себе под ноги. Я не любила говорить о своих родителях, особенно с теми, кого едва знала.

— Эвелин, я хочу, чтобы ты знала, что мне пришлось проверить информацию о тебе. И до того, как ты расстроишься, пожалуйста, пойми, что я сделала это только потому, что люблю своего сына. Мне нужно было узнать, было ли в твоём прошлом что-то... ну, плохое.

Ой. Даже не знаю, как на такое и реагировать. Она наводила справки обо мне? Неужели думала, что я преступница?

Ария продолжила:

— Я хотела бы извиниться за вторжение в твою личную жизнь. Непросто быть матерью и смотреть, как страдает твой ребенок. Шторм через многое прошел. Все они. Одно дело, если они ходят на тусовки и просто развлекаются с девушками, что, конечно, я не оправдываю как достойное поведение, но совсем другое, когда я вижу, что они относятся к кому-то серьезно. Мой первый инстинкт — узнать об этом человеке все, что смогу. Думаю, проверкой фактов во мне руководит писатель.

Я кивнула в знак понимания.

— Все нормально. Я понимаю, почему вы это сделали. Я не стану обижаться на вас.

Она посмотрела на меня с явным облегчением.

— Я сочувствую твоей утрате. Я не ожидала, что услышу что-то настолько трагичное.

— Благодарю, — я приковала взгляд к своим рукам, которые лежали на коленях. — Это произошло давным-давно. Хотя мне очень их не хватает. Особенно мамы.

— Если тебе когда-то что-нибудь понадобится или захочется поговорить, звони мне. Я говорю серьезно.

— Я очень ценю это. Спасибо вам.

Она посмотрела в окно, что-то обдумывая.

— Матери не должны выбирать любимчиков, как ты знаешь. Но только между нами, Шторм всегда был моим любимчиком. Я люблю всех своих детей, но есть в нем что-то такое. Он всегда заставляет меня смеяться. У него невероятно доброе сердце и всегда было.

Когда Бритни умерла, он изменился. Я уже и не думала, что он когда-то снова будет счастлив.

Бритни. Теперь я знала имя девушки, на которой он женился.

— Он никогда не рассказывал об этом, — сказала я. — Но я читала о ней.

— Нет, он редко говорит о ней. Она была проблемной девочкой. Подростковая любовь всегда так беспокойна. Она положила на него взгляд и пошло-поехало. В ее семье было много проблем, бедная девочка. Отец-алкоголик, мать практически не появлялась дома. Думаю, в Шторме она увидела своего спасителя. И он очень старался, чтобы сделать ее счастливой. Эти ее ужасные перепады настроения: в один день она была жизнерадостной, а в другой — совершенно несчастной. Она давила на него. Ей всегда было мало. Я думаю, она подтолкнула его к свадьбе, таким способом хотела отделаться от своих родителей. И мне неприятно это говорить, но мне кажется, она знала, что у нас есть деньги и думала, что вытасила золотой билет. Хотя наши дети всегда принимали решения сами. Мы никогда не баловали их деньгами. У Шторма и Бритни все стало только хуже, она начала принимать наркотики, изменяла ему, ей хотелось занять «место под солнцем». Новая машина, дом, путешествия. Она критиковала его музыку, его работу с мотоциклами — все, чем он занимался. А ему только хотелось быть любимым. Хотя, не думаю, что она когда-то его любила. Он был слишком юн, чтобы проходить через все это и нести ответственность за другого человека, который пребывал в нестабильном состоянии. Это очень на него повлияло. А беременность только подтолкнула ее к краю. Она повесилась в шкафу в их спальне, именно там он нашел ее. Это был кошмар наяву.

Я задержала дыхание и прикрыла рот рукой. От одной мысли об этом мне стало дурно во всех планах. Что пришло в голову бедной девушке, если она захотела покончить с собственной жизнью? А ее ребенок? Наверное, Шторм был совершенно опустошен.

— В течение долгого времени он обвинял себя в произошедшем. Обратился к наркотикам и алкоголю. У нас разрывались сердца, видя его в таком состоянии. Особенно сразу после того, как Ашер... Ну, это история для другого раза, дорогая.

Она мне слабо улыбнулась:

— Я знаю, тебе интересно, почему я привела тебя сюда, чтобы поговорить об этом, и я сделала это точно не для того, чтобы огорчить тебя. То, что случилось с тобой и Штормом, то, что вы застряли вместе в грузовике. Мне кажется, между вами возникла особая связь. Я права?

— Да, я знаю, как безумно это звучит, но так и есть.

— Он никогда не был, да и не хотел состоять с кем-то в отношениях уже много лет. Он сильно о тебе заботится, и я это вижу. Между вами есть химия. То, как он на тебя смотрит и прикасается, словно вы всегда были вместе.

— Ария, между нами есть кое-какая связь. Я не могу этого отрицать, но у меня уже есть отношения. Шторм говорил вам об этом?

Она медленно кивнула:

— Да, говорил. И я сказала ему, что он должен держаться подальше и уважать твои отношения. Но он ответил, что не может.

— Я боюсь, что он причинит мне боль, — призналась я. — Не уверена, что подхожу его миру.

— О, поверь мне, Эвелин, я тебя отлично понимаю. Я встречалась и вышла замуж за музыканта. Сама прошла через все это. Было ли мне легко? Нет. Стоило ли это того? Могу

поклониться, что стоило. Хотя такое не для каждой. Это непростой образ жизни, к которому нужно привыкнуть.

— Я просто не знаю, что делать. Я не была готова ко всему этому... встретить кого-то еще, испытывать к нему чувства... обдумывать разрыв отношений, которые длились двенадцать лет... быть самой по себе. Для меня встречаться с рок-звездой звучит так дико, простите.

Это правда. А я не могу врать его матери.

— Он полон любви, которую готов подарить другому человеку, Эвелин. Только взгляни на то, как он относится к своей собаке, ради всего святого.

Она рассмеялась, и я вместе с ней.

— Я только не хочу видеть, как ему снова сделают больно, Эвелин. И, могу сказать тебе, ты не из тех, кто способен на такое. Но тебе придется принять решение, милая. И я совсем тебе не завидую, потому что была точно в такой же ситуации.

Я вздернула голову вверх.

— Правда? Вы с кем-то встречались, когда встретили Ронни?

— Да. Я была помолвлена. Я встретила Ронни на концерте и влюбилась в него по уши. Через несколько недель я отменила свою свадьбу, родители отказались от меня, а я стала жить в задней комнате автобуса, в котором они ездили на гастроли. Хотя я очень любила Ронни. Не могла им насытиться. Ни с кем не чувствовала себя так, как с ним, и до сих пор чувствую. Бывает так, что правильный человек появляется в неподходящее время, тогда нужно довериться судьбе и верить, что она поведет тебя в правильном направлении и все наладится.

— Вам очень повезло. Шторм восхищается теми отношениями, что между вами и вашим мужем. Он говорил о вас, когда мы сидели в грузовике.

— Я очень счастлива. И думаю, что ты тоже будешь, — она погладила мою руку. — Пора возвращаться к ним. Уверена, бабушка уже принесла десерт. Я просто хочу, чтобы ты знала, что в нем намного больше, чем то, что ты видишь сейчас. Можешь поговорить со мной в любое время, если понадобится, я настаиваю. И искренне надеюсь, что однажды ты станешь частью нашей семьи. Хочется, чтобы мои мальчишки немного остепенились.

Мы встали, и я крепко ее обняла:

— Спасибо вам большое, Ария. Я не причиню ему боль.

Вернувшись в гостиную и заняв свое место рядом со Штормом у моих ног, я почувствовала себя как дома. Все это так напоминало мне о детстве. Это то, по чему я скучала и чего хотела. Семья, дом полный любви и смеха.

Его бабушка приготовила нам горячий шоколад, точно такой, который описывал Шторм во время метели, а потом они открывали свои подарки. Тогда показался Ашер, стоял в дверном проёме. Он улыбался, но улыбка не касалась его глаз. Мне было непросто смотреть на него, практически зеркальное отражение мужчины, в которого я влюбилась, и такого печального. Я уверена, что он вокалист в их группе, и теперь мне довольно интересно посмотреть на него на сцене, на следующей неделе. Я всегда считала, что солисты общительные люди, но Ашера совсем таким не считаю.

Мне было жаль уезжать, когда вечер подошел к концу. Его семья расцеловала меня и обняла на прощание, пообещав, что мы скоро увидимся. Ну, все, кроме Ашера, который только кивнул мне.

— Я рад, что ты приехала сегодня.

Мы припарковались напротив моего дома и сидели в темноте. От всей съеденной еды и долгой поездки домой я была сонной.

— Спасибо, что пригласил меня. Я отлично провела время. У тебя потрясающая семья.

— Ты им понравилась.

— У твоего брата был грустный вид. Он в порядке?

— Он гонится за призраком. Но с ним все будет хорошо.

Я наклонила голову, не совсем понимая его.

— Эту историю я расскажу в другой раз, детка. Хотя у него все хорошо. На следующей неделе познакомишься с остальными моими братьями. Тэлоном и Майком. А еще с моими кузенами: Вандалом и Лукасом.

Ничего себе. Еще братья и два кузена. Будем надеяться, не все они похожи на Шторма. Но имена мне очень понравились. Когда мы с Эми были моложе, мы придумали теорию, согласно которой каждый человек с крутым именем обязательно должен быть красавчиком и крутым по умолчанию. И мы до сих пор не нашли доказательств, чтобы опровергнуть эту теорию.

Прощаться со Штормом становится все сложнее. Мне кажется таким неправильным то, что сейчас нам нужно расстаться. В своем сердце я чувствую, что мы должны пойти вместе домой и уснуть в объятиях друг друга.

Он ворвался в мои мысли:

— Я уезжаю в тур на две недели.

— Ладно...

— Мы мало гастролируем. Никто из нас не хочет превращаться в мега группу, которая беспрерывно разъезжает в туре. Поэтому мы едем где-то на два месяца, иногда три, в год, а потом устраиваем несколько концертов то тут, то там. И еще несколько небольших выступлений.

Я кивнула, пытаюсь проникнуть в смысл сказанного. Это его жизнь, та часть, о которой я ничего не знаю. Часть, которая больше всего меня пугает. Мне нравится видеть его таким, как сейчас, когда он обычный парень с грузовиком, который держит меня за руку.

Он коснулся моего подбородка и повернул мою голову к себе.

— Я буду тебе звонить и писать каждый день. Если ты этого хочешь?

— Да. Я была бы рада.

— Я хочу подняться к тебе домой. Не хочу возвращаться к тому, что было.

Мне придется сделать свой выбор. В глубине своего сердца я уже знала, что представлял собой этот выбор. Мне осталось только прийти к этому решению головой.

— Эви, тебе нужно перестать жить в страхе. Ты не сможешь увидеть звезд, пока бредешь в темноте. Ты понимаешь, о чем я?

— Ого, Майкл, а ты оказывается конкретно фанатеешь от этой группы, да? Мне кажется, или ты уложил волосы гелем? Необычно, — Эми удивленно приподняла брови и шуточно потрепала волосы Майкла.

Она посмотрела на меня и подмигнула. Я послала ей предупреждающий взгляд, чтобы она хорошо себя вела. Эми это давалось непросто, она любила подкалывать и раздражать людей. Сейчас я даже не была уверена, правильно ли решила, взяв ее с нами на концерт, у меня просто не было времени, чтобы хорошенько все обдумать. Она знала о ситуации между мной и Штормом, а эта встреча только поспособствует потоку ее бесконечных насмешек. А мне и так уже достаточно неловко от того, что я буду под одной крышей с Майклом и Штормом.

Майкл достал из шкафа наши пальто в коридоре. И передал мое мне.

— «Эшес и Эмберс» на протяжении нескольких лет остаются моей любимой группой. Они офигительно крутые. Таких отличных рок-групп больше нет. Это, своего рода, вымирающий вид. Гребаный Шторм тоже умеет лабать на гитаре, — он повернулся ко мне. — Ты слышала, как он играет вживую?

Я натянула пальто и подобрала волосы из-под воротника.

— Нет, у него вроде как не было с собой перекинутой через плечо гитары, когда мы застряли на заднем сидении грузовика посреди метели века. Извини.

Я еще раз проверила свой внешний вид в зеркале перед тем, как мы ушли. Думаю, мой вид и наряд были совершенно невзрачными по сравнению с короткой юбкой Эми, ее длинными ногами, десятисантиметровыми шпильками и глубоким вырезом. Не говоря уже о красивом лице и волосах. Стоя рядом с ней, в своих узких джинсах, черных ботинках и черной шелковой блузке-крестьянке, я чувствовала себя так... посредственно. По внешнему виду у Эми было больше шансов стать подружкой рокера, чем у меня.

По дороге к месту проведения концерта Майкл с Эми болтали без умолку, а я погрузилась в свои мысли. Я с нетерпением ждала, когда увижу, как Шторм играет вживую, увижу его в своей настоящей стихии. Еще я чертовски нервничала от мысли, что он встретится с Майклом. Мне была ненавистна сама возможность того, что я втянула себя... что я влюбилась в мужчину, встречаясь с другим. Раньше я осмеивала людей, которые оказывались в подобной ситуации и заявляли, что «просто так получилось». Я никогда не понимала, как они могут заявлять такое и ожидать, что им поверят. Но теперь я слишком хорошо об этом знала сама, потому что так действительно «просто получилось». Я не собиралась и не хотела мутить со Штормом и я бы все изменила, если бы только могла.

Но это ложь. Нет, я бы не стала ничего менять. Сейчас, когда я чувствовала его прикосновения, была в его объятиях, ощутила его тело, распробовала его губы на вкус...

— Ты так и будешь молчать всю ночь?

— А?

— Ты летаешь в облаках с той самой минуты, как мы вышли из дома, — сказал Майкл.

— Может, ей просто скучно, — поправила его Эми с заднего сидения. Боже, мне хочется ее убить.

— Мне не скучно и я не летаю в облаках. Я просто слушала, как вы двое спорите, как и всегда.

Мы припарковались на стоянке перед заведением. На улице толпились люди, курили и громко разговаривали. Большинство женщин, которых я здесь заметила, были сексуально одеты, как и Эми. Блин. Не удивительно, почему на фотографиях, которые я видела в интернете, Шторм всегда в сопровождении девушек. Бьюсь об заклад, большинство из этих девушек «группы», о которых я смотрела по телевизору, такие приходят на тусовки и спят с парнями. Фу.

От входа тянулась большая очередь, видимо, чтобы войти, твое имя должно значиться в списке. Большой мускулистый парень проверял имена на своем iPad, который держал в руках. Майкл сказал ему наши имена и нас провели внутрь к столику, прямо перед сценой.

За столиком сидел привлекательный парень со взъерошенными черными, как смола, волосами, которые на макушке и по бокам немного торчали в разные стороны, как шипы. Рядом с ним сидела девушка, которая была одета довольно сдержанно, как и я. Парень встал, когда заметил нас.

— Привет, я Лукас. А вы, ребята, должно быть, Эвелин, Майк и Эми?

— Это мы, — сказала я. — А ты двоюродный брат Шторма?

Ничего себе. Неужели все в его семье сексуальны как ад? Это же преступление.

Он ослепил нас восхитительной кривой улыбкой. На вид он был моложе меня, может, немного за двадцать. Он тоже был покрыт татуировками, еще у него был пирсинг в губе и брови.

— Ага, это я. Садитесь. Это Иви.

Он указал в сторону девушки, которая сидела рядом с ним, у нее был такой взгляд, как у оленя, которого ослепил свет фар. Но она попыталась улыбнуться нам. Ей определенно было также некомфортно здесь, как и мне. Я решила сесть возле нее по другую сторону, Эми села возле меня, а Майкл около нее. Я поняла, что Эми сделала это для того, чтобы удержать дистанцию между Майклом и мной.

Она наклонилась ко мне:

— Святое дерьмо, Лукас чертов милашка! — прошептала она.

— Постарайся контролировать себя, — ответила я ей шепотом, надеясь, что Иви не расслышала, что вылетело из огромного рта Эми.

Лукас не представил ее, как свою девушку, но держал ее за руку на столе, поэтому я предположила, что их что-то связывает.

Я оглядела темный зал. На сцене висела закрытая занавесь, поэтому я не видела, что там. Само помещение было переполнено людьми. Множество парней с длинными волосами в кожаной одежде и в окружении великолепных женщин. Татуировок и сисек было в изобилии. В задней части помещения был бар и небольшое свободное пространство, там продавали атрибутику группы, типа той толстовки, которую дал мне Шторм в грузовике, которую я так и не постирала, кстати говоря, потому что я больная на голову, и мне кажется, что она пахнет нами.

Я почувствовала его до того, как увидела, и я понимаю, как это звучит, но это правда. Электрическое, теплое покалывание проходит сквозь меня каждый раз, когда он поблизости. Я повернула голову влево и вот он, стоит на сцене, передает кому-то гитару, не отводя от меня глаз. Он подошел к нашему столику, как пантера. Медленно, уверенно, скользнув взглядом по Эми и Майклу до того, как посмотреть и задержать свой взгляд на мне. Он выглядел чертовски невероятно в синих выцветших джинсах, черных байкерских ботинках,

белой рубашке на пуговицах, которая была расстегнута и демонстрировала его пресс, по которому можно было пускать слюни, и черный кожаный жилет. Когда он подошел ближе, я разглядела, что у него были те самые подведенные черным карандашом глаза, в стиле смоки-айз, отчего его зеленые глаза казались еще зеленее.

Сначала он поприветствовал Лукаса братским ударом кулаков, а потом поцеловал в щеку Иви. У нее был совершенно ошеломленный вид от его действий.

Он обратил внимание на нас.

— Я рад, что вы, ребята, смогли прийти. Ты представишь мне своих друзей, детка?

Он положил руку мне на плечо, когда стал рядом с нашим столиком. Вот, блядь. Он и не думал играть по правилам.

Я заставила себя говорить так же небрежно, насколько могла.

— Это моя лучшая подруга Эми, а это мой парень Майкл.

Шторм вежливо пожал им руки, но я уловила, как он разглядывал Майкла.

— Здорово, мужик, спасибо большое, что пригласил нас. Я стал вашим поклонником еще с самых первых дней, — сказал Майкл, совершенно не обращая внимания на то, что рука Шторма сейчас была на моем затылке.

Шторм кивнул.

— Без проблем.

Майкл продолжил:

— И спасибо, что позаботился о моей девушке. Извини, если она сводила тебя с ума.

— Ага, она-таки вынесла мне мозг, — ответил Шторм, нежно сжав мою шею.

— Можно попросить твой автограф? Или фотку? — завизжала Эми. Мне стоило догадаться, что она не сможет долго держать себя в руках.

Шторм засмеялся:

— Конечно, дорогуша.

Он подписал заднюю сторону ее чековой книжки, а потом она всучила мне свой мобильник.

— Сними нас, Эв.

Я закатила глаза и сделала несколько фотографий, как они стоят в обнимку. И старалась не ревновать.

— Теперь счастлива? — спросила я.

Она выхватила свой телефон:

— Нет. Теперь ты стань возле Шторма, а я вас сфоткаю.

Смышленная девочка. Теперь у меня будет фотография вместе со Штормом.

Шторм притянул меня в свои объятия, и мы улыбались на камеру, пока Эми сосредоточилась на экране телефона. Майкл вообще не обращал на нас внимания. Сейчас он погрузился в беседу с Лукасом и Иви.

— Отлично, хватит, — сказала я. Но до того, как я смогла отойти, Шторм наклонился и прошептал мне на ухо:

— Ты прекрасно выглядишь. Я хочу затянуть тебя за кулисы.

Мое сердце билось как сумасшедшее, когда я оторвалась от него и села на свое место. Как раз вовремя, чтобы увидеть Сисястую девушку с огромной грудью, она подошла и взяла Шторма под руку. На ней был ярко-розовый свитер с V-образным вырезом, который едва прикрывал ее девочек, и глаза Майкла сразу же оторвались от Лукаса, с которым он говорил, и практически впились в ее декольте.

Она нас полностью проигнорировала и потянула Шторма за руку:

— Аш ждет тебя за кулисами.

— Передай ему, что я подойду через минуту.

Сисястая не обрадовалась его ответу.

— Он сказал, что я должна привести тебя. Сейчас же.

— Я общаюсь с друзьями. Иди и передай ему, что я буду через секунду.

Сисястая посмотрела на нас с Эми взглядом злой суки и ушла, при движении ее сиськи подпрыгивали.

— А она милая, — отозвалась Эми.

Шторм ухмыльнулся ей:

— Да, она вроде как помогает нам с организацией.

— Для этого есть планировщик дня. И еще приложения для мобильных, — ответила Эми, пригвоздив его своим взглядом.

Я стукнула Эми под столом.

Шторм кивнул, улыбаясь ей своей знаменитой улыбкой.

— Верно, — он перевел взгляд на меня. — Мне пора идти... Наслаждайтесь шоу, ребята.

Он улыбнулся мне и ушел.

Мне стало не по себе. Я не знала, что Сисястая у них тут на постоянной основе. Мне стало интересно, спит ли он с ней. Я задалась вопросом, был ли это ее лифчик в бардачке его грузовика.

— Святое дерьмо, Эв, этот мужчина соверше-е-енен. А эти обалденные глаза, — громким шепотом сказала она мне. — Почему ты не позволила ему запрыгнуть на твою задницу, да хоть сейчас?

— Эми, контролируй себя. Майкл сидит рядом с тобой, — сказала я сквозь зубы. — И, как я заметила, у него уже есть на кого запрыгнуть, в случае чего, если ты не заметила.

— Да ладно, Эв, ты же не завидуешь этой шлюхе? Он четко дал понять, что не заинтересован в ней. Его глаза были прикованы к тебе все время, пока он стоял здесь.

— Ага, и что происходит, когда меня нет рядом? А она, должно быть, крутится рядом с ним все время.

— Перестань, Эв. Не будь завистливой сучкой. Ты должна пометить свою территорию и показать стерве, что он твой.

— Он *не мой*, Эми.

Она наклонилась ко мне еще ближе.

— Но он чертовски хочет им быть! Ты должна принять решение или ты окажешься права, и он уйдет к такой, как она. Такой парень как он не будет ждать вечно. Не отдавай его этой мисс Готова-дать-каждому!

Приглушили свет, люди заняли свои места, несколько человек закричали «Ууу!» и «Да!». Занавес медленно поднялся, на сцене был туман, и разноцветные огни неожиданно осветили каждого из членов группы. Барабанщик заиграл вступление, и все подхватили. Песня была цепляющей, смесь рока и блюза, они отлично играли, с идеальной синхронностью. Ашер не был одним из тех гиперактивных вокалистов, которые бегали по всей сцене. Он стоял у микрофона, немного наклонившись в сторону и покачиваясь. У него глубокий и мелодичный голос, гипнотизирующий. Он очень эмоциональный певец, который вкладывает каждую частичку себя в песню. Был еще один гитарист, тоже красавчик, бас-

гитарист с сильной аурой, которая исходила от него. Он высокий и накаченный, даже сильнее, чем Шторм, с длинными черными, как смоль, волосами и смуглой кожей. На вид он мог сойти на коренного американца. Шторм говорил, что все в группе — это его братья и кузены, но этот парень совершенно отличался от остальных. Он темный, не улыбочивый, из него сочилась чувственность.

Наконец, я позволила себе посмотреть на Шторма, оставляя лучшее напоследок. Видя его на сцене, то, как он играет на гитаре, своеобразно покачивается и отбивает ногами ритм, как развиваются его волосы, как он улыбается зрителям, точно, как Чеширский кот... У меня не хватает слов, чтобы описать, как я себя чувствовала. Кажется, он — сгусток энергии их группы. Он играл с публикой, подходил к краю сцены, разрешал девушкам хватать себя за ноги. И, чувак, они хватали. Целая толпа женщин протолкалась к сцене, чтобы быть ближе к группе, и визжала. Они любили эту группу. Они любили его.

Я гордилась. Завидовала. Ощущала возбуждение. Была напугана. Я пыталась представить, будь я сейчас с ним в отношениях. Смогла бы выдержать такое? Наблюдать, как другие женщины шупали его? Смотреть, как он самодовольно расхаживал по сцене и выступал на подобных концертах на протяжении нескольких месяцев в течение года? И где в это время была бы я? Здесь, наблюдала за ним? Или сидела сама дома, разрываясь от сомнений? Беспокоясь? Сводила себя с ума?

Песня подошла к концу, и Аш поднял руки вверх:

— Спасибо всем, что пришли!

Толпа ликовала. Шторм встретился со мной взглядом. Он усмехнулся и подмигнул мне. Люблю, когда он так делает.

Эми толкнула меня локтем:

— Вот дерьмо, Эв. Они потрясающие. И все такие чертовски горячие. Только взгляни на басиста. Чего бы я ни сделала, чтобы оказаться под этим телом хоть ненадолго! Чертовски горячий!

Лукас наклонился к нам:

— Это Вандал. Мой брат, — рассмеялся он.

— Он одинок? — прокричала через столик Эми.

— Все время.

— Даже не думай! — предупредила я ее. Последнее, что мне сейчас нужно, так это, чтобы она связалась с товарищем по группе и двоюродным братом Шторма.

Группа оглушительно запела вторую песню, эта была быстрее, в ней было немного больше от металла. Как-то я слышала ее по радио, но понятия не имела, кто исполнитель. Это была одна из тех песен, которую я бы врубила в машине по громче и прибавила бы газу. В этот самый миг я поняла, что Шторм — это то, от чего я никогда не смогу уйти. Если бы я попросила его прекратить наше общение и выкинула его из своей жизни, я бы все равно слушала по радио его песни и вспоминала о нем. О нас. Мне придется хорошенько подумать, что будет дальше. Я не смогу его забыть. Не только никогда не смогу, но даже не *попытаюсь*. Я окинула взглядом девушек перед сценой. Любая из них захотела бы быть с ним или с любым из этих парней. Но они их не знали. Они не знали, что парни сидели в компании своей восьмидесяти-с-чем-то-летней бабулей и попивали домашний горячий шоколад. Они не знали, что дома Ашер тихий и грустный. Они не знали, что Шторму нравится, когда его держат за руку. Я знала обо всем этом.

Лукас встал из-за столика и пошел к сцене со стороны, секунду переговорил с Сисястой

и исчез. Я повернулась к Иви и улыбнулась ей:

— Сколько вы уже встречаетесь? — спросила я.

Она посмотрела на меня с широко открытыми глазами и покраснела.

— Ну, на самом деле мы не встречаемся. Еще нет. Мне, кхм, тридцать шесть и я только что развелась. Я познакомилась с ним, когда пришла делать татуировку, так мы и «столкнулись».

Ух ты, так он тату-мастер. Здорово.

— Замечательно же! — сказала я. — Он очень милый.

— Думаю, что да. Но я не знаю. Он намного младше меня. Ему только двадцать четыре. А у меня восемнадцатилетняя дочь, которая влюблена в него. Она обожает эту группу. Честно говоря, это все для меня в новинку. Думаю, я слишком старая для такого.

— Ты не выглядишь на тридцать шесть, — отозвалась я, она действительно не выглядела на столько. На мой взгляд, ей было немного за двадцать пять. — И кого волнует возраст? Если ты счастлива, борись за это.

— Посмотрите, кто заговорил! — влезла Эми.

Иви тихо рассмеялась и понизила голос, наклоняясь ко мне:

— Я слышала о тебе и Шторме. Лукас рассказал мне.

— Что слышала? — спросила я, боясь узнать ответ.

— О метели, как он влюбился в тебя. Не волнуйся, я ничего не скажу. Лукас рассказал мне об этом. Он хочет, чтобы его брат был счастлив. Мне кажется, они близки. Я только раз видела Шторма до этого. Он показался мне милым.

— Да, он такой.

Песня закончилась, Аш вытащил микрофон со стойки и подошел немного ближе к краю сцены.

— Ребята, вы ведь знаете, что мой брат попал в эпицентр метели несколько недель назад, так? Застрял в своем грузовике посреди леса?

Вот. Черт.

Толпа закричала.

— И эта чика, с которой он застрял, понятия не имела, кто он. Вы можете поверить в такое дерьмо?

— НЕТ! — отозвалась толпа.

— Вот чертовка, я прав? В любом случае, мой брат дал ей одну из наших толстовок, чтобы она надела. Ну, вы знаете, он стырил все себе, и одна из них оказалась у него с собой в грузовике.

Он оглянулся на Шторма, который смеялся со своего края сцены.

— И она ему такая: «Ох, это одна из тех групп, которые только орут и невозможно разобрать, что они, блядь, поют?»

Толпа ревела и смеялась. Ха-ха. Очень весело.

— Поэтому мы решили исполнить песню, в которой не будет гребаного ора, специально для Снежной цыпочки. И в качестве особого выступления ее споет нам Шторм. Это одна из его любимых песен.

Толпа еще сильнее закричала и безумствовала. Я понадеялась, что Аш не объявит всем, что я сижу здесь. Я просто умру на месте.

— Так вот, вы все знаете, что он не умеет петь также хорошо, как я, поэтому будьте к нему снисходительны, лады?

Тусклый луч света упал так низко, что мы не могли рассмотреть ничего на сцене. Майкл посмотрел на меня и рассмеялся:

— Будет неплохо, — сказал он.

Дерьмо.

Со сцены раздалось звучание скрипки, и синий прожектор осветил одного человека на сцене. Это был Лукас, он играл на скрипке, притягательно и прекрасно.

— Боже мой, — сказала Иви, хватая меня за руку. — Я не знала, что он играет на скрипке!

— Они полны сюрпризов.

Другой прожектор осветил Шторма, он сидел на табурете, в центре сцены и держал в руках гитару. Он выглядел так горячо и чертовски сексуально. Мне не верилось, что этот мужчина целовал меня. Держал меня в объятиях. Это тот самый мужчина, который готовил мне апельсиновый смузи, когда я болела. И провел со мной выходные, смотря немые комедии. А теперь он на сцене и поет для меня.

Все это было бы замечательно, не будь у меня парня.

Остальные ребята начали тихо играть, а Шторм медленно запел более глубокую рок-версию песни «Knights in White Satin». Его голос отличался от голоса Ашера, но все же он был отличным певцом. Его хриплый голос в сочетании с легкой мелодией и громким пением. Они отлично сделали аранжировку этой песни. Его голос и скрипка внедрялись в голову. Это так романтично. Все девушки в толпе практически падали в обморок и, вероятно, намочили трусики. Все, кроме Сисястой. Она смотрела прямо на меня и счастливой ее нельзя было назвать.

Я взглянула на Майкла, ожидая какую-то реакцию на песню, но на его лице ничего невозможно было прочитать. С другой стороны, Эми была на грани припадка.

К концу песни Шторм вскочил на ноги и поклонился.

— Видели? Мы не орали, как ненормальные, — воскликнул он. — Но мы хотим этого!

После чего, они заиграли другую песню из хард-рока.

Эми наклонилась к моему уху:

— Эта песня была прекрасна. Было нелегко петь, но он смог.

— Не верю, что он это сделал, — ответила я. — Я даже не представляла. Это было потрясающе.

После окончания концерта Эми потащила меня в туалет, Майкла мы оставили за столиком. Как только мы вышли из комнаты для девочек, Шторм схватил нас обоих и затянул в складское помещение.

— Ну, будет весело, — сказала Эми, игриво хлопая ресницами. Я стрельнула в нее пошлым взглядом.

Шторм весь такой потный и улыбающийся. Он посмотрел на Эми:

— Мне нужно пять минут с ней. Ты можешь подождать снаружи и покараулить, чтобы Майкл не стал ее искать? Пожалуйста?

Она заулыбалась от уха до уха.

— Все, что попросишь. Держите себя в руках, — сказала она. — У вас есть пять минут. Я буду за дверью.

Я подождала, пока она не вышла и повернулась к нему:

— Шторм, ты не можешь так поступать.

До того, как я успела еще что-то сказать, он притеснил меня к стене, прижимаясь своим телом к моему. Он спрятал лицо у меня на шее, а руки положил на талию.

— Святое дерьмо, я чертовски скучал по тебе, — выдохнул он.

— Та песня... — начала я говорить, но его губы накрыли мои до того, как я успела закончить предложение. Он целовал меня долго и требовательно, отчаянно.

— Тебе она понравилась? — он, наконец, оторвался от моих губ, а я дрожала и шаталась на слабых ногах.

— Да...

Схватив копну моих волос, он притянул меня к своим губам.

— Я хочу тебя прямо сейчас. Не могу смотреть, что ты с ним.

Он снова глубоко поцеловал меня, я едва могла стоять на ногах. Я обняла его вокруг шеи и позволила себе ответить на поцелуй, мое тело потянулось к нему. Я почувствовала, как через джинсы его большой, твердый член прижимался ко мне. Он негромко зарычал и потерся об меня. Шторм немного наклонился и прошелся языком по краю моих грудей, которые не закрывала кофточка. Он никогда не прикасался ко мне так, и я не уверена из-за ревности это или последствие от выступления на сцене.

Я уперлась рукой ему в грудь:

— Шторм.... Шторм. Шторм. Шторм! Остановись! — я отпихнула его от себя, и он немного отступил назад.

— Извини. Блядь, — покачал он головой. — Я сегодня просто чертовски не в себе, прости.

Он сделал ко мне шаг и положил ладони на мои щеки, наклоняясь и целуя меня в макушку.

— Извини. Это просто адреналин после игры. Такое случается.

— Все нормально... — я заглянула в его зеленые глаза и увидела в них пламя. Желание. Решительность.

Его руки прошлись по моим джинсам и за секунду расстегнули пуговицу. Его пальцы скользнули по моему клитору.

— Шторм...

Его губы накрыли мои:

— Шш... просто позволь мне...

Он легко поднял меня и усадил на стол, который стоял в нескольких метрах от нас. Мягко подтолкнув меня лечь на стол одной рукой, а другой приспустил мой джинсы и трусики. Он склонился, закинув мои ноги через голову себе на плечи. Шторм встал на колени и опустил голову между моих ног, языком лаская мою киску. Мое тело дернулось вверх от совершенно неожиданного экстаза. Его руки схватили меня за бедра, раздвигая в стороны, раскрывая меня для своего рта, который целовал, лизал и сосал. Его палец медленно проскользнул в меня, и я почувствовала, как сжалась вокруг него. Он простонал и прильнул губами к моему клитору, посасывая. Его язык двигался кругами, пока он трахал меня одним, а потом двумя пальцами. Я ощутила, что парю, полностью отключившись от того, что происходило. Я оказалась в ловушке эйфории, не в силах пошевелиться, не в силах остановить это. Все мое существо сосредоточилось на том, что происходило у меня между ног, на том, что Шторм делал со мной. Вселенная исчезла, остались только ощущения от его губ, его пальцев, прикосновения его шелковистых волос к моим бедрам. Каждая ласка языка, каждое посасывание, каждый толчок подталкивал меня ко всему, что представлял собой он.

Моя киска дрожала, и боль распространялась глубоко внутри, желая его. Моя грудь набухла, соски затвердели, ревнуя и моля его прикоснуться к ним. Каждая секунда уносила меня все дальше и дальше от всего, чего, как я думала, хотела, от всего, чем я была. Я потерпела поражение. Сдалась. Мои стены рухнули. Последние несколько недель слились воедино в моей голове и в моем сердце. Все чувства, которые я старалась игнорировать, сейчас кричали, прокладывая себе путь наружу, и пронеслись вниз, где встретились с его ртом.

Оргазм, который он мне подарил, был самым сильным из тех, что я когда-либо испытывала в своей жизни. Все мое тело напряглось, задрожало, а потом освободилось, когда я схватилась руками за его голову, притягивая его за волосы. Я больше не выдержу ни секунды. Я умру. Минуту назад мне было мало его рта, теперь я чувствовала, что готова закричать и упасть в обморок, если он еще раз коснется меня.

— Хватит, — выдохнула я, задыхаясь и отталкивая его голову от себя.

Он встал и потянул меня к себе, приподнял мое лицо к себе и нежно поцеловал, его язык неспешно ласкал мой. Его губы и лицо были влажными. Мной. Мне это нравилось. Нравилось, что часть меня была на нем. Будто он мой.

— Я мог бы ласкать тебя всю гребаную ночь, — прошептал он.

Пелена оргазма медленно растворилась по мере того, как мой разум возвращался к реальности. Все ошибки сразу же заполнили мой мозг. *Шлюха. Врунья. Он причинит тебе только боль. Идиотка!*

Мне нужно было убраться от него подальше, но я была в ловушке, мои ноги обнимали его талию, а джинсы были спущены до лодыжек.

Он обнял меня и крепко прижал к своей груди.

— Детка, не волнуйся. Все хорошо. Не отталкивай меня снова.

— Ты не должен был этого делать, — шепотом закричала я на него. — Эми стоит за дверью, а Майкл...

— Мне наплевать. Нам обоим это было нужно.

Его рука скользнула вниз по моему бедру. Я сидела голая, а он в джинсах, мои ноги расставлены прямо напротив его промежности.

— Я так тебя хочу, Эви. Я мог бы трахнуть тебя прямо сейчас. Мне все равно, кто снаружи.

Я заплакала. Я не готова к этому ни на одном уровне. Все, что связано с ним — это только секс. Вот и все.

Он быстро распутал нас и помог мне натянуть джинсы.

— Эви, не плачь. Я просто очень тебя хотел. Я чуть не лишился рассудка, когда увидел, что он там сидит.

Я спрыгнула со стола и поправила блузку.

— И поэтому ты это сделал? Ради чего? Пометить свою территорию?

— Что? Нет. Не поэтому. Я хочу тебя. Я пытаюсь показать тебе, что у нас может быть, как я могу заставить тебя чувствовать себя.

— Поедая меня, пока по другую сторону этой двери сотни людей? Включая мою лучшую подругу и моего парня?

Он встал перед моим лицом.

— Черт возьми, да. Я не могу думать о всяких хреновых пустяках, когда дело касается тебя, Эви. Если я хочу тебя, то я хочу тебя. В эту же минуту. Для меня имеет значение только знание, что ты тоже меня хочешь.

Я хочу его. Безумно.

Пусть и не могу сказать об этом. Я смотрела на него в надежде, что он увидит это в моих глазах. Его лицо переполняли эмоции. Страсть. Гнев. Разочарование.

— Ты хочешь меня? — спросил он, подходя ближе.

Я сделала шаг назад.

— И снова об этом? Неужели все сводится к тому, что каждая девушка в мире хочет тебя?

— Нет. Все сводится к тому, хочешь ли ты меня. Ты. Вот я о чем.

Я обошла его и подошла к двери.

— Я не могу поверить, что ты сделал это, Шторм. Ты знаешь, что я думаю насчет обмана. Ты говорил, что дашь мне время подумать.

— Я *не принуждал тебя*, Эви. Ты не сказала «нет».

— Иди к черту.

Я дернула дверь за ручку и Эми практически ввалилась внутрь.

— Пошли, — я схватила ее за руку и потащила по коридору. И как долго, черт возьми, я там находилась?

— Эвелин, помедленнее... Что, блин, только что произошло?

Я покачала головой.

— Не спрашивай. Я просто хочу убраться отсюда.

Она остановилась и взяла меня за руку, заставляя посмотреть на нее.

— О, Боже. Вы только что занимались этим там?

— Почти, но нет. Пожалуйста, давай просто уйдем. Майклу будет интересно узнать, куда мы запропастились.

Мы прошли через толпу людей, которые заняли весь коридор.

— Шторм был очень зол, Эв.

— Мне все равно. Он не может распускать руки и свой язык ко мне всякий раз, как ему этого захочется.

— Его язык? Срань Господня, девочка, нам нужно поговорить.

Наконец, мы добрались до столика и увидели, что Майкл сидел, попивая и общаясь с Иви и Лукасом.

— Где вы двое были? Вас полчаса не было.

— Очередь просто нереальная, — отмазала нас Эми. — У Эвелин прихватило живот. Думаю, нам лучше уже ехать.

Майкл залпом выпил свой напиток и скривился.

— Хорошо. Что теперь не так? — спросил он меня.

— Ничего. Я просто нехорошо себя чувствую.

— Ладно, тогда отвезем тебя домой. Эми, лучше тебе сесть за руль, я немного выпил.

Она кивнула. Когда мы взяли свои пальто и попрощались с Иви и Лукасом, я заметила Шторма у бара в компании Сисястой, она просто повисла на нем. Теперь у меня и правда скрутило живот. Неужели он собирается поехать домой с ней? И это, когда мой оргазм еще был на его лице и губах? Наверное, он почувствовал, что я смотрю, потому что обернулся и встретился со мной взглядом. Покачав головой, он поднял со стойки шот и опрокинул содержимое в себя.

Блин. Разве я не читала, что он бросил пить?

На обратном пути домой я села сзади и слушала, как Майкл все рассказывал и

рассказывал, как здорово играла группа и как эпично было, когда его любимый гитарист спел песню, посвятив ее мне. Эми наблюдала за мной через зеркало заднего вида. Думаю, она боялась, что я выпрыгну из машины. Какая заманчивая мысль.

Я достала телефон и отправила Шторму смс.

Я: «Ты пьешь?»

Через несколько минут пришел ответ.

Шторм: «А ты теперь мой куратор из АА*?»

Я: «Нет. Я только беспокоюсь о тебе. Думала, что ты бросил пить»

Шторм: «Я выпил два сраных шота. Я в норме»

Я: «Ты поедешь домой с той девушкой?»

Шторм: «А ты едешь домой с ним?»

Он серьезно?

Я: «Так не честно»

Шторм: «Черт возьми, нет»

Ух!

Я должна была предвидеть, что этот вечер хорошо не кончится. Майкл и Шторм под одной крышей просто, как бомба замедленного действия. И раз это Шторм предложил всем нам приехать на концерт, я даже на минуту не задумалась, как Майкл отреагирует на Шторма. Я же знала, что это не даст мне покоя, но, честно говоря, я никогда не считалась с чувствами Шторма, как должна была. Мой разум вернулся в кладовку, когда моя голая задница была на холодном столе, а его лицо у меня между ног. Мои внутренности затрепетали от этого воспоминания. Почему Майкл никогда не мог заставить меня почувствовать себя так же? Я никогда так не заводилась, когда Майкл прикасался ко мне. Шторм буквально же отправил меня в другую стратосферу.

Эми накинулась на меня с вопросами, как только Майкл скрылся на втором этаже.

— Ладно, чика, давай проясним. Что, черт возьми, там произошло?

Я плюхнулась на диван и скинула обувь.

— Он усадил меня на стол и питался мной так, словно я была всем, что можно съесть в буфете, вот что.

И тут Эми прорвало:

— А потом, что случилось? Вы поссорились?

— Да. Я разозлилась, что он сделал такое со мной. Я не хочу быть обманщицей, Эми, и он это знает. Но продолжает делать со мной всякое.

Она понизила голос и под села ближе ко мне:

— Эвелин, он и так сильно сдерживался ради тебя! Ты хоть представляешь, сколько женщин в том заведении отдали бы своего первенца, только чтобы трахнуть его лицо? И не стали бы устраивать сцену после?

Я закатила глаза:

— Можешь не напоминать мне об этом. Поверь, я знаю. Та шваль уже успела повиснуть на нем, когда мы уходили.

— Ну, ты же оставила его разгоряченным и неудовлетворенным! Блядь, что с тобой не так, Эвелин?

— Я не хочу становиться для него еще одной секс-игрушкой. Он просто недоволен тем, что каждая сраная девушка в мире хочет его трахнуть, а я нет. То есть, я хочу, но не стану

расставлять перед ним ноги и отказываться от всех своих моральных принципов, только чтобы сделать это.

— Эвелин, ты следишь за ним в социальных сетях?

— Что? О чем ты? У меня нет твиттера. У меня нет на это времени. И я не хочу читать всю ту похабщину, которую он творит с другими женщинами.

Она взяла свой телефон, что-то прокрутила на экране и передала мне. На его официальной страничке стоял статус, который он обновил несколько дней назад.

«Однажды та крошка станет моей, и надеюсь, что я буду ее»

— И что это должно значить? — я вернула ей телефон.

— А это значит, что я не думаю, что он пытается просто уложить тебя, Эв. Мне кажется, он действительно заботится о тебе, но твоя бестолковая задница этого не видит.

Она забрала Хейло со спинки дивана и прижала к себе, как ребенка.

— Я серьезно, Эвелин. Возможно, ты выбрасываешь на ветер что-то хорошее, и я не говорю о пьяном мешке с костями наверху. Больше двадцати восьми сотням девушек понравился его статус, и еще несколько сотен предложили ему стать той самой.

— Я не могу конкурировать с ними всеми. Это просто сведет меня с ума.

— А я и не считаю, что ты должна. Он не ведет себя так, будто в поиске кого попало, лишь бы в юбке. Женщины всегда будут заигрывать с ним, но кого это волнует? Учись их игнорировать.

— Я не хочу больше об этом говорить. Я обессилена. Хочешь остаться здесь, чтобы не ехать домой?

Она положила Хейло рядом на диван, а сама встала.

— Нет, у меня свидание за завтраком, поэтому я лучше пойду. Не спрашивай, почему я согласилась. Кто, черт возьми, хочет встречаться за завтраком? А ты лучше добудь для меня что-то из атрибутики группы с тем парнем, Вандалом.

— Его двоюродным братом? Он вроде совсем не твой типаж. На самом деле, он мне показался каким-то несчастным.

Она надела свое пальто и пошла к входной двери.

— В нем эта задумчивая сексуальность, которую я так люблю.

Я подошла к ней и обняла:

— Спасибо за этот вечер. Опыт с сама-знаешь-чем был довольно интересен.

— Я отлично провела время. У него определенно есть талант. В следующий раз, когда он захочет попировать тобой, заткнись и позволь ему сделать это, — она поцеловала меня в щеку.

— Я позвоню тебе завтра и расскажу, как прошло свидание за завтраком.

Я выключила свет и поднялась наверх, где увидела как Майкл развалился поперек кровати, заняв все пространство. Я ругнулась себе под нос и разделась в темноте. Надела свою огромную футболку, захватила подушку и спустилась вниз. Придется спать на диване. У меня не было желания всю ночь слушать его храп.

Где-то через час после того, как я уснула, мой телефон подал сигнал и разбудил меня. Я потянулась за телефоном, который лежал на журнальном столике. Пришло смс от Шторма.

Шторм: *«Я не собирался ссориться сегодня. Только хотел убедиться, что ты не забудешь обо мне, пока меня не будет»*

Я: *«Я никогда не смогу забыть тебя»*

Шторм: «Ты можешь мне позвонить? Сейчас? Я уезжаю завтра. Мы не попрощались»

Стоит ли звонить ему? Майкл ни за что не проснется, если уснул. Я уставилась на телефон, размышляя.

И набрала номер.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

— У меня нет проблем с алкоголем. Просто, чтобы ты знала. Да, я много выпивал. Но уже нет.

— Хорошо. Я просто волновалась.

— Знаю.

— Вы создаете потрясающую музыку, Шторм. Мне понравилась. И та песня... слышать, как ты поешь. Я растворилась в ней.

— На это я и рассчитывал. Я никогда не пою, знаешь ли. Сделал это для тебя.

Мое сердце пропустило удар.

— Это было невероятно, — я сглотнула и спросила его о том, что крутилось у меня в голове с той минуты, как ушла. — Ты переспал с ней?

Я услышала слабый звук затягивания. Он курил одну из своих электронных сигарет.

— Минет, — наконец ответил он.

У меня упало сердце. Горло что-то сковало. Я закрыла глаза, чтобы не дать воли подступившим слезам.

— Я понимаю, что ты злишься, Эви. Тебе не нужно ничего говорить. Прости. Я был не в себе. Я хотел тебя, а ты оттолкнула меня. Ты была моей десять минут, и это было как в чертовом раю. Поэтому я отправил себя обратно в ад, где привык быть. Я не целовал ее. Не прикасался к ней. Я воспользовался ею.

— Шторм, я не могу просить тебя не спать с другими женщинами.

— Попроси.

— Что?

— Попроси меня.

Я не могу. Не стану.

— Эви, мне нужно от тебя абсолютная честность. Пофиг, что тебе придется мне рассказать или попросить. Только не держи меня в неведении. Ты столько всего скрываешь и пребываешь в таком отрицании с собой. Ты должна прекратить это, ладно? Если придется, я буду вытягивать из тебя каждое слово.

— Я не хочу, чтобы ты трахал других, — тихо сказала я.

— Хорошо. Теперь скажи мне, почему.

— Хочу, чтобы ею была я.

— Ох, и будешь, детка. Как только прекратишь эту борьбу с собой и мной, — он помолчал. — Ты хотела меня тогда?

Вот дерьмо. Сотни тысяч раз.

— Да.

— Если бы там не было Майкла, ты бы разрешила мне заняться с тобой любовью на столе?

Я закрыла глаза, представив его в своей голове, вспомнила ощущение его языка в себе.

— Да.

Я почувствовала его улыбку.

— Хорошая девочка. Потому что, когда я захочу тебя, я возьму тебя, и мне хочется, чтобы ты тоже этого хотела. Ты могла бы сделать это для меня?

— Да.

— Мне кое-что нужно, Эвелин. Я честен с тобой.

— Ладно, я понимаю, — *или мне так кажется.*

— Где сейчас Майкл?

— Наверху, спит. Я на диване.

— Ты подумаешь о нас? О том, чтобы дать нам шанс, когда я вернусь?

— Да. Я подумаю. Уже думаю.

— Я не хочу, чтобы он больше трахался с тобой. Ты можешь сделать это? Если ты будешь избегать его, он попытается взять тебя силой?

— Майкл? Нет, он бы никогда не сделал мне больно. Он может разозлиться, но силой брать не станет.

— Хорошо. Пусть позлится.

— Договорились.

Майкл будет в бешенстве, когда я скажу ему «нет». Но мне плевать.

— Значит, это наш первый совместный шаг, Эви. Если мы хотим задуматься о том, чтобы быть вместе, нам обоим нужно кое-что изменить. Это начало, правильно?

— Да. Есть и другие? — спросила его я.

— Другие женщины?

— Да, другие подружки для перепиха. Или только она?

— У меня никогда не было только одной, Эви. Уже очень давно.

— Оу...

У меня к горлу снова начала подступать тошнота.

— Я больше так не хочу. Сейчас я хочу только тебя.

— Почему? Почему я?

Он выпустил смешок.

— Честно говоря, я не знаю. Когда ты сидела у меня на коленях в грузовике, я просто понял, что это то самое. Осознал, что либо мы там и умрем, либо выберемся и всегда будем вместе. Я не подвергаю сомнению такие чувства. Наверно, это у меня от мамы, — поддразнил он.

Вот и оно, наше начало.

АА* — Анонимные алкоголики (организация по борьбе с алкоголизмом)

В субботу утром я проснулась, чувствуя себя сильнее. Прошлой ночью мы со Штурмом решили, что это будет наше начало.

Я хочу его. Хочу быть с ним. Я уже давно не чувствовала с Майклом той близости. Я скучала по тому, что у нас когда-то было, но знала, что должна отпустить прошлое. Если я буду цепляться за него, как за спасательный круг, это будет не честно по отношению к нам обоим.

Нужно придумать план. Определить достижимые цели. Поощрять себя за достижение каждой из них. Не сдаваться, если что-то будет идти не совсем идеально.

Все это запихнул мне в голову терапевт, когда я пыталась справиться с депрессией и потерей интереса к жизни. Моим отсутствием цели и желания хоть что-то делать. Это было время, когда я лежала в постели по нескольку дней к ряду.

Первые несколько дней я пыталась, а потом сдавалась. Цели меня пугали. Планы заставляли сомневаться в себе. Отказаться было проще, ведь так намного меньше мороки.

В этот раз я пойду до конца. Шторм этого стоит. *Мы* стоим этих усилий.

Я сижу на траве и пишу свой список в личном дневнике в мягком кожаном переплете. Мягкая обложка действовала на меня успокаивающе. Мне нравится, как пахнет кожа. Я коллекционирую старые книги и дневники, подобные этому, с бумагой ручного отлива. Расписать свои желания в нем мне показалось более целесообразно, чем набрать в «блокноте» на своем телефоне.

Я начала писать свой список. *Проверить финансы.* У нас с Майклом совместный счет, но есть еще и отдельные счета. У меня остались кое-какие деньги от страховки родителей. Нужно будет узнать точную сумму и как будет справедливо поделить деньги с общего счета.

Найти новое жилье. Я не могу позволить себе остаться в квартире. Мы снимаем ее в аренду, поэтому Майкл может остаться там, если захочет, и продлить аренду. А где буду жить я? Я могла бы пожить с Эми, но сомневаюсь, что это сработает. Мы обе любим личное пространство и уединение. Надеюсь, я смогу позволить себе небольшую квартиру-студию. Я никогда не жила одна. Эта мысль немного меня напугала.

Мой телефон «подал голос», и я проверила, что пришло.

Шторм: *«Доброе утро, Солнышко»*

Широкая улыбка мгновенно расплылась на моем лице.

Я: *«Доброе утро;)»*

Шторм: *«Мы только что выехали. Чем ты занимаешься?»*

Я сфотографировала двойное надгробие, у которого сидела, и отправила ему фото вместе с текстом.

Я: *«Я здесь. Пишу в своем дневнике. Пью латте»*

Шторм: *«Детка, я должен был привести тебя туда. Всегда буду так делать»*

Я: *«Знаю. Этим летом приедем вместе. Ты сможешь помочь мне с цветами»*

Шторм: *«Обязательно. Что ты пишешь?»*

Я: *«Список того, что мне нужно сделать, чтобы быть с тобой»*

Шторм: *«Блядь. Из-за тебя мое сердце только что пропустило удар»*

Мои бабочки в животе закружились в танце счастья. Я любила то, как он заставлял меня чувствовать себя.

Я: «*Это хорошо?*»

Шторм: «*Это офигенно. Я хочу выпрыгнуть из автобуса и побежать обратно к тебе*»

Я: «*ЛОЛ... Только не делай этого*»

Шторм: «*Дождись только, когда я смогу дотянуться к тебе руками:~)~*»

Я: «*:) Я уже буду собираться домой. Здесь становится пасмурно*»

Шторм: «*Ок. Я позже тебе напишу*»

Я закрыла свой дневник. Допишу попозже, когда у меня появится больше времени, чтобы подумать. Прикоснувшись к надгробию, я задумалась, что мои родители подумали бы о Шторме. Папа бы точно высмеивал его длинные волосы и татуировки, но, мне кажется, когда бы они узнали его получше, то оба полюбили его. Мама была бы очарована его улыбкой и глазами.

У меня остались только Майкл и Эми. Мои единственные друзья, моя единственная семья. С тех пор, как умерли мои родители, только с ними я чувствую, что меня тут еще что-то держит. Они придают мне чувство связи с той жизнью, когда она была полной и счастливой. Само собой, уход от Майкла оставит в моей жизни дыру.

Я люблю его, но больше не чувствую, что влюблена в него. Мне нужно было встретить на своем пути Шторма, чтобы понять это. И я ненавижу сравнивать людей, но с Майклом мои внутренности никогда не превращались в кашу, даже в самом начале. Я никогда не испытывала с ним той близости, как если бы закрыла глаза и полностью растворилась в нем навсегда. У меня никогда не было такого чувства, что я могу рассказать ему обо всем. Я никогда не кончала ему на лицо и не покрывалась мелкой дрожью, просто думая о нем. Думаю, мы были обречены, когда начали встречаться в четырнадцать. Мы не росли и не развивались. Наша любовь так и осталась любовью двоих четырнадцати-летних, в телах людей, которым за двадцать.

Мама любила повторять, что когда закрыта дверь, у тебя есть открытое окно. Я потеряю Майкла. Но это даст мне открытое пространство, чтобы попробовать все, что происходит между Штормом и мной без чувства вины и пониманием, что я плохой человек. Может быть, у нас действительно все получится, и мы станем парой.

«*Если мы когда-то будем вместе, то будем проводить здесь много времени*» — так Шторм сказал мне, когда мы были в доме его бабушки. Он хочет, чтобы я стала частью его семьи. У меня снова может быть семья. И что за семья! Моему уму непостижима сама мысль об этом. Когда-то это, и правда, может стать моей жизнью?

Крошечными шажками.

Продолжим мой список — *Отдалиться от Майкла*. А это будет сложно. Пока Майкл сам держит со мной дистанцию, на чем бы ни было сосредоточено его внимание, он привык, что я бросаюсь исполнять каждую его прихоть и никогда не отказываюсь, чего бы он ни хотел и о чем бы меня не попросил. Нашу сексуальную жизнь можно назвать размеренной в лучшем своем виде (без каламбура), но он предпочитает заниматься сексом по несколько минут, пару раз в течение недели, просто для галочки. Мы со Штормом пообещали, что не будем спать с другими, а сосредоточимся на том, чтобы быть вместе.

Хейло. Нужно убедиться, что в новой квартире можно будет держать животных.

Зазвонил домашний телефон. Я отложила дневник на край стола и сняла трубку.

— Привет, чика, — радостно сказала Эми.

— Как прошло твое свидание за завтраком?

— Уф. Он был милый, но я была такая уставшая, да и выглядела дерьмово, как мне кажется. Засранцу стоило бы догадаться, что женщинам необходимо какое-то время утром, чтобы прихорошиться. Мне кажется, он предложил для первого свидания встретиться за завтраком, рассчитывая увидеть, как убийственно и заспанно мы выглядим до того, как окончательно проснемся. На самом деле, это же гениально.

— Как его зовут?

— Райан Какой-то там. Не запомнила. Он риэлтор. Завтра мы вместе ужинаем. Мне он вроде как понравился, показался довольно собранным.

— Что ж, держи меня в курсе.

— Посмотрим, как пойдет. Похоже, четыре — магическое число для свиданий, после которого они превращаются в законченных ублюдков или в маменькиных сынков. Так что, ты поговорила со Штурмом после вчерашнего концерта?

— Да... Прошлой ночью мы говорили по телефону. Он позволил той шлюхе отсосать.

— Вот срань. Мне жаль, Эв.

— Мне было ужасно больно, Эм. Вот, правда. Хотелось кричать и рыдать, если уж совсем честно. Но он извинился. Сказал, что был не в себе после того, что между нами произошло. Объяснил, что не целовал и не прикасался к ней, просто воспользовался и избавился от нее. Хотя от этого мне стало ненамного легче.

— Я думаю, это именно то, чем он занимался уже на протяжении долгого времени. Ты сказала, что он не встречался ни с кем годами.

— Не встречался. В любом случае, мы вроде как пришли к соглашению. Он не хочет, чтобы я не занималась сексом с Майклом, и сказал, что больше не будет прикасаться ни к одной из тех подстилок. Сказал, что хочет быть только со мной. Я решила, Эм. Я хочу дать ему шанс. Еще я одновременно составляю план, чтобы уйти от Майкла. Я просто не могу собрать вещи и уйти сегодня же. Мне нужно кое с чем разобраться.

— Ничего себе, Эвелин. Самое время. Я очень тобой горжусь.

— Мне страшно. Я не знаю, как я это проверну.

— Эвелин, я тебе помогу. Ты справишься. Он тоже пытается, правильно?

Я вздохнула и потерла лоб.

— Очень старается, Эми. Я изо всех сил пытаюсь уверить себя, что он не просто поиграет со мной какое-то время, а потом бросит.

— Дай ему больше времени. Помни, что это в новинку и для него. Что ты думаешь, будешь переезжать?

— Я понимаю, ты права. И да, в конце концов, мне придется найти дешевую квартиру-студию рядом с работой.

— Ну, я спрошу завтра Райана. Он должен знать какие-то варианты.

— Было бы замечательно, честно. Спасибо.

— Мне пора бежать. Скоро тебе еще позвоню.

Из-за нашего разговора у меня в голове снова пронесся образ Штурма с той шлюхой. Только мысль о ее глянцевых губках на нем вызвала у меня приступ тошноты и ярости. И ревности. От знания, что после того, как Штурм ласкал языком меня, он ушел, чтобы она отсосала ему, мне хотелось выть. И мне не стало лучше, когда я узнала, что он при этом ничего не чувствовал. С уверенностью могу заявить, что у нее-то чувства какие-то были. Я же видела, как она смотрела на него, как орлица.

И что еще хуже? Я никогда не делала минет. Никогда.

Я взяла свой дневник с целями и нацарапала: *Нужна книга «Оральный секс для чайников». И срочно.*

Эта ситуация принимает реальный оборот.

После ужина Майкл сказал, что снова уезжает по работе на несколько дней. Три, может, четыре. Впервые я с облегчением вздохнула и не злилась или чувствовала разочарование. Я только кивнула ему в ответ и сказала «хорошо».

Я кое-что постирала и приняла долгий душ, стараясь оттянуть время перед сном. Я сидела на опущенной туалетной крышке и проверяла телефон на наличие новых сообщений. Ни одного. Мне хотелось первой написать Шторму, но не хотела показаться «липучкой». Я удалила несколько нежелательных электронных писем. Прочла несколько страниц электронной книги на телефоне.

Мой телефон оповестил о приходе нового смс. С нетерпением я открыла это сообщение. Оно не от Шторма, но и ничуть не хуже. Оно от Эми, она прислала мне две фотки, где я со Штормом. *«Я подумала, что эти тебе понравятся»* — написала она. Вот это да. Мы и правда миленько смотрелись вместе. Я настолько ниже его, что едва достаю ему до плеч. Рядом со мной он кажется просто огромным. На первом фото он держит меня в своих мускулистых объятиях, и мы улыбаемся на камеру. На втором фото мы уже не смотрели в камеру. На фото он наклонился, прислонившись своей головой к моей, а я повернулась к нему, моя рука на его груди. Эми сделала это фото без нашего ведома. Это тот момент, когда он сказал, что я красиво выгляжу. Я влюбилась в эту фотографию. И переслала их Шторму.

Стала ждать. Мне не хотелось выходить из ванной, пока я не получу от него ответ.

Я воспользовалась зубной нитью. Почистила зубы. Разобрала полотенца.

Пиликанье.

Шторм: *«Только взгляни на нас»*

Я: *«Эми только что прислала их мне:)»*

Шторм: *«Я и так сияю весь чертов день. А теперь это. Парни решат, что я рехнулся, раз столько улыбаюсь»*

Я: *«ЛОЛ. Я тоже только и улыбаюсь. Каждый раз, когда думаю о тебе»*

Шторм: *«Скажи, что думаешь обо мне все время, или я тебя отшлепаю»*

Я: *«Да, ты заполняешь мои мысли 24\7. Миссия невыполнима»*

Шторм: *«Засчитано. Я знал, что, в конце концов, завоюю твою упрямую задницу:)»*

Я: *«Теперь тебе будет со мной скучно:/»*

Шторм: *«Ни в коем случае, детка. У меня еще куча всего припасено для тебя»*

Давление!!!

Я: *«Я лучше пойду. Хотела только пожелать спокойной ночи и показать фотки»*

Шторм: *«Где ты спишь?»*

Дерьмо.

Я: *«Еще точно не знаю. Я сейчас отсиживаюсь в ванной, надеюсь, что он уснет к тому времени, как я выйду»*

Шторм: *«Сколько раз в неделю?»*

Я: *«Чего??»*

Шторм: *«Сколько раз в неделю вы занимаетесь сексом»*

Я: *«Как грубо!! Определенного количества нет! Просто тогда, когда он хочет»*

Тишина.

Я: *«И просто, чтобы ты знал, это так же, как у тебя с той девкой, он просто вставляет. Никакой прелюдии или типа того. Не дольше пяти минут»*

Тишина.

Я: *«Мне это вообще не нравится. Я каждый раз только имитирую оргазм»*

Шторм: *«Я сейчас что-то, блядь, сломаю»*

Я: *«Шторм, нет. Ладно тебе, у нас был такой чудесный день:»*

Шторм: *«Знаю. Но блядь»*

Я: *«Она тоже там?»*

Шторм: *«Кто?»*

Я: *«Ты знаешь кто»*

Шторм: *«Да, но я держусь от нее подальше. Четко дал ей понять этим утром, что я для нее вне досягаемости»*

Я: *«Правда? Ты это сделал?»*

Шторм: *«Да»*

Я: *«Спасибо»*

Шторм: *«Я ожидаю того же, Эви»*

Я: *«Ты знаешь, что для меня все сложнее! Я живу с ним!»*

Шторм: *«Тогда лучше, если у тебя каждый день будет болеть голова. Я потеряю самообладание, если узнаю, что ты спишь с ним каждую ночь»*

Я: *«Обещаю, я сделаю все возможное, что смогу. Но мне нужно немного времени, чтобы избавиться от него. Я не могу просто двигаться дальше»*

Шторм: *«Почему нет?»*

Я: *«Ау? Мне будет негде жить. Нужно сначала найти квартиру»*

Шторм: *«Забей. У меня два дома»*

Я: *«Я не перееду в твой дом. Просто не могу. И мне необходимо жить недалеко от работы»*

Шторм: *«Я могу тебе позвонить?»*

Я: *«Нет. Он в соседней комнате. Услышит, что я разговариваю»*

Шторм: *«Тогда ответь на звонок и просто слушай меня. Я не могу только печатать эти гребаные смс. Ты не обязана говорить»*

Ух!!

Я: *«Ладно, подожди сек, я звук отключу»*

Через минуту мой телефон завибрировал. Я ответила.

— Тебе не нужно ничего говорить. Я просто не могу все это набирать. У меня болят пальцы после того, как я несколько дней подряд столько играл на гитаре, — он сделал паузу. — Я знаю, что ты стараешься, Эви. И я тоже. Нам обоим не просто. Хотя это как «лежачий полицейский». Мы с этим разберемся. Я был так чертовски счастлив сегодня, просто зная, что ты наконец-то впустила меня. Зная, что ты всерьез задумалась о нас. Но ты должна понять кое-что обо мне — когда я чего-то хочу, то не остановлюсь, пока не получу это. И я не привык делиться. Так или иначе, но ты оказалась у меня под кожей, и я схожу с ума от желания к тебе. Я очень сексуален, Эви, не стану врать. Но дело не только в сексе с тобой. У меня к тебе настоящие чувства. И то, что на вершине желания вкусить тебя, для меня опасное сочетание. Это что-то, чего у меня никогда не было прежде. Ты следишь за

моими словами?

— Да, — прошептала я.

— Хорошо. Если ты хочешь быть со мной, я не смогу тобой делиться. Я не могу быть на полпути к другому концу страны и изводить себя, зная, что ты сейчас можешь быть в постели с ним, что он прикасается к тебе. Я просто слечу с катушек. Я понимаю, что тебе будет непросто, и он будет злиться. Если ты хочешь завтра же съехать, можешь переехать в мой дом. Или я могу перекинуть тебе денег на новую квартиру. Не важно.

— Я не могу так поступить, Шторм. Дай мне немного времени, чтобы разобраться со всем, пожалуйста, — прошептала я, молясь, чтобы Майкл меня не услышал.

— Он уезжает завтра на три или четыре дня.

— Слава яйцам.

В дверь громко постучали.

— Эвелин, что ты там, черт возьми, делаешь? Ты в порядке?

— Я в норме! У меня просто крутит живот. Ложись в постель.

— Ты же не беременная, да? В последнее время тебе все время плохо.

— Нет, Майкл! Ложись спать.

Я слышала, что он ушел. Иисусе!

— Святое дерьмо. Этот уебок, правда, только что сказал тебе такое?

— Он такой, какой есть. У него случится удар от незапланированного ребенка, — зашептала я.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты принимаешь свои таблетки.

— Да!

— С этим дерьмом я съеду с гребаных катушек.

— Шторм, — прошептала я, — пожалуйста, только дай мне время уехать отсюда, чтобы все было правильно. Клянусь тебе, я не позволю, чтобы между мной и ним что-то произошло. Я хочу *тебя*, хорошо?

— Черт, мне нравится, как эти слова звучат твоими губами. Скажи еще раз.

— Я хочу тебя.

Я услышала, как он сделал глубокий вдох.

— Лучше иди. Постарайся перебраться на диван.

— Постараюсь. Я позвоню тебе завтра, когда он уедет.

— Если я не отвечу, оставь сообщение. Завтра будет загруженный день.

— Оставлю. Спокойной ночи.

Я завершила звонок.

Будет нелегко.

Утра понедельника — точно дело рук дьявола. Я практически засыпала за своим столом, благо стены кабинки скрывали меня от коллег, которые, вероятно, тоже пребывали в полудреме. Я потягивала латте и читала электронные письма, записывая в список то, что нужно сегодня сделать.

Мой телефон подал сигнал пришедшего сообщения, и я проверила, что там. Не хотелось, чтобы Джек поймал меня за смс-перепиской в рабочее время.

Шторм: *«Мы только что выехали. Хотел пожелать доброго утра:»*

Я: *«И тебе доброе утро:» Постарайся позвонить мне сегодня вечером»*

Мне удалось симулировать несварение в течение прошлых двух дней и спать на диване. Из-за вранья Майклу я чувствовала себя ужасно. Не хочу быть таким человеком. Я убеждала себя, что все будет хорошо, но искренне боялась, что попаду за это в ад и буду там гнить.

К счастью, Майкла не будет до конца недели, поэтому мне больше не нужно искать оправданий, чтобы избежать его. В конце концов, он задастся вопросом, почему я все время плохо себя чувствую.

Курьер подошел к моему столу и вручил мне розовый пакет. Адреса отправителя на нем не было. Должно быть, это какая-то маркетинговая промо акция. В принципе, меня заинтриговала блестящая розовая упаковка, поэтому я сразу же ее открыла. Под розовой упаковочной бумагой оказалась глянцева розовая коробка. Я сняла крышку и развернула белую папирусную бумагу.

Святое дерьмо.

Я закрыла крышку и быстренько огляделась, чтобы убедиться, что на меня никто не смотрит. Никто.

Я заглянула обратно в коробку. Там лежал розовый фаллоимитатор. Или как он там называется. Он был сделан из какой-то розовой резины и выглядел как настоящий пенис, а у основания были кроличьи уши. Какого хрена?

Я слегка оттолкнула его в сторону и увидела крошечную карточку.

Забери его домой и позвони мне вечером. Ш.

О, Боже. Это Шторм мне такое прислал? Я закрыла крышку и спрятала коробку в сумку под столом. Я совершенно запуталась. Чего ради он бы присылал мне такое? До этого у меня никогда не было секс-игрушек и я не представляю, что с ними делать. Может, это просто какая-то шутка, а я не поняла. Кролик?

Я написала ему смс.

Я: *«Это ты прислал мне эту штуку?»*

Шторм: *«Какую штуку?»*

Я: *«Ту, что с кроликом»*

Шторм: *«Я»*

Я: *«А? Че за фигня?»*

Шторм: *«Принеси его домой и позвони мне около полуночи. Будь голая»*

Что?

— Эвелин, что там с отчетами? — Джек подошел к моей кабинке и увидел, что я пялюсь в телефон.

— Извините. Что вы спросили? — я знала, что покраснела и выглядела виноватой,

пытаясь убрать телефон и начала возиться с сумкой.

— Эвелин, мне очень нужно, чтобы ты сосредоточилась. В последнее время ты много отвлекалась. Я старался проявить терпение после твоей аварии, но продуктивности это не приносит.

Я кивнула в знак согласия.

— Вы правы, Джек. В последнее время я просто очень уставала. Простите. Я буду уделять работе больше внимания.

— Я на это надеюсь. В противном случае, мне придется написать официальный отчет о твоей работе, — сказал он и ушел.

Чудненько. Именно это мне и нужно было услышать в понедельник утром. Если я потеряю работу, у меня сорвется план по приобретению собственного жилья. Мне неудобно переезжать в дом Шторма или позволить ему оплачивать счета за меня. Не хочу быть одной из тех содержанок. И не хочу зависеть от него или остаться ему должной, если между нами отношения не сложатся.

Вот как ни странно, слова «если между нами отношения не сложатся» никогда не приходили мне в голову за все те года, что я была с Майклом. Я попросту всегда была уверена, что мы будем вместе. Я не подвергала эти отношения сомнению и не колебалась. Какой же я была глупой, успокаивая себя ложным чувством безопасности и счастья?

Я весь день поглядывала на часы, мое внимание было приковано к розовой коробочке, спрятанной под столом, а не к маркетинговым отчетам. Еще два месяца назад я была полностью погружена в свою работу, корпела над ней ночами и на выходных, чтобы произвести впечатление на Джека. А сейчас я не могла дождаться, когда смогу уйти.

По дороге домой я купила салат «на вынос» и ела его в тишине за кухонным столом. Розовая коробочка приобретала устрашающие очертания слона в комнате*. У меня кожа покрылась испариной от размышлений, что Шторм задумал делать с этой штукой. А может, мне ее просто выбросить, назвать его извращенцем и закончить все до того, как я перейду на темный, извращенный путь, к которому не готова и о котором ничего не знаю.

И больше никогда с ним не увижусь.

Я понимаю, что не могу этого сделать, и скорее отдам свою руку на отсечение. Я едва могу прожить пять минут, не думая о нем. Каким-то образом он стал центром моего мира. Все мысли, мечты и действия, в конечном итоге, сводятся к нему.

Телефонный звонок вытащил меня из размышлений. Я посмотрела на экран и увидела номер Майкла.

— Привет, — сказала я.

— Как дела? Как прошел твой день?

— Хорошо. Джек вел себя, как осел, как и всегда. А у тебя как?

— Как обычно. У меня ужин с клиентом, поэтому я решил позвонить тебе сейчас, скорее всего, освобожусь уже поздно.

Встреча за ужином. Интересно, а правда ли это или у него с кем-то свидание.

— Хорошо. Я только что поужинала, буду смотреть телевизор.

— Неплохо звучит, — он сделал паузу. — Я люблю тебя. Ты же это знаешь, правда?

Сколько силы в этих словах. Да, эти слова правдивы. Но их вес уже превратился в прах над нашими головами. Эти слова так верны. Так ошибочны.

Я сделала то же самое в ответ.

— Да, — сказала я. — И я тоже люблю тебя.

Вероятно, всегда буду. Но уже не так, как раньше.

За четыре часа до полуночи перед тем, как я смогу позвонить Шторму, я решила изучить это кроличье приспособление. Я никак не могла понять предназначение кроличьих ушей. Что бы это значило? Быстрый, как кролик? Кролик-энерджайзер? А может, они только для привлекательности.

Я размышляла, стоит ли позвонить Эми и спросить ее об этой штуке. Сфотографировать и отправить ей вместе с текстом. Но решила не делать этого, а вдруг это какая-то милая особенность Шторма, то, чем он привык заниматься, а я не хочу посвящать в это дело Эми, если окажусь права. Лучше просто подожду и посмотрю, что будет.

В 23.30 я заползла голышом в постель и подложила под спину подушку так, чтобы могла сидеть, комнату освещал только свет от телевизора. Я открыла розовую коробочку и вытащила фаллоимитатор. Внутри него была крошечная трубка, которую я сразу не заметила. Я искоса посмотрела на нее и потянулась за этикеткой, чтобы прочитав об этом.

Смазка для гладкого скольжения.

Смазка для гладкого скольжения? Я никогда не видела и не пользовалась лубрикантом. Сняла головку и понюхала. Без запаха. Выдавила небольшое количество смазки себе на палец и растерла большим и указательным пальцами. И правда, скользкая и шелковистая. Мне вроде как захотелось растереть ею руки, как лосьоном, но это, вероятно, не лучшая идея, и она предназначена не для этого.

Я проверила коробку, чтобы убедиться, что там больше ничего нет. Мне хотелось сохранить карточку, которая была в коробке. Интересно, Шторм сам ее написал или это сделал тот, кто упаковывал эту штуку. Записка написана каллиграфическим почерком, словно ее написал архитектор или художник. Я поднесла карточку к носу и понюхала на случай, если она пахнет одеколоном Шторма. Но нет.

Я уставилась на длинный фаллос вибратора, не обращая внимания на несчастную маленькую голову и уши кролика. Эта штука просто огромная, определенно больше, чем у Майкла. Я ни за что не засуну ее себе, если Шторм именно этого и хотел.

Ты. Такая. Глупая.

В такие вот моменты я искренне удивляюсь собственной глупости и наивности. Будь я своей же подругой, я бы сидела сейчас и смеялась, качала головой, спрашивая себя, о чем собственно я думаю, он хотел, чтобы я с этой штукой делала? Ну конечно, он хотел, чтобы я использовала ее. Ради чего еще я должна быть голой? И его указания, чтобы я была нагишом в постели? *Которой я собственно и была.*

Я закусила губу, когда во мне вспыхнула искра беспокойства, а потом и разгорелась. Две минуты после полуночи. Я не знаю, смогу ли это сделать.

Я могу выключить телефон, а завтра просто сказать ему, что уснула. Это веское оправдание. Скорее всего, он тоже устал после целого дня в дороге. И, наверное, хотел бы просто лечь в постель, а не трепаться со мной по телефону.

У меня прозвучал рингтон звонка.

Вот блин.

Я скользнула пальцем по экрану и поднесла телефон к уху.

— Уже двенадцать ноль четыре.

— Знаю, — сказала я голосом провинившегося ребенка.

— Ты думала о том, чтобы не звонить мне, так? — у него был обвиняющий голос, но и

игривый.

Я не ответила.

— Ничего себе, Эви. Ты, правда, так поступаешь со мной? Просто отталкиваешь меня, хотя знаешь, что я ждал целый день, чтобы поговорить с тобой?

— Нет... Я тоже до смерти хотела поговорить с тобой. Просто я...

Я покосилась на вибратор.

— Ты нервничаешь из-за игрушки?

— Да, вроде того.

Он выпустил смешок.

— Поверь мне, Эви. Ты так полюбишь эту игрушку, что мне придется прятать ее от тебя.

— Я очень в этом сомневаюсь.

— До того, как мы перейдем к этому, расскажи мне, как прошел твой день.

— Скучно. Ненавижу понедельники, и Джек обвинил меня в том, что я не внимательна на работе.

— А так и есть? Ты любишь полетать в облаках.

— Да. Как я могу сосредоточиться на своих делах, если ты присылаешь мне сексуальные игрушки прямо на рабочее место?

— Ну, я не хотел присылать ее тебе домой. Подумал, что в офис будет безопаснее.

— Хорошее решение, — призналась я. — Где ты сейчас?

— В гостиничном номере, где-то в Колорадо.

— Один?

— Да, один. Я говорил тебе, что не буду спать с другими женщинами, так?

Я прикусила щеку.

— Так... Я подумала, может, ты делишь комнату с одним из своих братьев.

— Нам уже не двенадцать, Эвелин. У каждого свой номер, как у взрослых людей. У кого-то есть девушки или женщины, которых они взяли с собой. Или группы. Вот такая хрень.

Мне не хотелось об этом думать. Надеюсь, у Сисястой своя комната на другом конце гостиницы. Или на другом континенте, что было бы еще лучше.

— Может, в следующий раз ты поедешь со мной?

Поехать с ним в тур? С «Эшес и Эмберс»? Он спятил?

— Шторм, я не думаю, что смогу это сделать. У меня работа... я не из таких девушек, как те группы.

Он прокашлялся.

— Как группы? Ты не гребаная группы, Эви. Ты поедешь как моя девушка.

Я поиграла с этим словом у себя в голове. Снова и снова, и снова. *Моя девушка.*

— Мы еще поговорим об этом в другой раз, — произнес он. — Сегодня ночью будем развлекаться. Ты в кровати?

— Да.

— Опиши для меня, что тебя сейчас окружает.

— Ну. Фактически это комната с кроватью.

Я расслышала звук его электронной сигареты, как он затягивается и выпускает пар.

— Детка, отпусти свой разум. Соблазняй меня словами. Вроде этого, я начну первый. Я лежу на постели с откинутым одеялом.

У него был низкий голос, он говорил медленно, неторопливо. Перенося меня в свой

мир.

— Мне жарко от мыслей о тебе, и я не хочу, чтобы на мне было что-то еще. Свет погашен, но вокруг меня горит несколько свечей, одна из них возле кровати, одна на тумбочке перед зеркалом, еще одна в коридоре. Мой член уже встал только от мысли о тебе. Весь этот чертов день я был возбужден, думая о тебе с той игрушкой, представляя ее в твоих руках. Я очень хотел подрочить, но мне хотелось сохранить это для тебя, чтобы я услышал твой голос и твое дыхание около моего уха, когда я приеду.

Вау. Моя вагина затрепетала и сжалась только от этих слов и его сексуального голоса, который соблазнял меня.

— Жаль, что я не там.

У меня был мягкий голос с ноткой вождения, дыхание немного ускорилось и стало глубже.

— Я тоже, детка. Ты даже не представляешь. Но сейчас, пока мы далеко друг от друга, я буду трахать тебя своим умом и словами, а ты мне в этом поможешь. Согласна?

— Согласна... да.

Я готова сказать «да» на все, чего он захочет. Только бы он заставлял меня и дальше так себя чувствовать. Лишь бы не пропало ощущение этих бабочек.

— Ты когда-то играла с секс-игрушками до этого?

— Нет... никогда. Я не могу понять для чего здесь кролик.

Он сладко рассмеялся.

— Ты чертовски очаровательна, Эви. Клянусь, у меня каждый раз голова идет кругом от твоих милых странностей.

Милых странностей? Но, пожалуйста, только не милых...

— Я рад, что ты прежде никогда этого не делала. Я хочу стать твоим первым разом столько раз, сколько это возможно.

Я сделала глубокий вдох.

— Это будет довольно просто, Шторм. Учítывая, что я спала только с одним мужчиной и мы практически ничего не делали. Я никогда не делала минет.

Я тут же пожалела о том, что сказала это. *Вот черт!* Он решит, что я какой-то фрик и помчится сразу же к Сисястой.

— Подожди, что? — судя по голосу, он был в шоке и замешательстве.

— Давай просто забудем о том, что я сказала, ладно?

— Нет. Ни за что, блядь, на свете ты не забереешь сказанное обратно. Ты серьезно, детка?

Я застыдилась. Я гребаная неудачница.

— Да, доволен? В сексуальном плане я неудачница, я это знаю. Теперь можем над этим посмеяться. Всем спасибо.

— Эви, я не смеюсь над тобой, — его голос звучал печально и невероятно серьезно. — Ты знаешь, как это меня заводит? Ты практически девственница.

— Шторм...

— Не волнуйся, детка, я все тебе покажу. Я собираюсь каждую твою частичку сделать своей.

Он остановился, словно переводил дыхание.

— Я не могу дождаться, чтобы прикоснуться к каждому сантиметру тебя. Блядь. Я хочу сейчас же вылететь обратно и просто обнять тебя. Ты меня убиваешь.

— Ты не можешь этого сделать.

— Знаю. Но я чертовски сильно хочу это сделать. Я буду учить тебя, как отсасывать мне, и ты меня окончательно уничтожишь, когда будешь смотреть на меня теми глазами, делая это. Ты действительно не представляешь, сколько у тебя надо мной власти, Эви. От этого все мое дерьмо разлетается от страха.

Мое сердце екнуло от его слов, от глубин, с которой он их произносил.

— Я не причиню тебе боль, Шторм. Не нужна мне никакая власть.

— Это хорошо, детка, потому что я собираюсь забрать ее себе. Ты сейчас лежишь на кровати голая?

— Да.

— Расскажи мне.

Я сделала глубокий, прерывистый вдох.

— На мне легкое одеяло, оно укрывает меня до талии. Одна из подушек прислонена к изголовью, и я опираюсь на нее. Свет выключен, включен только телевизор. Игрушка лежит около меня на кровати.

— Я хочу, чтобы ты делала то, что я тебе скажу, хорошо? Ты сделаешь это для меня?

— Да.

— Хорошая девочка. Я хочу, чтобы ты прикоснулась к себе, опусти палец к своим губам и скажи мне, если ты влажная.

Я медленно последовала его указаниям, замороженная его голосом.

— Да, я влажная, — сказала я ему.

— Возьми игрушку и разотри по ней немного смазки.

Я сделала то, что он сказал.

— Эта штука огромная, — прошептала я.

— Она больше, чем его?

— Хм, да. Немного больше. Я не уверена, что она подойдет мне.

Думаю, мне нужен размер S.

— Оно и к лучшему, потому что он меньше, чем мой.

Святое дерьмо!

— Иисусе, Шторм...

Он стал тяжелее дышать. Думаю, он поглаживает свой член, пока мы разговариваем. Хотела бы я увидеть его, прикоснуться к нему.

— Ты касаешься себя? — прошептала я.

— Да, сейчас я такой твердый для тебя. Ты возьмешь игрушку и потрешь ее о свой клитор?

— Да... сейчас только попробую сделать это, не уронив телефон. Ты мог выбрать и поменьше...

— Детка, ты как маленькое крушение поезда.

— Извини...

Это ни за что не сработает. Он привык к профессиональным шлюхам, которые умеют сосать, как пылесос разлитую воду. И знают, как действовать с вибратором-кроликом. А я неуклюжая и абсолютно сексуально несостоявшаяся.

— Не волнуйся, Эви. Ты именно то, что мне нужно. Ты избавляешь меня от собственного ада и мне с каждым днем это все больше и больше нравится.

— Я недоразумение... ты прав...

Я чувствовала, что вот-вот заплачу. Я даже не могу заняться сексом по телефону. И не за что не смогу удовлетворить такого парня, как он.

— Ты будешь *моим* недоразумением. А теперь отбрось всю эту хрень. Я больше не могу сдерживаться. Хочу, чтобы ты взяла игрушку и потерла себя ее кончиком.

— Мне ее включить?

— Пока нет. Просто ляг на спину и слушай меня. Перестань думать.

Я нерешительно потерла там себя кончиком вибратора.

— А сейчас медленно протолкни его, совсем немного.

Я это сделала. Чувствовала, что становлюсь более влажной. Я ощущала озорство.

— Включи ее и приложи уши кролика к своему клитору.

Я сделала и это, и эти маленькие жужжащие уши подёргивались миллион раз на моем дрожащем бутоне.

Срань Господня! Где эта штука была всю мою жизнь?

— Ох, ничего себе... — сказала я, задыхаясь.

— Приятно, да? Я хотел бы, чтобы это мой язык ласкал тебя, но сейчас этим займется игрушка.

Я сильнее прижала к себе маленькие ушки.

— Мне понравилось, как ты ласкал меня, — сказала я. — Я никогда прежде себя так не чувствовала. Никогда. Это было еще лучше, чем в джакузи.

— Только дождись, детка. Это только верхушка айсберга.

Его дыхание стало еще тяжелее и быстрее, как и мое. Я слышала, как двигается его рука по собственной плоти.

— Я хочу, чтобы ты не спеша всунула в себя вибратор, Эви. Держи так, чтобы маленькие ушки продолжали касаться тебя.

— Хорошо...

Я протолкнула головку игрушки в себя, но это было не просто. Она широкая и по ощущениям слишком большая. Но мне этого хотелось. Меня возбуждал вибратор и осознание, что прямо сейчас Шторм прикасается к себе, думая обо мне.

— Это непросто, Шторм. Я едва протолкнула ее.

— Блядь, детка. Я хочу, чтобы ты попробовала еще раз. Хочу, чтобы ты знала, как ты будешь ощущать потом меня. Закрой глаза и думай обо мне, представь, что это мой член медленно входит в тебя.

Входит в меня.

Осторожно просунула еще небольшую часть игрушки в себя. Я чувствовала, как расширяюсь изнутри. Больно, но я всунула еще немного. Ощущения от вибрации просто невероятные, от них все мое тело загорелось и захотело, чтобы к нему прикоснулись.

— Почувствуй, как я натяну тебя на свой член, Эви. Почувствуй, как глубоко я войду в тебя.

— О, Боже, Шторм...

— Неужели так хорошо?

— Да... очень хорошо.

— Я сейчас кончу... Я хочу, чтобы ты кончила вместе со мной. Ты сможешь?

— Да... пожалуйста, — я всовывала и высовывала игрушку, все быстрее и все глубже. Немного больно, но меня это не волнует. Удовольствие превыше боли. Представляя, что это Шторм внутри меня, всякая боль ушла. Я хотела почувствовать его в себе, так же, как это.

— Шторм... сейчас...

Мои слова исчезли, их украл оргазм, который пронесся по моему телу. Я слышала его дыхание у своего уха, такое прерывистое. Эти звуки были невероятно сексуальными. Я очень хотела сейчас быть рядом с ним, чтобы моя рука была на его члене, вместо его собственной.

На несколько секунд мы замолчали, купаясь в ощущениях покидающего нас оргазма, слушая дыхание друг друга.

Я вынула игрушку и выключила ее. Вот черт. Мое тело превратилось в желе. Каждый оргазм, который я испытывала со Штормом, был сильным и исчерпывающим.

— Спасибо, что сделала это со мной, Эви. Это было чертовски сексуально.

— Нет, тебе спасибо, что прислал мне эту штучку.

Он рассмеялся глубоким смехом.

— Не играй с ней слишком часто. Я хочу, чтобы ты нуждалась во мне, чтобы почувствовать удовлетворение.

— Кто бы ни придумал эту штуку — он гений, — сказала я. — И не волнуйся, я не думаю, что она сможет занять твое место.

— Вот и не надо. Или же я приду в ярость.

Я захихикала над ним.

— Я бы хотела, чтобы ты был здесь, — произнесла я. — Я смотрю на нашу фотографию, по крайней мере, сотню раз в день.

— Я тоже так делаю.

Я взглянула на часы. Уже поздно. Мне не хотелось спать. Я не хотела, чтобы он отключался. Вот бы я могла ощутить его объятия вокруг себя, как он делал это в грузовике.

— Эвелин, я, правда, рад, что тебе понравилось. Позволь упасть своим стенам. Мне нравится слушать твой смех.

— Это тяжело, Шторм. Я чувствую вину, словно я не заслуживаю счастья.

— Я тебя понимаю. Правда, понимаю. Но ты не плохой человек, Эви. И я знаю, что втянул тебя в такие ситуации, в которых ты не хотела оказаться, и я прошу за это прощение. Но я не стану извиняться за то, что делаю тебя счастливой, и я надеюсь, что у меня будет возможность сделать тебя еще счастливее и заставить тебя сделать шаг из твоей зоны комфорта, чтобы ты наслаждалась жизнью немного больше. Жизнь так чертовски коротка, чтобы быть несчастной.

— Я знаю...

— Ты говорила, что сидишь на таблетках?

— Да. А что?

— То, что когда мы будем заниматься любовью, я не хочу ничего использовать. Я хочу ощущать только тебя.

Не уверена, что я должна по этому поводу чувствовать, понимая, сколько у него было женщин.

— Шторм... я из-за этого немного нервничаю.

— Думаешь, что у меня может быть какая-то болезнь?

Я сглотнула.

— Да. Ты говорил, что спал со...

— Я всегда использую защиту. И я проверялся шесть месяцев назад, просто, чтобы быть уверенным. Я отправлю тебе копию результатов своих анализов.

— Шторм... ты не должен этого делать...

— Да, должен. Я хочу, чтобы со мной ты чувствовала себя в безопасности. И это совсем не проблема. У меня есть цифровые записи всего. Я отправлю все тебе, чтобы ты ощущала себя комфортно со мной.

Я ужасно себя чувствовала из-за того, что ему необходимо доказывать мне о своем состоянии здоровья. Но, если уж совсем честно, это ослабит мои опасения.

— Хорошо. Прости, Штурм. Ненавижу, что из-за меня ты так себя чувствуешь. Правда.

— Эви, это совершенно нормально. Никаких переживаний, ладно, детка?

— Завтра вечером я пойду посмотреть квартиру, — сказала я, желая сменить тему. — Я подыскала три варианта и, возможно, приму решение.

— Я говорил, если тебе нужны деньги, я помогу. У тебя нет никаких причин, чтобы нервничать по этому поводу.

— Штурм, нет. Мне нужно сделать это самостоятельно. Я ценю твое предложение, но мне, правда, просто необходимо решить это самой.

Он смягчился:

— Хорошо, детка. Только помни, что предложение остается в силе. Тебе пора ложиться спать. Я не хочу, чтобы ты играла с кроликом всю ночь, ладно?

— Я постараюсь, — поддразнила я.

Мы попрощались, и я провалилась в сон, я была истощена, как морально, так и физически.

*Слон в комнате — английская идиома, которая выражает очевидную правду, которую игнорируют либо старательно пытаются не замечать.

Самостоятельный осмотр квартир подействовал на меня сильнее, чем я себе представляла. Во-первых, изначально я думала об этом, как о возможности сбежать. То место, куда я перевезу свои вещи, пока... пока что-то, я еще не уверена, что.

Но сейчас осматривая эти квартиры, я вдруг почувствовала себя очень самостоятельной. Сильной. Впервые в жизни я делаю что-то для себя, самостоятельно. Без чьих-то наставлений или помощи, или компании. В квартире номер три я почувствовала себя волшебной. Она примыкает к большому дому, в котором живет пара постарше. Но она полностью отделена от их дома, даже свой вход есть. Здесь жила мать этой женщины до того, как ее пришлось переместить в дом престарелых. В квартире две спальни, большая ванная, маленькая кухня и большая гостиная с обеденной зоной в стороне. И в хозяйской спальне и в обеденной зоне были пристроены подоконники, на которых можно сидеть — для меня это просто идеальный вариант, чтобы писать в своем дневнике и для Хейло, где он сможет принимать солнечные ванны. В комнатах сводчатые потолки и всё в таких легких, приземистых цветах бежевого, кораллового и цвета нефрита. Я чувствовала себя здесь так уютно и так... правильно. Все по-прежнему обставлено красивой мебелью, к которой, казалось, никогда не прикасались, и еще очаровательными картинами на стенах с цветами и колибри. На всех картинах были колибри.

Джейн, владелица, улыбнулась, когда увидела, что я рассматриваю картины.

— Моя мама... она нарисовала все эти работы, когда была моложе. Она была очарована колибри.

— Она очень талантлива, — подметила я. — Они все такие красивые. Она, и правда, была околдована ими. Кто же не любит колибри?

Она расплылась в улыбке, а потом показала мне шкафы со встроенными полками и ящиками, с гордостью сообщив, что всем бытовым приборам нет и двух лет. Я ее обожаю. Она такая классная и напоминает мою маму.

Стоя посреди гостиной, я уже знала, что это то место, где я хочу жить. Здесь я хочу начать новую жизнь.

— Мне тут очень нравится. Идеальное место. Я была бы более чем рада жить здесь, если вы одобряете.

— Могу я узнать, вы здесь будете жить сама?

— Да... и мой очень старый глухой кот. Он довольно чистоплотный, никаких вредных привычек. У меня есть парень, который может остаться на ночь, но он не будет жить здесь все время.

— О, с этим не будет никаких проблем. Я сама люблю котов. У меня их два. Ты мне нравишься, Эвелин. Думаю, ты будешь замечательным арендатором. Я довольно придирчиво отношусь к тем, кто будет здесь жить, так как квартира примыкает к нашему дому и все здесь принадлежало моей матери. К сожалению, она недолго прожила в этой квартире и не смогла взять с собой ничего из своих вещей, поэтому, если тебе что-то нужно, всю мебель можно оставить. Нам, честно говоря, некуда ее пристроить. В моем доме четыре спальни и все уже обустроены, и уголок в гостиную нам не нужен.

— Джейн, я даже не знаю, что сказать. Мне это действительно будет очень кстати. Своей мебели у меня нет. И я безоглядно влюбилась в эту. Сказать по правде, я бы не стала

тут ничего менять. Я могу заплатить за нее, если...

Она подняла руки вверх:

— Совершенно не стоит. Я только прошу, чтобы о квартире заботились. Я буду только рада, если всем будут пользоваться, ничего не будет пропадать или стоять на обочине. Довольно тяжело найти такого арендатора. Если квартира тебя устраивает, то она твоя.

Я кивнула, а на моем лице появилась огромная улыбка.

— Да. Я определенно хочу ее. И как можно скорее.

Я была так взволнована находкой квартиры, что позвонила Шторму, как только села в машину. Обычно я не звоню ему так неожиданно, но я не могла дождаться, чтобы поделиться этой новостью с ним.

— Эй, детка. Я только о тебе думал.

Я слышала, как на фоне говорят другие люди и звучит гитара. Наверное, они готовятся к сегодняшнему выступлению.

— У меня отличные новости! Я нашла самую лучшую квартиру! И могу переехать туда так скоро, как только захочу!

— Святое дерьмо, это же потрясающе! Подожди секунду, я попытаюсь найти место, где тише.

Я слышала на другом конце, как он перемещается, голоса парней пропали.

— Хорошо, так лучше. Извини за это. Я очень за тебя рад.

— Как и я. Там так уютно, и она в безопасном районе с милыми соседями, — я рассказала ему все детали о мебели и владелице.

— Замечательно звучит, Эви. Тебе нужна какая-то помощь для переезда? Я не вернусь домой еще несколько недель, но я мог бы послать кого-то. Лукас не поехал с нами в тур. Я уверен, что он бы тебе помог, никаких проблем.

— Я справлюсь. Решила оставить всю мебель Майклу. Мне нужны только несколько моих коробок, а с ними разберусь и сама. Эми мне поможет. Я просто так взволнована и нервничаю.

— У тебя все будет хорошо, детка. Я не могу дождаться, чтобы увидеть тебя.

— Правда? Ты приедешь посмотреть на квартиру, когда вернешься домой?

— Ну, конечно, — сказал он так, словно я не в себе. — Эви, если ты уходишь от Майкла, я хочу увидеться с тобой как можно скорее. Я думал, что ты это знаешь.

— Я просто..., - я не знала, что мне сказать. — Я боюсь, что ты передумаешь или я тебе наскучу. Я не знаю, о чем думать, Шторм.

— Эви, я не передумаю и мне не станет с тобой скучно. Я хочу, чтобы мы встречались как нормальные люди и узнавали друг друга. Мне нужно, чтобы и ты в это верила. Я знаю, что сейчас у тебя с ним все хреново, и я далеко, и еще все то дерьмо, через которое мы проходим, но я просто хочу оставить это позади нас, когда я вернусь домой.

— Я верю тебе... Я просто продолжаю думать о том, что ты сказал мне в грузовике, о том, что ты не заводишь отношения.

— Не заводил. И так было долгое время. А когда я застрял с тобой, говорил с тобой, видел, как светятся твои глаза, засыпал с тобой в своих объятиях, черт, даже спорил с тобой, заводился из-за тебя... — все это заставило меня захотеть отношений. Разве я ожидал, что так выйдет? Черт возьми, нет. Но сейчас я чувствую это, я хочу этого.

Я закрыла глаза и сильнее прижала телефон к уху, впитывая его слова. Позволяя им

проникнуть в самую глубину себя, которой было страшно.

— Шторм, парни тебя ждут — услышала я на заднем фоне женский голос. У меня на руках волосы встали дыбом. Я знала, что это она.

— Я буду через несколько минут, — прокричал он в ответ.

— Ты всех задерживаешь, — ответила она.

Уходи, брысь.

— Ты что, глухая? Я сказал, что подойду через пару сраных минут, — у него был отталкивающий, даже грубый голос, которого я никогда не слышала. Не хотелось бы мне, чтобы такой голос когда-либо обратился ко мне.

— Это она? — спросила я его, ненавидя то, с какой ревностью я произнесла вопрос.

— Да.

— Отлично.

— Клянусь жизнью Нико, ничего нет и не было. Я каждую ночь был один в своем номере, говорил с тобой, писал тебе или думал о тебе. Я не лжец, Эвелин. Может, тебе не всегда придется по вкусу моя правда, но только ее ты всегда и будешь слышать.

Я выдохнула, все это время я задерживала дыхание.

— Я верю тебе, Шторм, — и я верила. Он не идеален. У него есть свои острые углы. Но одну вещь я понимала — он настоящий, несовершенный и честный. Я знаю, что когда он что-то говорит, то именно это и подразумевает. Время от времени.

— Я лучше пойду, или Вандал закатит истерику. Он весь день в галимом настроении, только и повторяет, что мы лажаем. Они с Ашем цепляют друг друга за плотки, и мне уже надоело быть их рефери.

— Ох... надеюсь, все наладится.

— В конце концов, он успокоится. Скорее всего, я не смогу сегодня вечером с тобой поговорить. К тому времени, как закончится концерт и я вернусь в отель, будет уже за полночь. Не хочу каждую ночь удерживать тебя от сна.

— Шторм, я же не против. Я люблю слушать твой голос перед сном.

— И я. Посмотрим, насколько будет поздно. Просто не волнуйся, если не услышишь меня, ладно?

— Обещаю, я не буду сходить с ума.

— Хорошо. И Эви? Я очень счастлив, что ты нашла квартиру. Не могу дождаться, когда буду там вместе с тобой.

Он отключился, а я еще несколько секунд так и держала телефон. Каждый раз, когда мы прощаемся при личной встрече или по телефону, я чувствую, как частичка меня исчезает. Будто паззлу не достает одного кусочка.

Я вытянула из сумки свой дневник и добавила несколько заметок в свой список.

Упаковать вещи.

Поговорить с Майклом.

Отправить Джейн открытку в знак благодарности.

Сменить адрес.

Мне нравился мой список. Я могу все это выполнить.

До того, как отъехать от тротуара, я еще раз посмотрела на место, которое скоро станет моим новым домом. И меня наполнило чувство спокойствия.

Я провела дома не больше пяти минут, как на моем телефоне раздался непривычный

рингтон и высветился неизвестный номер. Я хмурилась, глядя на экран и ответила.

— Алло.

— Эвелин, это Ария Валентайн. Я звоню в удобное время?

Ария! Мама Шторма. Оооооой!

— Да... конечно. Как вы поживаете?

У меня в голове все перемешалось. Почему она мне звонит? Что-то случилось со Штормом? Но я говорила с ним не больше получаса назад. Может, она накопила на меня какое-то грязное белье? Но у меня такого нет. Она ненавидит меня. Она не хочет, чтобы ее любимый сын встречался с девахой, которая уже живет с другим...

— Я замечательно, прямо сейчас немного занята, поэтому и звоню тебе. Надеюсь, ты не возражаешь, что я попросила у Шторма твой номер.

Я села в двухместное кресло и скинула туфли.

— Нет, конечно, все нормально... звоните в любое время. Я могу вам чем-то помочь?

— На самом деле, я думаю, что можешь. Если тебя это интересует, конечно.

Я не представляла о чем речь. Чем я в принципе могла помочь Арии Валентайн?

Она продолжила говорить. У нее был такое приятный голос, даже чувственный. Мне нравилась ее уверенность и вера в себя.

— Сегодня утром мне пришлось уволить свою помощницу. Я выяснила, что она распространяла части моей еще неизданной рукописи без моего ведома. Я совершенно подавлена, она работала на меня пять лет, и я никогда не думала, что она может такое сделать. Я полностью ей доверяла. Конечно, бедняжка извинялась, пока не охрипла, но я просто не могу работать с человеком, которому не доверяю на все сто процентов.

— Ох, Ария, это ужасно. Мне очень жаль это слышать. Я понимаю, как вы разочарованы.

Боже, сейчас никому нельзя верить.

— Разочарована — это еще ласково сказано. Но вот причина, по которой я звоню: я хотела бы предложить тебе эту работу. Я знаю, что у тебя есть опыт работы в сфере маркетинга и управления проектами. Мне потребуется помощь с организацией моего календаря событий, обновление моей социальной страницы и веб-сайта, назначение встреч, рассылка книг с моим автографом и рекламные материалы, мониторинг моей электронной почты и написание ответов на те письма, где не нужно мое личное рассмотрение, отслеживать в сети отзывы и докладывать, если какие-то из них будут очень критиковать мои книги. Искать для меня кое-какую информацию, и я буду просить тебя перечитывать мои новые рукописи, еще нужно будет убедиться, что все будет вовремя и по плану, и я не пропущу сроки. Работы много, но ничего такого, с чем бы ты не справилась, я в этом уверена. Шторм сказал, что ты идеально мне подойдешь, и я полностью доверяю его мнению. Еще он сказал, что твой босс козел.

Я в замешательстве. Ария Валентайн просит меня стать ее личным помощником. Она ненормальная? Я же ничего не знаю о том, как помогать автору бестселлеров.

Я постаралась успокоиться.

— Ария, я польщена... но я, правда, не знаю, лучший ли я кандидат для этого... У меня нет опыта в данной области. И я буду ужасно себя чувствовать, если подведу вас.

— Эвелин, я уверена, что ты справишься. Я могу научить тебя всему, что тебе нужно знать. В конечном счете, практически все сводится к наличию здравого смысла и организации, если честно. Это то, что мне будет очень лень делать, или я буду слишком

погружена в собственные дела. Я бываю занятой, но со мной легко работать.

— Сказать по правде, звучит потрясающе, но я только сегодня заключила договор об аренде квартиры. И она слишком далеко от вашего дома. Я никак не смогу приезжать каждое утро.

— О, это и не так важно. Это больше должность для виртуальной работы — ты все можешь делать дома. Так делала и моя последняя помощница. Лично мы с ней встречались где-то раз в месяц. Все остальное обсуждали по телефону или электронной почте, смс-ми и по видеоконференции. Я могу отправить тебе все материалы, чтобы ты не выходила из дому.

Вот это да. Работать на дому? Я смогу сидеть в своей новой прелестной квартире и работать с известным писателем. Я смогу весь день ходить в штанах для йоги! Мне не придется считаться с политикой офиса и снисходительными замечаниями Джека.

— Прежде, чем ты скажешь что-то еще, твоя зарплата будет шестьдесят пять тысяч, и я оплачиваю твою медицинскую страховку. Также я буду возмещать тебе проезд, телефонные счета и любые домашние оборудования, которые тебе могут понадобиться.

Ешки-матрешки. Это больше, чем я зарабатываю сейчас. Фактически, я смогла бы расплатиться с некоторыми долгами и начать откладывать деньги. Это полностью изменит мою жизнь.

— И последнее, — добавила она. — Это никоим образом не будет связано с твоими отношениями с моим сыном. Твоя работа не будет зависеть от того, что у вас с ним будет происходить, обещаю. Я даже внесу этот пункт в трудовой договор, если тебе так легче.

— Ария, это вовсе не обязательно, я верю вам. Думаю, я сейчас просто в шоке. Для меня это невероятное предложение, словно мечта наяву.

Я сделала глубокий вдох. Сейчас происходит сразу столько всего, что я немного ошеломлена. Для меня такая возможность уж слишком хороша, чтобы отказываться.

— Милая, почему бы тебе не подумать хорошенько и не перезвонить мне завтра вечером? Я понимаю, что сбросила на тебя эту новость, и еще много всего нужно доработать. Я не жду, что ты примешь решение прямо в эту минуту. Пожалуйста, обдумай все. Я буду рада, если ты согласишься работать на меня. Мне кажется, тебе она очень понравится. Если же ты решишь, что это не для тебя, ничего страшного. Я пойму.

— Это было бы замечательно, правда. Извините, сегодня был сумасшедший день и эта новость для меня настоящий сюрприз.

У нее был добрый и утешительный голос:

— Эвелин, можешь не волноваться. Это серьезное решение. Если у тебя возникнут какие-то вопросы, просто скажи мне. Я буду в восторге, если ты примешь мое предложение. У меня ощущение, что тебе стоит воспользоваться этими изменениями, может, это будет новым началом для тебя.

Я тихо рассмеялась, соглашаясь с ее словами.

— Ваша правда, мне стоило бы так и сделать.

— Что ж, не буду больше тебя задерживать. Позвони мне завтра, и мы все обсудим. Хорошего вечера, милая.

— И вам. И спасибо вам большое, что думаете обо мне.

Я откинулась на диванчике и уставилась в потолок. Нужно принять столько решений, что у меня разболелась голова. Годами моя жизнь оставалась прежней, неизменной — дни просто проходили один за другим, и они ничем не отличались. А все изменения на горизонте меня пугали. Принятие решений — не самая моя сильная сторона, а сейчас мне

необходимо принять все и сразу. Хочется лечь в постель и спрятаться от всего этого.

Нет. Это именно то, что сделала бы старая Эвелин, что она делала годами. Новая же Эвелин, новая я не стану убегать и прятаться, позволяя жизни проходить мимо себя. Я встала и подошла к каминной полке, на краю которой стоял снежный шар, который подарил мне Шторм. Я взяла его в руку, осторожно потрясла и смотрела на вихрь крошечных снежинок. Я заблудилась в тот день, и он полностью изменил мою жизнь.

Две недели. Четырнадцать дней. Новый дом. Новая работа. И Шторм.

Я смогу.

Подать в отставку было не просто. Меня мучило чувство вины из-за того, что я увольняюсь, будто мой уход мог как-то повлиять на компанию. Хотелось верить, что так и будет, но ссылаясь на последние слова Джека, в последнее время я стала совершенно некомпетентной. Ауч.

Я договорилась на счет кабельного телевидения, интернета и телефона для моей новой квартиры. Джейн была достаточно добра и разрешила мне заселиться в квартиру на несколько дней раньше официальной даты переезда, так я смогла перевезти все свои вещи и заполнить холодильник и шкафы продуктами.

Я безумно скучала по Шторму, пока он был в туре, но даже в разлуке мы только сближались. Часы, проведенные на телефоне ночи напролет, и бесчисленное количество сообщений предоставили нам возможность говорить обо всем под светом солнца. С каждым днем я все больше и больше в него влюблялась, мои страхи и опасения понемногу исчезали. Он терпеливый и понимающий. Он слушает, когда мне это необходимо, и подталкивает, когда мне нужен небольшой толчок. Несколько раз во время наших ночных разговоров к нам присоединился «кролик» и каждый раз становился еще эротичнее, чем предыдущий. У этого мужчины есть очень чувственная сторона, которую я мало-помалу перестаю бояться.

Сегодня я расскажу Майклу, мужчине, с которым я провела последние двенадцать лет своей жизни, что я его больше не люблю. Даже не могу представить, как он отреагирует на это. Будет ли он в гневе? Рад? Я, правда, не знаю. За последние несколько недель он стал для меня незнакомцем. Когда я отдалась от него, я поняла, что в наших отношениях толком то ничего и не было. Только мое внимание, мои разговоры, мои планы, которые были большей составляющей наших отношений. Когда я прекратила все это, пустота между нами «раздувалась», как воздушный шар. Он до сих пор звонил мне каждый день, но эти звонки по своей природе, скорее были обычным обязательством. Он просто «отмечался», я не знаю, как можно описать это правильнее.

Я несколько дней не могла решить, как лучше будет со всем покончить. Я обдумывала, может просто оставить ему письмо и уехать, пока он не в городе. Этот вариант показался мне бесчувственным, в конце концов, мы прожили вместе двенадцать лет. Мне показалось довольно грубым так поступать, вот приедет он домой и увидит письмо, в котором его девушка заявляет, что она переехала, пока он был в командировке. Пусть даже это и спасло бы меня от неловкого разговора лицом к лицу.

Я не заслужила легкого отступления. Я плохо себя повела, и, если он станет на меня кричать и устроит скандал, значит, я это заслужила. Запланировано или нет, но то, что я делала со Штормом, никогда не должно было произойти, пока я состою в отношениях. У меня сильное подозрение, что у Майкла уже какое-то время есть другая, но я не должна позволять себе опускаться до такого. Для меня важны обязательства, я выросла с этим пониманием и я уважаю их. И всегда им следовала. Пока не появился Шторм и не сдвинул мой мир с оси.

Шторм просил меня повременить, пока он не вернется в город, и не говорить с Майклом на эту тему, на тот случай, если мне понадобится его поддержка. Меня это не

совсем устраивало. Жить с Майклом под одной крышей еще две недели, зная, что у меня есть своя секретная квартира и любимый, который придет ко мне, доведут меня до того, что вина будет все глубже и глубже прорасти во мне. А я не хочу больше ее чувствовать.

Дождаясь приезда Майкла на диване, я осмотрела наш дом и поняла, что в нем нет ничего от «нас». Ни наших фотографий на стенах. Ни подарков, которые он дарил мне, ни тех, что дарила ему я. Даже не знаю, как я раньше этого не замечала. Или я просто настроилась высматривать все, что не так?

Я не знаю ответа.

Он пришел немного раньше нашего времени ужина и бросил свои сумки на пол. Выглядел он немного потрепано, его короткие волосы были в еще большем беспорядке, чем обычно, рубашка не заправлена.

— Привет, — сказал он, когда увидел меня.

— Привет.

Он прошел на кухню и через несколько секунд вернулся назад с банкой пива.

— Майкл, мне нужно с тобой поговорить.

Он кивнул, но даже не посмотрел на меня. Просматривал письма, которые я положила на журнальный столик.

— Я пойду в душ. Если так хочешь, можем поговорить потом.

Я стояла на своем:

— Нет, я бы хотела поговорить сейчас, пожалуйста.

Он бросил почту обратно на столик и сел на подлокотник дивана, прислонив банку с пивом к ноге.

— Ладно. Что такое?

Я сделала глубокий вдох. Внутри меня трясло. Как только я это сделаю, обратной дороги не будет. Я никогда не смогу уже все исправить или отменить это решение.

— Я не уверена, как мне это лучше сказать, поэтому я просто скажу. Я съезжаю.

Несколько секунд он смотрел на меня и просто моргал, а губы начали подергиваться. Я тысячу раз видела, как они так дергались, когда он был раздражен.

— Что?

— Я съезжаю. Я нашла квартиру. Отношения между нами совсем не такие, какими должны быть, Майкл. Прости. Я просто должна покончить с этим.

Улыбка полная отвращения отразилась на его лице.

— Ты бросаешь меня?

Я кивнула, немного нервничая, он выглядел злее, чем я ожидала.

— Да. Мы не счастливы вместе... тебя никогда нет дома.

— Я, блядь, работаю, Эвелин.

— Я знаю..., но я все равно все время одна. Меня это не устраивает.

Он сделал глоток пива.

— Ты говоришь, как чертов ребенок. Я тебе не нянька, сидеть рядом двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю.

Я вздрогнула от его слов. Да, именно так я и вела себя в прошлом. Но за последние два года я изменилась в лучшую сторону, старалась занять себя работой, и не просила его помогать мне так часто, как делала это раньше.

— Я это понимаю. Я и не прошу тебя об этом.

— Что, черт возьми, происходит? Я возвращаюсь домой после того, как просиживал

шпаны на работе, провел в самолете весь гребанный день, а теперь должен прийти домой и слушать от тебя эту хрень?

— Я влюбилась в другого. И я не уверена в твоей верности, учитывая, что я нашла у нас на диване тот браслет.

Он встал и прошелся по комнате.

— Я уже объяснил тебе, откуда он взялся. И что это значит, ты влюбилась в другого?

Я положила себе на колени одну из подушек и рассеяно поглаживала ее рукой.

— Я не хочу сейчас об этом говорить. Скажи мне кое-что, Майкл. Ты можешь посмотреть мне в глаза и сказать, что был мне верен? Можешь сказать, что любишь меня?

Его голубые глаза надолго остановились на мне, сначала с вызовом, а потом он опустил взгляд на пол. И покачал головой.

— Нет. Не могу, — он снова посмотрел на меня. — И второго не могу. Извини.

Его слова глубоко меня задели, но я не могла сказать, что была удивлена. Я молча сидела несколько секунд, позволяя правде проникнуть в мое сознание.

— Я люблю тебя, Эв. Но все стало сложно. Твоя депрессия и беспокойство по любому сраному поводу... для меня это было слишком. Я не знал, как с этим справиться. Когда твои родители умерли, ты изменилась. Ты перестала улыбаться. Раньше ты была такой веселой, такой глупенькой и полной жизни. Я был слишком молод, чтобы взять на себя ответственность по уходу за кем-то, кто впал в такую скорбь. Я знаю, что это не твоя вина. Я не ублюдок, Эв. Ты это знаешь. Но я не хотел, чтобы меня засосало в эту дыру вместе с тобой.

— Если я была такой ужасной, почему ты оставался со мной все эти годы?

Мой голос прозвучал громче, чем мне хотелось бы, но я была зла, он уткнул меня носом в мою же депрессию. Все эти годы я думала, что он был понимающим парнем, пока внутри он медленно меня ненавидел. Я почувствовала, что меня эмоционально предали, стыдно как никогда за то, что я плакала при нем столько раз, думая, что он понимает, через что я прохожу.

— Как я мог уйти? Ты была совершенно разбита. Я боялся, что еще одна потеря подведет тебя к чертовому краю.

Я теряла кое-что прямо сейчас. Мое сердце дало трещину.

— Значит, ты все эти годы просто *жалел* меня? И все это продолжалось почти двенадцать лет? Только жалость к бедной девушке?

— Думаю, в каком-то смысле, да. Если ты хочешь смотреть на все с такой стороны. Я надеялся, что ты преодолеешь это. Эвелин, подумай сама, в то время ты даже не позволяла мне приближаться к тебе. Ты превращалась в ледяную статую каждый раз, когда я к тебе прикасался. До сих пор так делаешь.

Силы медленно меня покидали, демоны снова брали надо мной верх. Напоминая мне, кем я была. Неполноценной. С душевным дефектом. Эмоционально нестабильной. Я провела столько лет моей жизни с тем, кто испытывал ко мне жалость. Тем, кто боялся меня бросить, потому что думал, что я наврежу себе или меня еще больше засосёт в эту черную дыру. Полагаю, я должна чувствовать благодарность за то, что он остался, что в достаточной мере заботился обо мне, чтобы я не проходила через все это. Но я не чувствовала.

Он сел на диван ближе ко мне, но не слишком близко.

— Эв, мне жаль. Я думал, что если на время все пустить на самотек, то это для тебя будет лучшим выходом. Мне казалось, что все или станет лучше, или я, в конце концов, иду.

Но один год перешел во второй, потом второй в третий...

— Что ж, извини, что мы потеряли столько гребанных лет, живя вместе.

Он смотрел с каким-то облегчением, будто с его плеч сняли тяжелый груз. Груз под названием «Эвелин», конечно.

Я обратилась к нему:

— И давно у тебя уже есть девушка? Сколько их было?

Он испустил глубокий выдох.

— Была одна, когда мне было двадцать, но все закончилось через несколько месяцев.

Потом другая, несколькими годами позже, все длилось около года, потом два года назад я встретил Сью, с тех пор мы вместе. Она живет в другом штате. Я остаюсь у нее, когда приезжаю туда по работе.

У меня было чувство, словно он физически меня ударил.

— И с ней ты провел Рождество.

На его лице отразилось чувство вины.

— Да.

Я вскочила на ноги, подушка упала на пол.

— Значит, ты встречаешься с двумя уже два года? И спишь с нами обеими?

— Да.

Я покачала головой от шока, слезы гнева выступили на глаза. Я четко осознавала, что тоже не совсем невинна, но он встречается с другой женщиной на протяжении целых двух лет. Для меня это просто непостижимо.

— Ты больной, — выплюнула я в его адрес.

— Ты заявила, что влюбилась в другого, поэтому, очевидно, что ты тоже не была такой уж верной, Эвелин. Я прав?

— Нет, я думаю, что не была. Но я не трахалась с кем-то на протяжении двух лет, уверяя тебя в том, что у нас будет совместное будущее. Как только я поняла, что серьезно настроена по отношению к другому, я решила порвать с тобой до того, как все пойдет дальше.

Он с сарказмом смеялся надо мной.

— Это так благородно с твоей стороны, Эв. Так, кто этот парень? Кто-то из офиса?

Мгновение я колебалась, а потом ответила:

— Нет. Это Шторм.

На его лице читался не гнев, а скорее шок.

— Ты же это не серьезно, Эвелин.

— Серьезно.

— Ты, блядь, совсем не в своем уме? Ты хоть знаешь, кто он? Он перетраhal каждую модель нижнего белья отсюда и до самой Калифорнии. На кой хрен ты была бы ему нужна?

Судя по всему, возможность того, что кто-то на самом деле захочет быть со мной, просто смешна. Что и требовалось доказать.

— Он заботится обо мне, — дерзко ответила я.

— Как о друге, Эв. Не путай это с каким-то реальным интересом. Не могу поверить, что ты позволила какой-то идиотской влюбленности в рок-звезду довести себя до того, что сейчас ты готова принять решение, которое полностью изменит твою жизнь.

Он пошел на кухню и взял еще одно пиво, хлопнув дверцей холодильника.

— Я серьезно волнуюсь за тебя, Эвелин. Какого черта ты делаешь?

Я открыла дверцу шкафа в коридоре и достала переноску для Хейло. Я не собиралась

оставаться тут на ночь, но не готовилась принимать какие-то определенные действия до того, как поговорю с Майклом. Теперь я знала, что должна сегодня же уйти. Большая часть моих вещей уже была перевезена в новую квартиру. За тем, что осталось, я смогу прийти, когда он будет на работе и никогда больше не видеть его лицо.

— Ты его не знаешь, Майкл. Я знаю. Я понимаю, что тебе тяжело в это поверить, ведь со мной так хреново. Мы провели вместе много времени, пока ты был со своей подружкой, «работая». Он заботился обо мне, когда я болела. Он взял меня с собой к своей семье на Рождество. Он не тот человек, которого ты видишь на сцене.

— И сколько раз он тебя трахал?

— Ни разу, — усмехнулась я прямо ему в лицо.

У него был ликующий вид. Даже радостный.

— Думаю, тогда он не такой уж интересный, а?

— Говори, что хочешь. Думай, как тебе хочется, Майкл. Я уйду. Вернусь за своими вещами, когда ты будешь на работе. Всю мебель я оставляю. Можешь забирать. Я разделила наши сбережения с общего счета пополам. Думаю, так будет честно.

— Значит, это конец? Ты просто уйдешь?

Я осторожно взяла Хейло и поместила его в переноску.

— Да. Думаю, мы и так уже достаточно сделали. Теперь можешь сосредоточиться на своей девушке и не переживать обо мне.

— Эвелин, ты совершаешь огромную ошибку. Шторм тебя уничтожит к чертям собачьим. Он будет трахать тебя, как одну из своих игрушек несколько недель, а потом выставит пинком под зад. Ни за что на свете такой, как он, не останется с тобой. Ты спятила, если думаешь иначе.

— Это уже не твоя проблема, так? Теперь ты свободен от меня.

Я подняла переноску с котом и свою сумочку и пошла к двери, когда он схватил меня за руку и развернул к себе.

— Я все еще забочусь о тебе, Эв. Я не хочу видеть, как тебе причинят боль. Я не для того провел с тобой двенадцать лет своей жизни, чтобы убедиться, что ты в порядке, чтобы потом какой-то засранец превратил тебя в сломленное нечто и вышвырнул на обочину. Тебя слишком... оберегали. Ты не знаешь, как вести себя с такими как он.

Я вырвала свою руку из его хватки.

— Он меня не обидит.

И я ушла, не оглядываясь. К тому времени, как я села в машину и пристегнула переноску с Хейло на пассажирском сидении, я плакала и меня трясло. Майкл попросту высказал мне в лицо все опасения, которые у меня и так были. А что, если он прав? Что, если Шторм уже разочарован мной?

Я завела машину, но схватила телефон, и только тогда поехала. Меня ждала куча сообщений от Шторма.

Шторм: *«Просто хотел узнать, как ты и убедиться, что все хорошо. Я знаю, что тебе тяжело»*

Шторм: *«Детка, ты в порядке?»*

Шторм: *«Я должен идти на сцену. Я переживаю. Мне это не нравится. Напиши мне»*

Как только я переступила порог своей новой квартиры, на меня нахлынуло чувство умиротворения. Здесь я чувствовала себя в безопасности, в окружении нежных, спокойных

тонов. Здесь не было ни негатива, ни плохих воспоминаний.

Я показала Хейло, где теперь его тарелочки с едой и маленькая коробка. И наблюдала, как он ползает по комнатам, обнюхивая все вокруг. Хочется верить, что ему здесь нравится так же, как и мне.

Я написала Джейн смс, сказав, что я официально переехала, как и обещала. Я не была готова писать Шторму. Мне нужно было побыть наедине со своими чувствами какое-то время и очистить голову от лишнего. Признание Майкла о том, что я у него была не одна на протяжении долгого времени, потрясло меня до глубины души. Я даже никогда не представляла и ничего не подозревала. Было ли это потому, что я всецело ему доверяла или потому, что я так заиклилась на собственных чувствах, что попросту не замечала?

Мне нужно было поспать, позволить отдохнуть и своему уму и телу. Я приняла «Валиум», чего уже давно не делала. Мне просто было необходимо, чтобы мой разум хоть ненадолго замолчал. Я разделась и заползла в свою новую двуспальную кровать. Она напомнила мне кровать Шторма, такая же роскошная и уютная. Здесь я не испытывала страха, оставшись одной, как это было в нашей квартире. Я чувствовала себя как дома.

С другой стороны, мой мозг попросту оцепенел. Как-то это не совпадало с моей жизнью. Однажды я читала, что наш мозг может просто отключиться, чтобы защитить нас от слишком большого количества чувств. Думаю, именно это сейчас со мной и происходит. Или это начал действовать «Валиум». В любом случае, я была рада туману, который заполнял мою голову.

Меня разбудил телефонный звонок. Я взяла телефон и увидела на экране номер Майкла. Серьезно, зачем он мне звонит? Я нажала «игнорировать», но спустя пару минут пришло голосовое сообщение, которое я не захочу слышать, в этом я уверена. Что он еще может мне сказать? Стоило бы просто его удалить, но любопытство победило, и я нажала «Прослушать».

«Эв, это я. Просто хотел тебе сказать... мне жаль. Я никогда не хотел тебя обидеть. И я люблю тебя. Я... я не хочу тебя потерять. Я хочу, чтобы ты вернулась домой. Давай поговорим об этом. Может, мы сможем с этим как-то справиться. Я не знаю, как именно, но все-таки. Мне кажется, тебе причинят боль. Только подумай о том, что ты делаешь. Подумай о том, с кем ты хочешь связаться. Какая у тебя может быть с ним жизнь? Большую часть времени ты боишься попросту выйти из квартиры. Ты ненавидишь, что я все время уезжаю. Блин, как ты собираешься встречаться со знаменитостью, который полгода проводит в туре? В окружении женщин, которые готовы предложить ему себя? Ну же, Эв. Я думаю, ты просто очарована рок-звездой. Возвращайся домой. Ты не обязана этого делать. Все в порядке... просто позвони мне, я пойму»

Вернуться? А что потом? Делить его с другой женщиной? Вернуться к скучному беспомощному, равнодушному существованию?

Нет.

«Стук — стук. Звон — звон». Какой-то шум медленно выталкивал меня из сна. Что это за грохот? Я не спеша подняла голову, не понимая до конца, где нахожусь. Я оглядела комнату, и воспоминания вернулись ко мне. Часы у кровати показывали 23.45. Вот дерьмо, я проспала четырнадцать часов!

Что, черт возьми, там за шум? Кто-то стучал в мою дверь и непрерывно звонил в дверной звонок. Я встала с кровати и прошла по коридору в направлении входной двери. Клянусь, если Майкл каким-то образом узнал, куда я переехала, и пришел сюда, я его задушу.

Я встала на носочки и посмотрела в глазок. Святое. Дерьмо.

Я быстро открыла дверь, но не достаточно быстро. Он ворвался внутрь и заключил меня в свои объятия так неожиданно, что я чуть не упала на задницу.

— Шторм... что ты здесь делаешь?

Я не могла поверить, что он вправду здесь. Я обняла его за шею, и в ответ он обнял меня еще крепче, чем когда-либо. Боже, как здорово быть в его объятиях.

Он немного отодвинулся и взял в руки мое лицо.

— Я чертовски волновался за тебя, — он поцеловал меня в губы, сначала нежно, а потом углубил поцелуй с такой настойчивостью, которую я никогда не чувствовала от него.

— Я звонил тебе и писал, как ненормальный, Эви. Я позвонил Эми, чтобы узнать твой адрес и прилетел сюда первым же рейсом.

Я старалась отдышаться, задыхаясь после его поцелуя.

— Не могу поверить, что ты здесь.

Я наклонилась к нему и снова коснулась его губ своими. Нежно целуя, пробуя его. На вкус он был как жевательная резинка.

Он оторвался от меня и пробежался руками по своим волосам.

— Почему ты мне не позвонила? Или не написала? Ты передумала? — Он схватил обе мои руки в свои. У него был обеспокоенный и совершенно измотанный вид. Небритый, рубашка помятая. Такое впечатление, что он запрыгнул в самолет сразу после концерта.

— Передумала? Насчет чего?

Он посмотрел вокруг, а потом снова на меня.

— Насчет меня. Насчет нас.

Я отчаянно качала головой.

— Нет... конечно же, нет. Просто... — я пыталась подобрать правильные слова. — С Майклом все вышло просто ужасно. Я расстроилась. К тому моменту, как я приехала сюда, головная боль меня уже убивала, и я больше не могла ее терпеть... поэтому выпила «Валиума» и просто вырубилась.

Я потянулась и поцеловала его в щеку:

— Не верится, что ты прилетел сюда, прости. Теперь я ужасно себя чувствую... Наверное, ты потратил целое состояние, чтобы так быстро добраться...

— Эви, мне наплевать на такое. Мне просто нужно было тебя увидеть.

Держа за руку, он повел меня к дивану и усадил себе на колени.

— А это место довольно милое, как и ты. Мне нравится.

Я прильнула к его груди.

— И мне. А с тобой оно мне нравится еще больше.

Он погладил мою шею и осторожно притянул ближе, чтобы накрыть мой рот своим. Он целовал меня так нежно. Его губы путешествовали по моей щеке, потом вниз, к шее, слегка посасывая и покусывая. Другая его рука скользнула по моей спине, под футболку, и медленно поднялась вверх, к моей обнаженной груди под тонким материалом футболки. Он касался моего соска большим пальцем.

— Так, вот оно как? — прошептал он между поцелуями. — Теперь только ты и я?

— Да. С ним покончено.

Его лицо осветила самая широкая улыбка.

— Я так чертовски счастлив, детка, — он притянул меня для еще одного долгого поцелуя. — Всю дорогу сюда переживал, что приеду, а тебя здесь не будет. И ты скажешь мне, что передумала и остаешься с ним.

Я передвинулась на его коленях так, что мои ноги оказались по бокам его бедер. И положила руки ему на грудь.

— Ни за что. Я хочу быть с тобой.

На секунду я прикрыла глаза. А когда открыла, он так и смотрел на меня, улыбаясь.

— Просто... пожалуйста, Штурм. Не сделай мне больно. Я так боюсь быть с тобой, но еще больше боюсь не быть.

Он наклонил ко мне свою голову и пальцем приподнял мой подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза:

— Эви..., я не сделаю тебе больно. Да, мы ссоримся и раздражаем друг друга. Иногда я, вероятно, буду вести себя как мудака, когда устану или разозлюсь из-за чего-то..., но мне не будет наплевать на нас. В этой поездке мы вместе, ладно?

Его большие руки обняли меня за талию, а потом опустились вниз по спине, притягивая ближе. Его губы снова накрыли мои, его язык встретился с моим в чувственном танце. Я чувствовала, как его руки медленно поднимали мою футболку вверх, пока моя грудь не оголилась. Он откинулся на спинку дивана и просто несколько секунд смотрел на меня, его руки накрыли мои груди, слегка сжимая соски. Он наклонился к моей груди и прошелся между ними языком, сжимая их в своих руках, пока языком двигался от одной к другой, лаская мои соски, посылая миллион крохотных молний вверх и вниз по спине. Мои руки удерживали его голову, а пальцы запутались в его волосах, пока он лизал и посасывал. Сидя на нем с широко расставленными ногами, я почувствовала, как его член встал между моих ног.

Он отстранился и посмотрел на меня, сверкая дьявольской улыбкой. Той самой ухмылкой, которую он использовал на сцене, от которой девушки сходили с ума. Мне нравилось, что сейчас она предназначалась только мне.

— Ты еще красивее, чем я себе представлял. Я уже лет десять не прикасался к натуральной груди. Я мог бы просидеть здесь весь день, просто касаясь и облизывая тебя.

Я не удержалась и рассмеялась.

— Это что, комплимент?

Штурм кивнул. Он перевернул нас одним плавным движением, и вот я уже лежу на спине, на диване, а он возвышается надо мной, опираясь на руку. Его волосы падают мне на лицо и щекочут.

— Можешь ставить свою сладкую попку на спор, это комплимент. И тебя ждут непростые деньки после того, как ты держала меня на расстоянии от себя.

Он немного опустил, встречаясь с моими губами, позволяя мне почувствовать свой

вес. Это первый раз, когда он возвышается надо мной, и я ощущаю, какой он большой и мускулистый. Такой твердый и сильный. Его плечи и спина настолько широкие, что охватывают почти всю ширину дивана. Желая почувствовать его плоть, я схватила края его рубашки и потянула вверх, тогда он быстро снял ее и бросил на пол. Мои руки касались его с безумной страстью, пробегали вверх и вниз по мускулистой спине. Черт, как приятно его касаться. Он слегка подтолкнул меня раздвинуть ноги своими бедрами и устроился между ними, такой твердый и требовательный.

Он поглощал мой рот поцелуями, его руки на моей груди, сжимают, а потом слегка тянут за соски, и это болезненное удовольствие сводит меня с ума. Его поцелуи, как наркотик, которого мне так сильно не хватает. Его язык ласкал мой. Я позволила своим рукам путешествовать по всей его спине, пока не достигла пояса джинсов, а потом проскользнула рукой под них, чтобы сжать его мускулистый зад. Даже его зад твердый, как камень. Хочу увидеть этого мужчину в обтягивающих боксерах. Сейчас же.

Он оторвался от моих губ, но не слишком далеко.

— Ты напрашиваешься, — зарычал он.

— Так и есть, — выдохнула я.

Да. Напрашиваюсь. Умоляю.

— У меня плохие новости, — сказал он.

У меня упало сердце. Я перестала дышать.

— У меня немного больше часа, а потом нужно ехать обратно на самолет, сегодня ночью концерт.

— Нет...

Да, я заскулила. Как подросток.

— Я действительно не хочу уходить, детка. Ты себе, блядь, даже не представляешь, как сильно я хочу остаться здесь и облизывать каждый сантиметр твоего тела.

— Я не хочу, чтобы ты уходил.

— Еще две недели, Эви. А потом я весь твой. Я сказал своей маме, что тебе нужны будут несколько отгулов, когда я вернусь. Так что, я вроде как похищу тебя.

Я хихикнула.

— Правда, так сказал? Почему у меня такое чувство, что ты устроил меня на работу к своей маме только, чтобы выпрашивать для меня выходные?

Он поцеловал меня в шею.

— Ты получила эту работу только благодаря себе, детка. Но я буду выпрашивать для тебя отгулы. Блядь... Я пообещал себе, что не стану начинать эту тему, когда приеду сюда. Не хочу, чтобы в нашу первую ночь нас подгоняло время. Я не хочу так.

Ах... За это я его и люблю.

— Меня это тоже расстраивает, — ответила я, покрывая поцелуями его грудь.

— Но... Я бы с удовольствием преподнес тебе твой первый урок. Если ты этого хочешь. То, что он сказал, медленно дошло до моего сознания. Минет. Первый урок.

Он навис надо мной, глядя прямо в глаза и поглаживая пальцем мою щеку. Его глаза потемнели от похоти. Я не хочу, чтобы он так ушел, с таким стояком. Особенно помня, что при приземлении у самолета его ждет Сисястая и сотни других женщин, которые будут лапать его сегодня ночью, пока он будет выступать на сцене.

Но даже больше, чем это, я хочу дать ему что-то. Частичку себя. Хочу показать ему, как сильно я его жажду, какой счастливой становлюсь рядом с ним.

— Да, — прошептала я. — Покажи мне, как удовлетворить тебя так же, как ты сделал это для меня на столе.

Его глаза стали шире, он страстно меня поцеловал:

— Ты уверена? — спросил он.

Я кивнула до того, как успела передумать.

Он встал и осторожно потянул меня за собой, а потом полностью стянул с меня футболку и бросил на пол к своей.

Шторм быстро поцеловал меня:

— Иди на кухню и принеси газировку и полотенце.

Когда я встала, он шлепнул меня по заднице прежде, чем я ушла.

Блин. Газировка и полотенце.

Не думать.

Когда я вернулась к дивану, его глаза стали такими темными и насыщенными, что я даже чуть не испугалась. Сейчас передо мной предстала та его сторона, которую до этого я видела только в слабых проблесках. Его невероятная чувственность и мощь. Они буквально просачивались из него. И полностью стерли с его лица привычную милую, сексуальную улыбку и смешинки в глазах.

— Я хочу, чтобы ты раздела меня.

У него был низкий и хриплый голос, как тогда, когда он пел на сцене тем вечером.

Я стала перед ним на колени и расшнуровала его ботинки, сняла их, а следом и черные носки. С трудом сглотнув, я расстегнула пояс, мои пальцы дрожали. Я расстегнула ему джинсы, потянула за молнию и стянула джинсы вместе с боксерами до коленей. Он поднял ноги, чтобы я могла полностью их снять.

Он немного раздвинул покрытые татуировками ноги, чтобы я могла стать между ними. Наконец, я позволила своим глазам опуститься на его длинный, толстый член. Шторм был прав, он больше, чем вибратор, и на вид раза в два больше, чем у Майкла. Я боролась с желанием сглотнуть образовавшуюся во рту слюну и не пялиться так. Мои вагинальные мышцы сжались от одного взгляда на него.

Шторм взял мою руку и положил себе на член, нежно сжав вокруг него. Его глаза были прикованы ко мне. Я нежно сжала его, медленно двигая рукой вверх и вниз по всей длине. Он прикоснулся к моему лицу, прижав большой палец к моей нижней губе, а потом засунул его мне в рот. В его глазах плясало пламя, а дыхание заметно ускорилось. На вкус его палец был слегка шероховатый от мозолей и немного солоноватый. Я пробежалась по нему языком и ощутила, как он надавил мне на небо.

— Соси мой палец, Эви, — сказал он, глядя на мой рот.

Повинуясь, я засосала его палец дальше себе в рот и свернула вокруг него язык, посасывая кончик, как леденец.

— Не забывай о руке, — его голос был немного громче шепота.

Моя рука замерла на его члене, когда меня заморозило ощущение от его пальца у меня во рту. Я начала поглаживать его, чувствуя все его неровности и влажность на головке. Я засасывала его палец все глубже в рот, пока мои губы не соприкасались с его ладонью.

— Будешь лизать и сосать точно так же, детка, — сказал он и облизал губы. — И используй руку, как делаешь это сейчас.

Он вытащил свой большой палец из моего рта и растер мою слюну по головке члена. Я сразу же завелась от того, что он прикасался к себе.

Он собрал мои длинные волосы в свою руку и убрал их от моего лица, мягко подталкивая мою голову вниз. Одну руку я положила на его мускулистое бедро, вторая — на его члене, я провела языком по его головке, а потом засунула его себе в рот, мои губы заскользили от его кончика вниз по его длине. Вздохнув, я попыталась засунуть его глубже, пока не почувствовала рвотный рефлекс.

Он нежно надавил мне на шею.

— Не обязательно заглатывать весь. Мне приятно так, как ты делаешь сейчас. Используй больше руку, двигай ею вверх и вниз вместе со своим ртом.

Я делала, как мне сказал Шторм, обхватила пальцами его ширину, как в кулак, и плавно двигала вверх и вниз по всей длине в унисон со своим ртом, сося сильнее, а потом нежнее, и снова сильнее. Я подняла глаза на Шторма, окинув взглядом его точечный пресс, покрытую татуировками грудь и, наконец, лицо. Он закинул голову на спинку дивана, глаза закрыты, а губы немного приоткрыты. У него был нереально горячий вид. Языком я ласкала круговыми движениями головку его члена, а потом пососала его во рту, в этот раз охватив немного больше. Шторм застонал, распахнул глаза и встретился со мной взглядом. Он немного сильнее сжал руку на моем затылке и немного дернул бедрами, пока я продолжала сосать. И я почувствовала, что он уже близко.

— Блядь. Офигенные ощущения... так же и продолжай, детка.

Его дыхание стало еще более рваным, его член набухал в моем рту с каждым движением. Это так волнующе, чувствовать его пульсацию своим языком.

— Ты не обязана глотать, — прошептал он. — Пусть просто заполнит твой рот, а потом сплюнешь в полотенце и выпей газировки, если захочешь.

Пусть заполнит рот.

От его слов у меня все внутри затрепетало. Я сжала бедра, почувствовав, как между ног стало влажно.

У меня появилось желание оседлать его прямо сейчас, чтобы он вошел глубоко в меня, и наблюдать, как будут трепетать его закрытые глаза, ощутить, как напрягутся его мышцы подо мной, когда я окажусь на нем.

— Детка...

Он слегка дернулся, и его сперма брызнула на заднюю стенку моего горла, горячая, густая и соленая. Я не была готова к такому ее количеству, поскольку продолжала сосать еще несколько минут, пока он не обмяк. Я медленно вытащила его из своего рта и потянулась к газировке, чтобы запить. Я вытерла рот тыльной стороной руки, после чего на ней остался небольшой остаток его сока. Я села на пятки и посмотрела на него.

— Ничего себе, — сказала я.

Член лежал на его животе, в небольшой луже спермы. Я взяла полотенце и аккуратно вытерла его, пока он смотрел на меня с небольшой удовлетворённой улыбкой на губах.

— Ты, подойди сюда, — хрипло сказал он.

Я подползла к нему, и Шторм посадил меня к себе на колени, разведя мои ноги в разные стороны, так что я оседлала его. Мальчишечьи шортики, в которых я ложилась вчера спать, были довольно тонкими, и я могла почувствовать его член, прижатый ко мне через легкий материал. Это было именно тем, чего он хотел — мои половые губы были прямо напротив его фаллоса. Схватив меня за бедра, он притянул меня ближе, трясь об меня. Он поднял руку к моей шее и притянул для глубокого, влажного поцелуя, его язык нашел мой.

— Я хочу, чтобы ты потерлась там об мой член, вот так, и возбуждалась.

Я уже была возбуждена, трясь об его член, я чувствовала, как тепло просачивается через мои шортики. Он начал ласкать мои груди, пока я терлась об него. Он сосал и лизал мои затвердевшие соски, его рука скользнула вниз по моей спине, схватила меня за задницу и сильнее прижала меня к нему. Его язык просто магический, то, как он кругами лизал мои соски, довело меня до кульминации.

Неожиданно он притянул мое тело и приподнял сантиметров на пятьдесят над собой.

Я застонала в знак протеста, ведь он удерживал меня от источника моего удовольствия.

— Ты этого хочешь? — прошептал он, его язык скользнул между моих грудей и до самой шеи. Он засосал мою нежную плоть в свой рот.

— Да, — сказала я, задыхаясь. Я была уже так близко. Попыталась вырваться из его хватки, чтобы снова оседлать его тело.

— Проси меня.

— Шторм, пожалуйста...

Я схватила его за волосы и притянула к себе его голову, целуя как женщина, которая лишилась всякого самоконтроля.

— Что, Эви? — он опустил меня немного ниже, но недостаточно, чтобы мое тело могло соприкоснуться с его.

— Пожалуйста, позволь мне почувствовать тебя.

У меня закружилась голова. Все, чего я хотела, так это оказаться на нем, почувствовать его под собой.

Он опустил меня, и я начала снова тереться своей киской об него, я была так близко к моему сладкому освобождению.

Я вскрикнула, когда он снова приподнял меня, когда я уже была на грани.

— Черт! — я практически кричала, закусывая губу.

Он сложил губы в дьявольскую улыбочку.

— Ты сейчас такая красивая, Эви. Я хочу, чтобы ты сходила с ума из-за меня.

Я пробежала руками вниз по его мускулистым рукам, согнутым и напряженным, от того, что держали меня.

— Пожалуйста, Шторм... ты убиваешь меня.

Я взяла его лицо в руки и жадно поцеловала, от безумия я стукнулась своими зубами с его.

Он отпустил меня, и его руки сразу же потянулись к моим бедрам, сильнее притягивая меня к себе. Скользнув под шортики, он сжал мою плоть. Его рот захватил мой сосок, пока я ездил на нем, он впился зубами в мою чувствительную вершинку, еще больше разжигая огонь, который поднимался внутри меня.

Я сжала его плечи и выгнула спину, теряя себя в его прикосновениях, пока оргазм не прорвался сквозь меня. Я задрожала сидя на нем, тяжело дыша, как дикий щенок. Он дотянулся до моих губ и нежно поцеловал. Потом и мой нос, щеки, глаза, а затем прижался своим лбом к моему, притянув меня в свои объятия.

— Это было потрясающе, детка. Ты чертовски сильно меня объездила.

— Ты сделал то же для меня.

Я прижалась к нему, шокированная от того удовольствия, которое прошло через мое тело.

Он посмотрел на часы и застонал:

— Блин, я не хочу лететь туда. Хочу остаться здесь и изнасиловать тебя.

— Ты не можешь остаться?

— Хотел бы, но группе вроде как нужен на концерте гитарист, любовь моя. Поэтому мне нужно идти.

Я слезла с него и наблюдала, как он одевался. Никогда не устану любоваться его идеальным телом. Я натянула свою футболку и попыталась привести в нормальный вид свои длинные спутанные волосы. Он посмотрел сверху вниз на меня, я сидела на диване, пока он застегивал ремень.

— Я люблю тот взгляд, которым ты смотришь на меня, — сказал он, наклоняясь и быстро целуя прежде, чем обуть ботинки.

— А как я на тебя смотрю?

— Так, словно ты любишь меня. — Он подмигнул мне, когда натягивал свою рубашку через голову.

Я и люблю.

— Тебя подвезти в аэропорт?

— Я взял машину на прокат.

Я встала и обняла его.

— Мне до сих пор не верится, что ты пролетел весь путь сюда, просто чтобы увидеть меня.

— Я по тебе скучал, а весь этот секс по телефону сводил меня с ума. Это и стало моим оправданием, чтобы приехать и увидеть тебя, и притянуть в свои объятия, — поддразнил он.

— И ты получила пять с плюсом за свой первый урок. Ты взорвала мой мозг. Буквально.

— В следующий раз я постараюсь лучше в части с проглатыванием, — смущено сказала я.

— Ты хорошо справилась. У меня нет жалоб.

Мы вместе подошли к входной двери, и он притянул меня к себе, крепко обняв.

— Мне нравится твоя квартира, детка. Я горжусь тобой.

Он поднял вверх два пальца:

— Две недели и я вернусь. Последний концерт снова будет в местном клубе. Ты придешь? Сможешь пройти за кулисы и познакомиться с остальными парнями.

Я кивнула и улыбнулась, предвкушая, что еще раз увижу, как он играет.

— Я бы хотела этого.

Он открыл дверь и прислонился к дверной раме, глядя на меня:

— Ты в норме? — спросил он. — Из-за всего этого? Ухода от него? Меня и тебя?

— Да.

— Значит, мы теперь вместе, так?

Боже мой, иногда он бывает таким очаровательным. Я улыбнулась ему.

— Да. Вы официально «сошли с прилавка», мистер Валентайн. Я ожидаю увидеть это в ваших профилях в социальных сетях.

— Правда? Я предупрежу своих сотрудников.

Мы поцеловались, и я помахала ему рукой, когда он отъезжал.

Несколько минут спустя мой телефон подал звуковой сигнал о пришедшем сообщении.

Шторм: «Кстати, я смотрю на тебя так же. Целую-обнимаю»

Я нахмурилась, пока смотрела на экран, и только через секунду поняла, о чем он говорит.

Мое сердце сделало сальто. Он тоже влюблен в меня.

Я выбросила содержимое всех пяти пакетов на кровать и стала отрезать ярлыки. Немного ранее Эми, ни дать ни взять, похитила меня и потащила по магазинам в поисках «сексуальной одежды». Новые джинсы, топы, трусики, лифчики, юбки, туфли-лодочки на шпильке и ботинки. Все это немного выходило за пределы моей зоны комфорта, но Эми сказала, что если я собираюсь встречаться со Штурмом, то должна одеваться сексуальнее, когда мы куда-то ходим вместе или социальные СМИ меня съедят с потрохами.

В ту секунду я только закатила глаза в ответ на ее слова и разрешила ей одевать меня как маленькую куклу в каждом из магазинов, но сейчас я здесь одна и мои старые друзья Страх и Паника вернулись с визитом.

Штурм вроде как довольно известный. У него есть поклонники, группы, наверное, и сталкер или даже два. Когда мы официально начнем встречаться и появляться на публике, все эти люди будут на меня смотреть. *Судить* меня. Я же видела его фотографии в интернете с моделями и актрисами. Я читала комментарии под теми фотографиями, кто-то говорил, что они самая сексуальная пара, кто-то писал, что она жирная шлюха и обо всем, что между ними происходит. Люди могут быть очень жестокими, когда сидят за клавиатурой.

А скоро эти комментарии будут обо мне.

Я. Двадцать шесть лет отроду, рост: метр пятьдесят три сантиметра, вес: пятьдесят девять килограмм, среднестатистическая девушка, которая проводит большую часть свободного времени со своим котом. У меня натуральный цвет волос. Я никогда не пыталась загорать, никогда. Чаще всего ношу кроссовки (пока не окажусь посреди метели, в таком случае я надеваю бесполезные туфли на шпильках). Как отреагируют его фанаты на то, что он встречается с никем?

С того дня, как я встретила Штурма, все мое внимание было сосредоточено на нашей с ним связи. О том, как он обо мне заботится, и сколько забочусь о нем я. О том, как ему удастся вытаскивать меня из своей «ракушки», но при этом заставлять меня чувствовать себя в безопасности. Как он учил меня испытывать страсть. Чистое удовлетворение, которое мы оба ощущали, просто держась за руки. То, как мы ссоримся, а потом снова миримся.

Возможно, страх перед ним не всегда был связан только с внешностью, но и, к тому же, с этой стороной его жизни.

На самом деле, я никогда не думала о том, что окажусь с ним под микроскопом, и я не уверена, как моя слабая психика с этим справится. Нужно будет поговорить с ним об этом и попросить совет.

Я очень нервничала, когда припарковалась на стоянке перед клубом. Штурм с группой приезжает на автобусе с тура прямо сюда, план у меня такой: встретить его здесь и после концерта поехать вместе с ним в мою квартиру.

Я написала ему со стоянки, как он меня и просил.

Я: *«Я на месте!»*

Штурм: *«Отлично. Встретимся у черного входа, детка. Я буду ждать тебя там»*

Я обошла здание, прошла несколько мусорных баков и дошла до черного входа. Я слегка надавила на дверь, и она немного приоткрылась. Он потянул меня внутрь, закрыл за мной дверь и прислонил к стене, став своим телом вплотную к моему. Он покрывал мое тело и

губы своими поцелуями, его руки были на моей талии. Я бросила свою сумку и обнимала его за шею, вытягивая свою, чтобы встретиться с его изголодавшимся ртом. Даже стоя на семи с половиной сантиметровых каблуках, он все равно возвышался надо мной.

— Черт, я скучал по тебе, — пробормотал он, прижимаясь губами к моей шее. — Ты всегда так чертовски хорошо пахнешь, — выдохнул он и схватил мочку моего уха, нежно посасывая, и посылая по моему телу дрожь.

— Я скучала по тебе... — повторила я, мой разум уже задурманен.

Он отступил и взял меня за руку.

— Пойдем, я хочу познакомить тебя с парнями до того, как мы выйдем на сцену.

Мы прошли по темному коридору задней части клуба, в основном тут валялись старые коробки и ящики с мусором, а потом он провел нас через другую дверь, где тусовалось несколько человек, настраивали инструменты, выпивали и болтали.

— Эй, ребята, я хочу официально познакомить вас с Эвелин... — объявил Шторм.

— Так же известная как Снежная цыпочка, если кто из вас не знает, — добавил Аш.

Я слабо ему улыбнулась, не совсем уверенная, он просто шутит или говорит с сарказмом. И от его сходства со Штормом мне до сих пор немного не по себе.

Шторм усмехнулся и крепче сжал мою руку.

— Да, она же Снежная цыпочка. Эви, ты уже знакома с моим братом Ашем и моим двоюродным братом Лукасом. Это еще один мой брат Тэлон — барабанщик, мой брат Майка, мой двоюродный брат Вандал..., это Робби, он помогает нам со всякой фигней, и это Джилл.

Джилл. Сисястая. Я была близка. *[прим. пер.: в оригинале эти два слова близки по звучанию]*

Все сказали мне «привет» или «как жизнь» или что-то типа «привет», а я в ответ застенчиво улыбнулась и ответила «привет». Все такие невероятно красивые в татуировках и с пирсингом и практически у всех них длинные волосы. Вандал выделялся как черная туча в летний день. Его иссиня-черные волосы длиннее, чем у кого-то из них, не уложенные и закрывали практически половину лица. Глаза такие темные, почти черные, а кожа цвета темного кофе обтягивала огромные мышцы. У него был глубокий взгляд, никакой улыбки. Честно говоря, он немного пугал, но было в нем что-то такое, что приковывало внимание. Я почувствовала, что если бы он хоть немного повысил голос, то я бы сжалась в уголку и пару секунд обнимала себя, успокаивая.

Джилл посмотрела на меня взглядом дьяволицы, прислонившись к огромному динамику, скрестив на груди руки. Я старалась не смотреть на ее лицо. Не хотела видеть рот, который был на Шторме, очевидно, не требующий подробных указаний, в отличие от меня.

Шторм усадил меня на табурет в стороне от сцены, спрятав от толпы. Слегка подталкивая меня раздвинуть ноги, он встал между моих бедер и поцеловал в губы.

— Я мог бы украсть этот табурет для нас на потом, — дразнил он, прижимаясь ко мне своей эрекцией.

Его рука скользнула под мое бедро — я была одета в джинсы — притягивая меня еще ближе к своему телу.

— Не уверен, что смогу сегодня играть, зная, что ты сидишь здесь, вся такая сексуальная.

Я в шутку надулась:

— А я ведь умирала от желания услышать, как ты играешь.

— Уйдем отсюда, как только выступление закончится. Я хочу побыть с тобой наедине, — простонал он, его темные глаза опустились до уровня моей груди. — Ты прекрасно выглядишь сегодня.

Схватив края его расстегнутой рубашки, я поцеловала его голую грудь, прямо под тяжелым черным крестом, который весел у него на шее.

Глубоко вздохнув, он отстранился:

— Ладно, детка. Оставайся здесь, хорошо?

Я кивнула и убрала с его лица волосы, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Я никуда не собираюсь.

Никогда.

Сидя так близко к группе, когда они играли, почти оглушало меня, но это так возбуждает. Музыка вибрировала через мое тело, пульсировала в моих венах. Я не могла оторвать глаз от Шторма, как он играл свои риффы и заигрывал с толпой. Его сценический образ, несомненно, сексуальный, манил фанатов желать именно его. И я была сейчас совершенно очарована им, как и те фанаты. Я рассмеялась, когда он подошел к той части сцены, где стоял Вандал, и они какое-то время играли вместе. Шторм улыбался Вандалу как сумасшедший, пытаясь заставить улыбнуться и его, но Вандал только качал головой. Толпа смеялась и выкрикивала имя Вандала.

— Ты ему скоро наскучишь.

Я повернулась, улыбка медленно сошла с моего лица.

Вблизи Джилл не такая и красотка. Есть в ней какая-то жестокость и пустота в глазах. Если бы я встретила ее где-то, как незнакомку, мне было бы ее жаль. Я бы задалась вопросом, что произошло в жизни этой женщины, что у нее такой злой и безжизненный взгляд.

— Думаю, время покажет, так что посмотрим? — я развернулась от нее, направив свое внимание снова на группу. Не позволю ей взять надо мной верх.

— Да, — сказала она. — Посмотрим.

Она встала передо мной с самодовольной улыбкой на лице, закрывая мне вид на сцену.

— Поверь мне, Джилл. Ему больше не понадобится не одна из твоих дырок. Я могу это гарантировать.

Я очень надеюсь, что она не уловила моей фальшивой уверенности:

— А сейчас беги отсюда. Кажется, я видела группу подростков у клуба, вот на них произведут впечатление твои искусственные части тела.

Я выдохнула, когда она усмехнулась мне и ушла с важным видом на своих туфлях-ходулях. Эми права, нужно пресечь издевки этой суки в зародыше и не давать ни малейшего повода. Я не позволю ей почуять свою неуверенность.

Шторм подлетел ко мне, как только группа ушла со сцены, подхватил на руки и поднял с табурета. Я обхватила ногами его талию, и он прислонил меня к ближайшей стене.

— Иисусе, снимите номер, — пробормотал один из парней, проходя мимо нас.

Я была слишком увлечена Штормом, чтобы смутиться, мне нравилось, что он не боится проявлять чувства на публике. Он был потный и тяжело дышал, когда целовал меня, но мне было все равно. Мне хотелось ещё больше и больше всего его.

Он оторвался от моих губ, его зеленые глаза светились и горели. Он действительно

наполнялся жизнью на сцене. Казалось, каждая его частичка лучилась энергией.

— Мне нравится, что ты здесь, когда я спускаюсь со сцены.

Он не в первый раз упоминал о том, что хотел бы, чтобы я путешествовала с ним, но я каждый раз уклонялась от этой темы. Конечно, я хотела быть с ним, но на первый план моего сознания сразу «выпрыгивало» столько страхов. Моя боязнь перелетов. Моя клаустрофобия. Боязнь оставить Хейло. И мою работу.

— Эви... — он опустил меня на ноги. — Я вижу, как снова мечется твой ум.

Он ласково прикоснулся пальцем к моему носу:

— Больше такого не нужно. Пойдем. Пришло время, которое всегда будет известно, как я и ты.

Мое сердце замерло.

Пропустило два удара.

Один для меня. Один для него.

И снова забилось, сильнее, чем когда-либо.

Сделав два шага в мою квартиру, Шторм повернулся и прижал меня к двери. Он поднял руку и закрыл дверь на замок. Я потянулась к выключателю, но он перехватил мою руку и прижал ее над моей головой. Над нами, через окно в крыше светила луна, заполняя тусклым голубоватым эфирным светом гостиную.

Он нежно целовал меня, посасывая мою нижнюю губу. Откинув голову к двери, я приоткрыла для него рот, и его язык неспешно ворвался и нашел мой. Свободной рукой он потянулся к моей блузе и начал расстегивать пуговицы.

— У меня был план, — заговорил он между поцелуями, — очень медленно развивать наши отношения, — он поцеловал меня в щеку, — и дарить тебе розы.

Он переместил поцелуи ниже, на шею:

— И быть таким себе романтиком, — он укусил меня за шею, — и показать, какая ты для меня особенная, — его пальцы еще возились с пуговицами на блузе, — Но к черту это.

Он отпустил мою руку и силой разорвал блузу, крошечные пуговицы из оникса полетели во все стороны. Он наклонился к моей груди, сдвинув лифчик, и его изголодавшийся рот жадно припал к моей груди, язык ласкал сосок.

— Мне и не нужно все это, — пробормотала я, сжимая его плечи, мои покрашенные розовым лаком ногти впивались в его плоть.

Он сдернул блузу с моих рук и отбросил в сторону, и, не пропуская ни одной детали, завел руку мне за спину и расстегнул лифчик, после чего бросил на пол и его тоже. Секундой позже он уже расстегнул мои джинсы и спустил их к лодыжкам. Шторм опустился на колени и снял с меня туфли, а потом стянул с ног джинсы. Он пробежался руками по моим лодыжкам до бедер, подцепил большими пальцами мои новые шелковые трусики, стянул их вниз и полностью снял. Он целовал внутренние стороны моих бедер, его руки на моих ягодицах. Языком он проложил дорожку от моих бедер до самых складочек нежной плоти. Я застонала и еще сильнее вцепилась в его плечи. Он поднял мою ногу и закинул себе на плечо, продвигаясь языком еще дальше, еще глубже, пальцами он раздвинул частичку моего холмика, раскрывая меня для себя. Его язык продолжал двигаться, пока мой клитор не оказался между его губ, тогда он стал нежно сосать его и медленно скользнул своим пальцем в мой уже влажный вход. Моя нога задрожала, и я схватила его за волосы. Инстинктивно мои бедра начали двигаться навстречу его лицу, набирая скорость. Шторм быстро вытащил палец, и его язык покинул мой дрожащий бутон. Он стал целовать мой живот, руками ухватившись за мою задницу. Моя киска дернулась от того, что ее неожиданно оставили, но, чтобы он снова к ней прикоснулся и вернул к состоянию, когда оргазм был уже так близко.

Его большие руки поднялись вверх по моей спине, к моим грудям, разминая их, как вдруг он укусил меня за бедро, а потом оставил след из поцелуев от моего таза вниз по бедру, которое все еще лежало на его плече и соприкасалось с его щекой. Только мое тело начало немного расслабляться, как он снова прикоснулся пальцами к моему разгоряченному центру, всовывая в меня два пальца, а затем, медленно высовывая их, миллиметр за миллиметром, и раздвигая, словно ножницы по мере того, как снова их высовывал.

— Шторм...

Он заставил меня замолчать, облизав мой клитор, нежно посасывая его, а потом

сильнее, пока его умелые пальцы творили чудеса внутри меня. Мое тело снова задрожало, вот-вот я достигну оргазма. Он резко оторвался от меня.

— О, Боже... Шторм...

Он встал, обхватив моей ногой себя за талию и поцеловав меня, его дыхание было таким горячим и на вкус, как я.

— Пожалуйста... — сказала я.

Он решил окончательно свести меня с ума от страсти. Я сама начала тереться об него, любая сдержанность вылетела в окно. Мне попросту нужно было почувствовать его. Любую его часть. Всего его.

— Что, детка, — тихо зарычал он, дразня меня.

Он снял рубашку, и мои руки сразу же бросились путешествовать по его плечам и широкой груди. Мои пальцы заскользили по его татуированной плоти. Пот тонким слоем покрывал его кожу и уже влажные волосы.

— Я нуждаюсь в тебе... — прошептала я, целуя его, посасывая его язык.

— Скажи.

Пальцами рук он крутил мои соски, сначала нежно, а потом сильнее, посылая вспышки молний вниз, к самому центру, что между моих ног.

— Скажи мне, чего ты хочешь, — уговаривал он, схватив в охапку несколько прядей моих волос и потянув мою голову назад, чтобы его губы смогли поцеловать мою открытую шею.

Я опустила ногу и потянулась к его ремню, расстегивая пряжку.

— Я хочу, чтобы ты был внутри меня... пожалуйста...

— Я умирал, желая услышать от тебя эти слова, малышка.

Его губы накрыли мои, он отодвинул в сторону мои дрожащие пальцы и сам быстро расстегнул пряжку и вытащил пояс из петель, позволив джинсам упасть до лодыжек.

Его твердый член освободился от сковывающей его одежды и стоял, соприкасаясь с его животом. Я протянула руку между нашими телами и взяла его, длинного и горячего в свою ладонь. Каждая его часть настолько прекрасная, сильная и мужественная. Рядом с ним пробуждались все женские гены моего тела. Он застонал мне на ухо, тяжело дыша.

— С самого первого дня твои прикосновения для меня ощущаются так правильно, Эви. Ты прикасаешься ко мне так нежно и ласково. От этого я чертовски схожу от тебя с ума.

Он взял меня на руки, оторвав от пола. Я обхватила ногами его талию, и он медленно начал тереться кончиком своего члена о мой клитор.

— Это то, чего ты хотела? — спросил он, легко поднимая и немного опуская меня так, что мои половые губы скользили по всей его длине.

— Да... пожалуйста.

Он сбросил ботинки, продолжая поднимать и опускать меня. Я была поражена тем, какой он сильный и как легко может выполнять какие-то действия со мной на руках.

На мгновение он поставил меня на ноги, а потом снова поднял, захватив рукой меня под коленки и понес, как ребенка, на диван. Он сел и усадил меня к себе на колени, напротив груди, а мои ноги по бокам от него.

Наши рты встретились с жадностью, языки сплелись в танце. Он по-прежнему держал меня, одной рукой вокруг плеч, другой под коленями. Он немного меня приподнял, расправил плечи и медленно опустил меня.

— Заведи руку позади себя и возьми за мой член, Эви, — прошептал он у моих губ.

Через секунду я поняла, что он делал, и я выполнила то, что он сказал. Заведя руку себе за спину, я взялась за его твердый член, тогда он медленно опустил меня на него, мои половые губы раздвинулись на его головке. Мы поцеловались, и он опустил меня еще немного ниже. Я задохнулась и застонала ему в рот. Это нереальная поза, его член входил в меня под странным углом. Это так волнующе. Пока мы целовались, он приподнимал и опускал меня, совсем немного, так, что только кончик его члена дразнил мою киску — вошел и вышел, вошел и вышел.

Я практически впиалась ногтями в его грудь и попыталась крепко обхватить его, желая большего, гораздо большего. Я была совершенно беспомощной в этой позиции, не могла пошевелить ногами или подтолкнуть себя вниз.

— Так потрясающе тебя ощущать, — прошептала я ему, глядя его по щеке.

Я не знала, что этот мужчина со мной делал, но он совершенно поразил меня. Все мое тело и сердце изнывали по нему.

Он перевернул меня и уложил спиной на диван, раздвинув в стороны мои ноги. Его рука снова коснулась моей влажной сердцевины. Он облизал губы, и пристально смотрел, как его палец входил в меня и выходил.

— Ты прекрасна, — пробормотал он, устроившись надо мной.

Я взяла его за руку и потянула к себе.

— Шторм... — я сходила с ума от желания. Я закинула на него ногу, притягивая его ближе к себе.

Шторм сделал вдох и опустил на меня, его рот соприкоснулся с моим. И тогда его член вошел в меня. Я задохнулась и вздрогнула, он замер, давая мне время, чтобы привыкнуть к нему, а потом медленно начал входить дальше. Через меня прошла вспышка боли, мое тело не привыкло к его размерам.

— Святой трах, детка, — прошептал он, замедляя толчки, плавно двигая бедрами, наполняя меня маленькими частями себя до того времени, пока мои мышцы не расслабились.

Мы неспешно целовались, нежно, подстраиваясь под темп его толчков. Я обхватила руками его мускулистый зад, притягивая его к себе. Он поднял мою ногу, прижимая мое бедро к своей груди и сильнее входя в меня, нажимая на мою точку «джи».

— Шторм... — я начала двигаться вместе с ним. Он так невероятно чувствовался внутри меня. — Не останавливайся, — прошептала я.

Если он остановится, когда я снова буду на грани оргазма, я умру от разочарования. Мое тело больше не выдержит никаких «начал» и «остановок».

— И не надейся.

Его голос сейчас такой низкий и напряженный. Он смотрел на то, как входит в меня, такими потемневшими и насыщенными глазами. По моему телу прошла волна острых ощущений только от вида того, как он навис надо мной. Наблюдать, как его пресс, бедра, грудь и мускулистые плечи взаимодействовали и двигались, когда он занимался со мной любовью, было потрясающим зрелищем. Его длинные волосы свисали между нами, щекоча мою грудь, как эротические перья, при каждом толчке. Его взгляд встретился с моим, и он хитро усмехнулся.

— Нравится то, что ты видишь? — у него был такой страстный и игривый голос.

Я обхватила рукой его за шею и притянула, чтобы его губы соприкоснулись с моими.

— Я люблю то, что вижу.

Я проснулась рядом с его обнаженным телом позади себя, в позе «ложки», он обернул руку вокруг меня, прижимая к себе. Я осторожно встала и пошла в ванную. После вчерашней ночи у меня болело все тело. А воспоминания о том, что мы делали, пронеслись через меня волной тепла. Я никогда не думала, что мужчина может быть таким чувственным и страстным. Шторм не был из типа мужчин «раз-два и готово». Он поклонялся моему телу, прикасался и целовал, не пропуская ни сантиметра, все время, убеждая меня, что мы связаны: нежными поцелуями, ласками и сладкими игривыми словами, которые переплетались с быстрыми, сильными толчками, что потрясали мою сердцевину.

Я умылась, почистила зубы и вернулась в гостиную, надевая коротенький шелковый халат. Шторм все еще крепко спал на диване, его обнаженное тело протянута на всю длину. Глядя на этого привлекательного и сексуального мужчину, прошлая ночь для меня все еще казалась сном. Как такой, как он, может хотеть меня?

Звук телефона отвлек мое внимание от разглядывания его голой задницы. Я взяла его и увидела смс от Эми.

Эми: «Хэштег #СнежнаяЦыпочка в тренде на Твиттере! Кто-то запостил горячую фотку тебя со Штормом»

О, черт. Я подбежала к своему столу, открыла лэптоп и перешла на сайт социальной сети средств массовой информации. Я с трудом вздохнула и прикрыла ладонью рот. Прямо передо мной было фото того, как Шторм прислонил меня к стене, его руки на моей заднице, а язык практически достает до моего горла.

А ниже значилось: *новая игрушка Шторма Валентайна — #СнежнаяЦыпочка. Похоже, сейчас он готов растопить ее снег!*

Дерьмо, серьезно?

Прикусив губу, я прочитала несколько комментариев.

Я так завидую!!

Долго это не продлится...

Мне бы кусочек этой задницы!

Она жирная! #Голстуха

Мне больше нравилось, когда он был с Мелоди Мидоус!!!!

Это та самая чика, с которой он попал в метель?

Я б ей вдул!

Везучая сучка!!

Чёёёрт, вот бы он и со мной так же.

Рекламный трюк! Я дружу с одним из участников группы. Он делает это только на публику!

От всех этих комментариев в какой-то мере мне стало тошно, но от последнего у меня волосы встали дыбом.

Он бы этого не сделал.

Не уверена, как долго я сидела, пялясь в экран, перечитывая новые комментарии. Это как болезнь, она распространялась, видоизменялась из одного состояния в другое, отчего моя кожа покрылась мурашками.

— Малышка, что ты делаешь? Лучше бы ты там не работала.

Я слышала, как он затянулся электронной сигаретой и встал позади меня. Я захлопнула лэптоп и повернулась к нему, надеясь, что смогу скрыть растущую во мне панику после всех

комментариев и хэштегов.

— Просто проверяла почту, — улыбнулась я ему.

— Я голый на твоём диване, а ты проверяешь почту? — он протянул руку и открыл лэптоп, пробегая глазами по экрану.

— Вот, срань. Уже началось, это дерьмо начали гавнюки в интернете?

— Видимо да. Хэштег СнежнаяЦыпочка в тренде.

Он закатил глаза и пошел обратно на диван, потирая лицо тыльной стороной руки.

— Иди сюда, — он затянулся своей сигаретой. — Ты расстроена. Подойди, поговори со мной.

Я снова закрыла лэптоп и пересекла комнату, усевшись на диване рядом с ним. Я подобрала под себя ноги и положила на колени подушку.

— Я немного расстроена, — призналась я, глядя на него через закрывающие мое лицо волосы.

— Почему? Я думал, что у нас была отличная ночь. Я сделал тебе больно? — на его лице появились морщинки беспокойства.

Я взяла его за руку и стала рисовать на ней пальцем круги.

— Нет... ну, да, немного, но это не поэтому.

— Тогда скажи мне.

Я кивнула в сторону лэптопа.

— Комментарии, фото. Я к такому не привыкла. Некоторые говорят обо мне настоящие гадости. О нас.

Он притянул меня к себе на колени:

— Эви, я знаю, что это тяжело, но ты не должна позволять им добраться до себя. Я не хочу скрывать тебя. Я хочу быть на публике с тобой. Но вместе с этим будет появляться и подобное дерьмо. Нам нужно просто игнорировать, как только сможем. Я вырос со всем этим. Я привык, что люди публикуют фото со мной в журналах, а потом начинается это общественное дерьмо. И я ненавижу то, что и тебе придётся с таким столкнуться.

Он убрал с моего плеча волосы и поцеловал в том месте.

— Прошлая ночь была чертовски невероятной. Давай лучше поговорим об этом.

— Там был..., но...

— Но, что?

— Один из комментариев... Там написали, что знакомы с группой, и что ты со мной только ради рекламы. Чтобы привлечь внимание, так, кажется.

Отстранившись, он покачал головой и сжал челюсти.

— Ты, блядь, шутишь? Ты же не поверила в этот бред, правда?

Я потупила взгляд, и его взбесило то, что я засомневалась в ответе.

— Гребаная Джилл, скорее всего, написала половину всего из этого дерьма. Она все время делает подобную хрень, чтобы начать неприятности.

Ну, в этом есть смысл. Очевидно, она хочет, чтобы мне было некомфортно, и она, как мне кажется, именно из тех людей, которые будут делать глупости, только чтобы встать между мной и Штормом.

— Я не играю в чертовы игры или занимаюсь всяким бредом ради рекламы. *Я не хочу такой огласки.*

Он провел рукой по моему бедру, под тонким шелком моего халатика. Его пальцы скользнули между моих ног.

— Мои чувства к тебе настоящие. Ты для меня важнее всего.

До того, как я успела ответить, он поцеловал меня, глубоко и грубо. Я чувствовала гнев в его прикосновениях, его разочарование из-за моего недоверия. Я ненавидела, что засомневалась в нем.

Он развернул меня, положив меня поверх себя, не разрывая поцелуй. Его твердый, горячий член упирался мне в задницу. Он приподнял мой тоненьких халат до талии и поднял мою ногу, отвел ее в сторону и опустил ее поверх своей. Одним плавным толчком он вошел в мою киску сзади, от неожиданности у меня перехватило дыхание. Его рука поднялась к моей груди, его губы были на моей шее, посасывая и покусывая.

— Для тебя это похоже на игру, детка?

Я выгнула спину назад и больше открылась для него, постанывая в подушку.

— Никогда не сомневайся во мне, Эви.

Он перекатил меня немного на бок, придавливая меня к дивану, позволяя мне почувствовать больше веса своего тела. Он сильнее входил в меня, его яйца ударялись об меня.

— Мне нравится трахать тебя даже больше, чем я мог себе представить, — зарычал он мне на ухо. — Я не могу тобой насытиться.

Он замедлился, медленно высовывая из меня свой член сантиметр за сантиметром, а затем, входя еще медленнее, растягивая ощущения, и снова неспешно выходил. Он двигал по кругу бедрами, медленно входя в меня. Я протянула руку себе за спину и нащупала его тело, моя рука была на его мускулистом бедре, ногти впивались в его плоть, в попытке заставить его сильнее войти в меня.

— Не будь такой жадной, — прошептал он, входя в меня. Вне себя от счастья, я выкрикнула его имя. Мое тело молило еще больше его, я увлажнилась там, сжимаясь вокруг него, пока он вдалбливал мне сзади.

— Твоя киска уже любит меня, так? — Боже, я обожаю, когда Шторм говорит так грязно. Думаю, он мог бы заставить меня кончить, просто говоря подобное на ухо.

Он взял меня за руку, которая была на его бедре, и переплел наши пальцы, а потом опустил наши руки над моей головой, разворачивая наши тела, пока я не легла плашмя, лицом на диван, а он во всю длину лег надо мной. Свободной рукой он скользнул под меня и приподнял мои бедра, моя задница оказалась в воздухе, и тогда он вошел в меня. Проведя рукой между моих ног, пальцами он нащупал мой клитор, опухший и пульсирующий, ожидающий его. Он действовал своей чудесной рукой со мной, потирая пульсирующий холмик, пока вдалбливал мне со спины. Я сжала его руку и прокричала его имя в диван, кончая. Моя влага затопила его член во мне. Неожиданно он вышел из меня, отрывая меня от государства моей мечты — Оргазма, и быстрым движением перевернул меня под собой, и снова вошел в меня. Я обхватила его ногами и руками, губами и языком изучая его грудь. Я смотрела на него, когда он достиг кульминации: он закатил глаза и немного приоткрыл рот. Он сам был как чистейший экстаз. Его хватка на моей руке ослабла, а большой палец медленно и нежно начал выводить на моей руке круги. Его мышцы на руках и ногах начали расслабляться.

Через несколько минут и небольших, ленивых толчков, он открыл глаза и посмотрел вниз, на меня.

— Я люблю тебя, Эви. Я это знаю, с той минуты, как мы встретились, все было похоже на сумасшедший поезд без всяких ограничений, но я, правда, люблю тебя.

Он сделал глубокий вдох:

— Я не стал бы шутить с таким чувством, как любовь, ты это знаешь. И я не думал, что когда-то она придет ко мне. Ты стала для меня подарком.

— Шторм... — мое горло сдавливали нахлынувшие эмоции. Искренность его слов потрясла меня.

Я медленно влюблялась в него со дня нашей первой встречи, боясь этого каждой частичкой — боялась, что он причинит мне боль или я ему.

— Я тоже тебя люблю. Это пугает меня до смерти, но я люблю.

— Тогда будем бояться вместе, — он нежно поцеловал меня. — Я хочу, чтобы у меня была партнерша. Лучший друг. Думаю, у нас это уже есть. Я хочу сказать, я безумно хочу тебя, но в конце дня, то, чего я действительно хочу, так это ту, кто вернется домой, чтобы просто посидеть рядом со мной и будет держать меня за руку, и любить меня такого, какой я есть, и она позволит мне любить ее.

— Я тоже этого хочу, Шторм. Очень хочу.

— Тогда... нужно попытаться, — он улыбнулся и поднял брови, глядя на меня.

Я провела ногой вверх и вниз по его икре.

— Я не знаю, как это сделать.

Он погладил мою щеку костяшками пальцев и мгновение пристально смотрел на меня:

— Эви, я сам не знаю, как нам это сделать. Я не состоял в отношениях с тех пор, как мне было долбаных девятнадцать лет.

— Это очень пугает меня, Шторм. Что, если ты не сможешь удержаться... от других девушек? Ты привык запрыгивать на первую подвернувшуюся, когда захочешь. Что, если тебе не понравится быть только со мной?

— Я могу остановиться. Я уже остановился. Это не станет проблемой. Я не сексуальный наркоман, Эви. И знаешь что? Половина того дерьма, что ты прочла обо мне в интернете даже не правда. Только то, что я был в сопровождении модели или порно-актрисы на нескольких тусовках, не значит, что я с ней спал. Я сказал тебе при нашей первой встрече, что у меня есть несколько подруг-девушек, с которыми я время от времени занимаюсь сексом. Об этом я и говорю. Даже у меня есть какие-то стандарты.

Я села.

— Шторм, извини. Я не знала. И все те фотографии в интернете...

— Все нормально, я знаю, — он притянул меня ближе к себе и обхватил себя моими ногами. — Я буду честен с тобой. То, чего я хочу, что представляю с тобой... так это, чтобы ты, мой сладкий ангел, была рядом со мной весь день и всю ночь. Я хочу, чтобы ты всегда желала меня. Я хочу, чтобы ты никогда не отталкивала меня или говорила «нет». Я хочу покупать тебе сексуальное белье и потом медленно снимать его с тебя. Если я захочу затянуть тебя в заднюю комнату на концерте и попрошу отсосать мне, я хочу, чтобы ты это сделала. И не потому что я в чертовой группе, а потому, что ты хочешь *меня*. Но больше всего я не хочу, чтобы между нами был только секс. Я хочу доверия и любви, которая предполагает свое присутствие вместе со всем этим. Это моя фантазия, и она появилась, когда я встретил тебя. Смогу ли я жить без всего этого? Конечно. Буду ли я любить тебя, не смотря ни на что? Да. Не сомневайся. Я никогда не стану тебя обманывать, что бы там ни было. Может, ты думаешь, что я сейчас говорю как чокнутый. Если так, я с этим смирюсь. Но это то, чего я хочу.

Я очень долго просто смотрела на него, пытаюсь уложить у себя в голове все, чем он

является. Где-то в нем сидит огромный страх того, что его отвергнут, не смогут полюбить или не захотят быть с настоящим ним. Шторм потерялся в своей славе, и я думаю, что его первая жена заморочила ему голову и сердце, когда он был еще слишком юн. Хочу исцелить его и дать все, чего он хочет.

— Да, — просто ответила я.

— Да? — нахмурился он в замешательстве.

Я обняла его за шею:

— Да, я хочу того же. Да, я смогу быть такой. Ты можешь мне верить, Шторм.

— Знаю, Эви. Это то, что я в тебе так люблю, *я знаю*, что могу доверять тебе. Я понимаю, что будет нелегко и это в новинку для нас обоих, но я буду стараться как ненормальный, чтобы сделать тебя счастливой.

— Тебе не нужно стараться. Ты уже это делаешь.

Я сидела на диване в хижине с Хейло и Нико у моих ног и ноутбуком на коленях, расчищая входящие письма на электронной почте Арии. Ее последняя книга стала бестселлером где-то через неделю после выпуска в продажу, и сейчас проходит подготовка к съемкам фильма по книге, которую она опубликовала три года назад. Я дважды проверила ее график прежде, чем запланировать еще больше встреч, так как в следующем месяце будет девяностый день рождения бабули, и мы планируем устроить для нее большую вечеринку.

Раз уж я сидела с открытым ноутбуком, решила проверить заодно и социальные странички Шторма, и опубликовать обновление, касательно их следующего концерта и ссылки на новые товары с атрибутикой группы. А последние несколько месяцев я тесно работала с графическим дизайнером, чтобы улучшить фирменный дизайн группы новым логотипом и добавить новые элементы в их орнамент. Черные женские футболки я украсила снежинкой из горного хрусталя, которая пользуется теперь огромным спросом. Шторм решил, что будет забавно использовать нашу историю с метелью, и он был прав — все фанатки хотели себе футболку с логотипом «Эшес и Эмберс» со снежинкой.

Через пару недель после того, как о нас узнала общественность, рок-журналистка взяла у нас интервью, желая представить нас как «настоящую пару», и конкретно сосредоточиться на том, что мужчины могут любить и любят натуральных, милых женщин. С тех пор большинство моих ненавистников из сети изменили свое мнение на восхищение, и моя собственная электронная почта была переполнена письмами от молодых девушек, которых интересовали вопросы касательно отношений. Какая ирония. Да, у меня по-прежнему есть ненавистники, но теперь я подобное просто игнорирую.

Я закрыла свой ноутбук и босиком пошла к гаражу, где и увидела, как Шторм сидит на полу в окружении запчастей от мотоцикла. Я достала из гаражного холодильника бутылку воды и протянула ему.

— Спасибо, малышка.

Он поднял голову для поцелуя. Я улыбнулась ему, вытерла какую-то смазку с его щеки и подарила ему долгий, медленный поцелуй.

— Как продвигается?

Сейчас он работал над своим любимым мотоциклом. Он был окрашен в глянцевый угольно-черный цвет с нарисованными аэрографом волками на крыльях и баке. Очень красиво.

Он кивнул головой, выпивая воды прежде, чем ответить:

— Довольно неплохо. На следующей неделе поедем на прогулку.

— Не могу дождаться, — это будет моя первая поездка, и я жду ее с нетерпением.

— Ты звонила Вандалу? Я пытался дозвониться до него до этого, но он не отвечает на телефон. Может, он поговорит с тобой.

Я присела рядом с ним.

— Да... мы поговорили несколько минут. С ним все нормально, просто он сейчас ни с кем не хочет общаться.

Шторм бросил гаечный ключ:

— Он, блядь, ненавидит меня. Всех нас.

Я погладила его по плечу, пытаюсь успокоить.

— Шторм, ты с ребятами сделал то, что вы должны были сделать. Он сейчас слишком не в себе, чтобы быть частью группы, вы, парни, это знаете. Он злится, но понимает это. Он знает, что когда все уладится и ему станет лучше, он сможет вернуться.

— Я не уверен, что ему когда-то станет лучше, Эви, — пробормотал Шторм.

— Станет. Просто должно пройти какое-то время, — я старалась говорить с надеждой в голосе, хотя в глубине души знала, что Вандал может никогда не выбраться из той тьмы, в которой он сейчас.

— Все время в мире не сможет исправить то, через что он проходит, малышка. Он обречен.

Ситуация с Вандалом просто ужасная. Месяц назад он заснул за рулем, когда ехал поздно ночью, при этом погибла его пятилетняя дочь, его подруга и водитель другой машины. Вандал впал в ужасную депрессию, еще больше отдалился от группы — своей единственной семьи. Время от времени он разговаривает со мной, но не часто, и он всегда немногословен. Раз в неделю я заезжаю к нему домой, приношу продукты и убираю беспорядок, который он оставляет после себя.

Вандал стал моим слабым местом. Когда я впервые его увидела, он до чертиков меня напугал своими мрачными взглядами, плохим настроением и абсолютным молчанием. Когда я в первый раз остановилась у его дома после той аварии, он был совершенно разбит, бросался вещами, кричал и бранился. Я засомневалась в своем благоразумии, раз решилась показаться у него на пороге совсем одна. И тогда он просто рухнул передо мной, я села на пол возле него и просто обняла его. Я не говорила ни слова, просто обнимала. С тех пор мы друзья по умолчанию. Он больше не кричит. Он ест то, что я ему приношу и благодарит за то, что я убираю у него дома. Шторм любит своего брата, а в семье принято заботиться друг о друге.

Шторм поднялся на ноги с головы до ног покрытый жирной смазкой, но, не смотря на это, я прижалась к нему, обнимая.

— Я думал, что мы сегодня выберемся поужинать в город, — сказал он, обнимая меня.

— С удовольствием. Наши мохнатые дети здорово поладили. Когда я шла сюда, они спали рядышком.

Он поцеловал меня в кончик носа и схватил за задницу:

— Я знал, что они поладят. Думаю, перед ужином нам не помешает принять совместный душ. Ты сегодня слишком долго пряталась от меня. Я соскучился.

— Знаю... Почта твоей мамы сегодня просто сошла с ума.

Мы вместе прошли в дом, и он повел меня вверх по лестнице, в ванную, и сбросил с нас одежду, стоило нам только дойти до двери.

— Залезай и включай воду, и я хочу, чтобы ты намылилась тем ванильным мылом.

Я сделала, как он сказал, стоя в стеклянной душевой кабинке, пока он склонился над раковиной, голый, и смотрел, как я покрывала густой пеной все тело. Шторм медленно пересек комнату, его член твердый и напряженный. Он прижал меня к стене, проводя руками вверх и вниз по моему мыльному телу, а потом приподнял меня, обхватив моими ногами себя вокруг талии, и медленно вошел в меня.

— Ты все еще грязный, — поддразнила я.

— Знаю, — он игриво поцеловал меня сначала в губы, потом переместился вниз, к моей шее, прикусив мою плоть. — Ты пахнешь печеньем.

Он поставил меня на ноги.

— Я хочу, чтобы ты помыла меня, — сказал он, мягкая команда придала его голосу пикантность.

Я взяла мочалку, гель для душа с запахом ванили и не спеша намылила все его тело, а пена скользила по его мощной мускулатуре. Многочисленные душевые насадки распыляли на нас воду со всех сторон, смывая с тел крем-мыло. Мы намылили друг другу волосы, а потом я опустилась на колени и взяла его в рот. Шторм прислонился к плитке на стене, держа руку на моей голове, нежно притягивая меня к себе, пока я сосала его.

Он встретился со мной глазами. Они были стеклянные и полузакрытые, он потерялся во мне. Ничто не могло возбудить меня больше, чем наблюдать, как он наслаждается тем, что я с ним делаю.

— Ммм... думаю, мне нужно больше, — он потянул меня за волосы и развернул, прижав меня животом к стеклянной двери. Его губы проложили дорожку поцелуев вниз по моей спине, пока его руки скользили по моим влажным бокам и остановились на бедрах. Он сжал мою задницу и легонько шлепнул прежде, чем медленно, сантиметр за сантиметром войти в меня.

— Сегодня ты слишком долго избегала меня, — прошипел он мне на ухо, делая сильный толчок.

— Знаю...

— Завтра я хочу, чтобы ты принадлежала только мне.

Я и не собираюсь с этим спорить.

— Я закажу ребрышки и креветки, — объявил он и закрыл меню.

— Дорогой, ты заказываешь их каждый раз, когда мы сюда приходим.

Он откусил ломтик хлеба.

— Знаю. И каждый раз все потрясающе на вкус. Я не хочу пробовать что-то новое.

А мне нравилось каждый раз заказывать что-то другое, когда мы выходили куда-то поесть.

— Я возьму курицу Кордон Блю.

— В конечном итоге, половину есть буду и я.

Я хихикнула над его замечанием. Я никогда не могу доест свой ужин, поэтому обычно он доедает то, что осталось после меня.

— О, Боже мой, вы Шторм Валентайн! — неожиданно две девушки оказались перед нашим столиком. Я поставила свой стакан на стол и подняла брови, глядя на них. Обычно такого не случается в ресторане, так как это очень дорогое место и большинство постоянных посетителей уважают право других на спокойную трапезу и не станут докучать.

Шторм просто улыбнулся:

— Да, похоже, это я.

Он протянул через стол руку и взял за руку меня, игнорируя их.

— Вы можете дать нам свой автограф? И можно с вами сфотографироваться?

Он отбросил со своих глаз волосы.

— Дамы, я ценю, что вы подошли, но я сейчас ужинаю со своей девушкой.

Одна из девушек сгримасничала:

— Но ты просто сидишь здесь. Что в этом такого?

Он одарил ее не очень приветливым взглядом:

— Дело в том, что мы наслаждаемся совместным вечером вне дома, и мы бы не хотели, чтобы нас прерывали. Я сейчас не на сцене — я ужинаю.

— Вести себя с поклонницами, как мудака, совсем не круто, — сказала она.

Он встал:

— Я люблю своих фанатов. Но мне не нравится, когда меня не уважают. Я буду очень признателен, если вы уйдете, пожалуйста.

Наконец-то появился менеджер ресторана:

— Мистер Валентайн, я очень сожалею. Вы знаете, мы не терпим здесь такого поведения.

Менеджер повернулся к девушкам:

— Дамы, я вынужден проводить вас из ресторана.

Я наблюдала, как он потащил их к выходу, а обе они обзывали нас по пути. Я научилась не вступать в диалог с такими людьми и просто их игнорировать.

— Грубые сучки, — пробормотал Шторм, потягивая вино. — Ты можешь в такое поверить?

— Все нормально. Они уже ушли.

У него по-прежнему был озлобленный вид:

— Ты не представляешь, как я такое ненавижу, Эви. Что будет, когда у нас появятся дети? Я не хочу, чтобы они росли в такой обстановке, как я. Чтобы их разрывали на части, придирались, использовали и доставали, куда бы они не пошли.

Я наклонила голову и положила свою руку поверх его:

— Что ты только что сказал?

Несколько секунд он смотрел на меня в глубокой задумчивости:

— Я не уверен, что хочу всегда этим заниматься, Эви. Я хочу создать с тобой семью и просто, блядь, быть нормальным. Может просто работать с мотоциклами и уйти из группы через пару лет. А может время от времени давать по несколько акустических концертов в нашем городе. Но без этих туров и не проводить столько времени на глазах у публики.

— Шторм... ты знаешь, я всегда тебя поддержу, чтобы бы ты не делал. Но это раздавит Ашера... сначала уход Вандала, потом твой. «Эшес и Эмберс» распадутся.

Группа — это жизнь Ашера, его детище. Я не могу представить, что он будет делать, если потеряет еще и Шторма. Конечно, Шторма можно будет кем-то заменить, но он фронтмен группы, тот, кто больше всех привлекает и получает внимание толпы. «Эшес и Эмберс» уже не смогут быть такими же без него.

Он медленно кивнул, крепче сжимая мою руку.

— Я это знаю. И не хочу так с ним поступать, ни с кем из них. Но на первом месте мы. Я хочу сделать так, как будет лучше для нас и нашей семьи.

Нашей семьи.

Миллионы бабочек запорхали в моем животе. Под всем этим фасадом жестокого рокера я начала видеть парня, которых хочет быть любимым и жить обычной, спокойной жизнью.

— Милый, я верю, что не зависимо от того, что ты делаешь, ты всегда будешь действовать так, как будет лучше для нас. Я буду с тобой, не смотря ни на что. Чем бы ты ни решил заняться, мы с этим справимся.

— Знаю, Эви. Я просто думаю о Вандале и малышке Кэти... и моей малышке... Жизни действительно чертовски коротка, — его голос дал трещину.

Я смотрела на него, не зная, что сказать. Он никогда не упоминал о Бритни или о

ребенке до этого.

— Я их подвел, — он не смотрел на меня, когда говорил это.

Мне хотелось подойти к нему и обнять, но я не хотела стать причиной еще одной сцены в ресторане.

— Шторм, ты не виноват. Ты был совсем мальчишкой. Даже взрослый не смог бы справиться со всем, через что пришлось пройти тебе. Когда человек впадает в депрессию или борется с психологическим заболеванием, он не может вести себя нормально. Такие люди не *позволяют* другим помочь себе. Я прошла через такое, я знаю.

— Майкл оставался рядом с тобой, когда ты была в депрессии, — невозмутимо ответил он.

— И посмотри, чем это закончилось. Он оставался со мной, но ничего не исправил. От этого только мы оба страдали. Я думаю, что бы ты ни сделал, это не смогло бы изменить того, что совершила Бритни, Шторм. Стоит только человеку подойти к краю, и он уже слишком отдалился. Он уже принял решение.

— Я часто об этом думаю... с тех пор, как такое случилось с Вандалом. Я хочу в этот раз все сделать правильно. Я не хочу делать ничего, что может привести к возможности потери тебя или нашей семьи.

— Шторм, ты не сделал ничего плохого. Тебе было восемнадцать. И я в полном порядке. Сейчас я счастливее, чем когда-либо была. Я люблю тебя больше, чем считала это возможным. У нас все хорошо во всех планах. Если ты хочешь уйти из группы, тогда сделай это, но только, если твое сердце больше ей не принадлежит, но не потому, что ты считаешь, что это как-то нас защитит. Я счастлива, когда счастлив ты. В этой поездке мы вместе, помнишь? Это то, что ты мне сказал. Я в деле. Если сучки захотят прервать наш ужин, пусть. Мы просто посмеёмся над этой ситуацией. Нас такое не заденет. Наши дети будут расти с двумя родителями, которые любят друг друга, так же, как рос ты. С ними все будет хорошо, обещаю.

Я не привыкла к такой его стороне. Он как лук, чьи слои медленно отслаивались, все больше и больше обнажая его душу. Его мама была права, в нем гораздо больше. И чем больше я узнаю, тем больше люблю этого мужчину.

Оставшуюся часть вечера мы наслаждались ужином, болтая о детях, а депрессия осталась позади.

— Давай, малышка. Надевай на голову и залезай.

Он протянул мне шлем, и я взяла его.

— Он тяжелый, — запротестовала я.

— Давай без этого дерьма. Он должен защищать твою голову. Надевай.

— А на тебе такого нет, — указала я.

— Знаю. Но на тебе будет. А теперь надевай, пожалуйста.

Нахмурившись, я надела себе на голову эту тяжелую штурмовину, и он затянул мне пряжку на подбородке. Сейчас моя голова по ощущениям весила тонну.

Он опустил козырек на шлеме и улыбнулся мне.

— Ты очаровательно выглядишь. А теперь залезай и держись за меня, хорошо?

Я забралась на мотоцикл позади него и крепко обняла его за талию.

— Хорошая девочка. А теперь не извивайся, поняла? Постарайся оставаться рядом с моим телом... если я наклоняюсь вправо, ты наклоняешься вместо со мной. И когда я приторможу, постарайся не допустить, чтобы твой шлем ударил меня по затылку, как сделала моя гребаная сестра.

— Хорошо... поняла. Только езжай помедленнее, ладно?

— Конечно, я так и буду ехать. Я хочу, чтобы ты насладились поездкой. Если начнешь нервничать, просто скажи мне, и я приторможу.

Я показала ему большой палец, и он завел байк, двигатель заревел, вернувшись к жизни. Намного громче, чем я ожидала. Это та самая поездка, которую он пообещал мне много месяцев назад, когда мы оказались посреди метели, и он везет сейчас меня к тому самому месту, о котором говорил, совсем близко от того, где мы застряли. Когда он пообещал тогда, что прокатит меня на мотоцикле, я и подумать не могла, что к этому моменту мы будем вместе, безумно влюблены и начнем строить совместную жизнь.

Обнимать его, пока мы ехали вместе, стало для меня невероятным, объединяющим опытом. Чувство полной любви, доверия и свободы окутало меня, когда мы мчались по лесной дороге. Я так люблю этого мужчину, что иногда мне кажется, что мое сердце вот-вот лопнет. Он стал моим миром, он показывает мне столько всего нового, он открывает мой разум для новых приключений, любя меня безоговорочно, даже когда со мной было непросто. В свою очередь, я посвящаю каждый день проявлению того, как сильно я люблю, хочу и ценю его. Судьба свела нас вместе таким сумасшедшим способом, но она, естественно, знала, что делала.

Мы ехали минут сорок, его длинные волосы развивались у него за спиной и щекотали мою шею, мои руки обхватывали его талию, ноги были прижаты к его ногам, пока он не начал замедляться и не повернул байк на покрытую гравием обочину, в стороне от дороги. Я подождала, пока мотоцикл полностью не остановился, и он не опустил свою ногу, и показал мне «окей», и только тогда я спрыгнула на землю и расстегнула шлем. Сняв с меня шлем, Шторм положил его на заднюю часть байка и сжал в своих объятиях.

— Ты отлично справилась, малышка. Тебе понравилось? — он наклонил немного голову, позади него светило солнце, и поцеловал меня в лоб.

— Понравилось. Сначала было немного страшно, но мне действительно начало нравиться, когда я немного привыкла. Чувство такой... свободы.

— Правда, ведь? Люблю ездить. Надеюсь, ты еще будешь со мной кататься, раз теперь знаешь, какого это.

Он отпустил меня и вернулся к байку. Поискал что-то в седельной сумке и, наконец, достал оттуда скрученное одеяло.

— Я подготовился, — сказал он, взяв одеяло подмышку.

Он схватил меня за руку:

— Пойдем.

Шторм повел меня в сторону от дороги, помогая спуститься с небольшого холма и дальше через лес. Я слышала, что на каком-то расстоянии от нас была вода, как будто бежала речка.

Я огляделась по сторонам.

— Мы действительно здесь? Как тут красиво.

— Ага. Нам вон туда, — он указал на место в пятидесяти футах от нас, где лежало несколько сломанных тонких деревца.

Мы еще немного прошли и оказались около маленькой, узкой речки. По-прежнему крепко держась за руки, мы прошли вдоль реки и подошли к небольшой поляне с маленьким водопадом. Это было поразительно красивое место, скрытое в лесу. Тяжело поверить, что мы были здесь. Совсем не так страшно в солнечный день, когда вокруг нас щебечут птицы.

Шторм расстелил на землю одеяло и увлек меня вниз вместе с собой.

— Здесь так красиво, дорогой. Спасибо большое, что привез меня снова сюда. Такое чувство, словно мы прошли полный круг, — я потянулась над одеялом и поцеловала его в губы.

— Эй, разве я не говорил, что привезу тебя сюда еще раз? — его губы снова слегка коснулись моих. — Я никогда не нарушаю обещаний.

Мы сидели в довольной тишине, наблюдая за водопадом и облаками. Вот бы мы могли взять с собой Нико, получилось бы маленькое такое воссоединение.

Я повернулась к Шторму, рассматривая его. Он великолепно выглядел, как и всегда, ветер развеивал его волосы, черная выцветшая футболка обтягивала мускулы на груди и плечах. Он заметил, что я рассматриваю его.

— Ты смотришь на меня, снова, — поддразнил он.

— Да. Не могу оторвать от тебя глаз.

— Как и я, малышка.

Он взял мою руку и поцеловал открытую ладонь, а потом медленно пососал мой палец у себя во рту, посылая по моей спине дрожь. Его язык кружил вокруг моего пальца, засасывая его глубже в свой рот, а глаза наблюдали за моей реакцией. Он слегка прикусил мой палец зубами, завладевая моей плотью. Я была очарована, глядя на его рот, от чувственности, с которой он это делал, у меня голова пошла кругом, и я стала влажной.

Он встретился со мной взглядом и медленно вытянул из своего рта мою руку. И там, на моем пальце, было кольцо с бриллиантом.

Я забыла, как дышать, и уставилась на него с открытым ртом. Мой мозг заработал с бешеной скоростью. Как, черт возьми, он это сделал? И то ли это, о чем я думаю?

— Шторм.... О, Боже... Я... как ты это сделал?

— Это кольцо моей бабули. Для нее оно особенное. Его ей дал мужчина, которого она любила до того, как встретила моего деда. Но он умер молодым, они не успели пожениться. Она надеялась, что когда-то один из нас, мальчишек, встретит девушку, настолько

особенную, чтобы надеть это кольцо ей. Мы с ней пришли к согласию, что это ты.

Я тяжело сглотнула, глядя на большой блестящий камень на моем пальце. Оно за пределами прекрасное, и тот факт, что оно принадлежало этой чудесной женщине, которое ей подарил кто-то столь особенный, очень много для меня значило. Это больше, чем просто кольцо, больше, чем просто предложение. Это приглашение в замечательную, любящую семью. Это принятие.

Нужно как-то поднять себе настроение, пока я не расплакалась.

— Она знает, что ты используешь язык, чтобы сделать мне предложение с ее кольцом?

— Нет, это была моя часть идеи.

Он продолжал гладить мою руку своим большим пальцем.

— Эви, ... я люблю тебя всем своим сердцем. Все эти последние несколько месяцев ты делала меня чертовски счастливым. У нас были свои взлеты и падения, но каждый раз мы исправляли ситуацию. Я знаю, что ты переживаешь о будущем, и я не могу пообещать тебе, что именно произойдет за последующие десять или двадцать лет с этого момента. Никто не может. Но я обещаю тебе великое начало и я более чем уверен, что у нас будет фантастическая середина, — он поднес мою руку к своим губам. — И я могу пообещать тебе, если мы будем работать сообща, то у нас будет свое «долго и счастливо». Я не стану спрашивать, выйдешь ли ты за меня, потому что я знаю, что мы поженимся. Но я спрошу, поделишь ли ты со мной все свои «завтра»?

Я буквально бросилась на него и начала целовать везде: его лицо, губы, шею.

— Да, да, да! — завизжала я. — Шторм, я так сильно тебя люблю. Я хочу проводить с тобой каждую минуту каждого дня до конца своей жизни. Застрять с тобой посреди метели — это лучшее, что со мной случилось.

Он долго и страстно целовал меня, крепко прижимая мое тело к своему.

— Ты, и правда, застряла со мной с этой минуты, малышка. Я никогда тебя не отпущу.

Конец... на данный момент

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Благодарности

Во-первых, всем читателям, Спасибо Вам!

Я должна поблагодарить удивительного писателя Энн Листер и Ларамии Бриско за всю помощь, поддержку, советы и дружбу. Я люблю вас обеих!

Столько людей помогли мне в этом путешествии, поддерживали, подталкивали меня и отошли от своих собственных дел, чтобы быть рядом со мной. Это была поистине огромная помощь, и я не могу отблагодарить их в полной мере. Крепкие объятия и благодарности вам, Кэролайн Ричардс, Мери Опп, Энджел Даст, MC Rocker Reader, Дебс Кэмерон, Мэнд Холлис, Роджена Митчелл-Джонс, и ОГРОМНОЕ спасибо и миллион объятий лугу на предыдущей странице! Кроме того, спасибо всем блогам, которые помогли мне продвигать эту книгу!

И, наконец, я должна поблагодарить всех сексуальных плохих парней, которые вдохновили меня на написание этих историй!

Кериен Коул

У меня сильное пристрастие к плохим парням, покрытым татуировками, с сексуальной ухмылкой, в рваных джинсах, на быстрых автомобилях, мотоциклах и, конечно же, к сладким девочкам, который пытаются их приручить и завоевать их сердца. Моя дебютная серия книг «Эшес и Эбмерс» следует за событиями из жизни участников рок-группы, как они находят и иногда теряют любовь всей своей жизни.